МОСКВА
ООО «Фирма СТД»
2007

Зигмунд Фрейд

Два детских невроза

Перевод на русский язык

А. М. Боковикова

Sigmund Freud

Zwei Kinderneurosen

Данное издание воспроизводит текст Фрейда в исправленном виде на основе вышедшего в 1980 году девятого издания седьмого тома «Учебного издания».
Первое издание:

Данная книга является восьмым томом десятитомного собрания сочинений З. Фрейда, известного как «Учебное издание». В настоящий том вошли две работы, в которых рассматриваются механизмы возникновения фобии и невроза навязчивых состояний в детском возрасте. Фрейд выделяет конституциональные и внешнесредовые факторы, предрасполагающие к развитию данных расстройств и на примере двух случаев демонстрирует подходы к лечению своих пациентов.

ISBN-5-89808-051-1

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ ЭТОМ ТОМЕ

Подробное описание структуры и целей настоящего издания, а также принципа подбора работ читатель найдет в «Пояснениях к изданию», помещенных в начале первого тома. Здесь мы лишь еще раз вкратце подытожим эти моменты; одновременно мы хотели бы дать некоторые комментарии и снабдить читателя своего рода «путеводителем» по данному тому.

Цель этого разделенного на отдельные темы издания состояла прежде всего в том, чтобы основные сочинения Зигмунда Фрейда сделать доступными для студентов, изучающих науки, смежные с психоанализом, — социологию, политические науки, социальную психологию, педагогику и т. д., — а также для всех интересующихся неспециалистов. Это издание снабжено подробными примечаниями в большем количестве и в более систематизированной форме, чем это делалось в отдельных изданиях карманного формата. Вначале у нас не было намерения включать в данное издание сочинения, посвященные теории и технике терапии. Однако по многочисленным просьбам эта часть творческого наследия Фрейда также теперь была сделана доступной и содержится в дополнительном томе (без номера) «Учебного издания».

«Учебное издание» публикуется уже после смерти Джеймса Стрейчи, главного редактора редакционной коллегии, который продолжал работать над его подготовкой, прежде всего над планом содержания и принципами комментариев, до самой своей смерти в апреле 1967 года.

В настоящем издании в основном использованы тексты из последнего немецкого издания, которые были опубликованы еще при жизни Фрейда. То есть в большинстве случаев они вначале были опубликованы в вышедшем в Лондоне «Собрании сочинений» (которое в свою очередь большей частью представляет собой фотокопии опубликованного еще в Вене «Собрания трудов»). В других случаях источник указывается в «Замечаниях издателей», предваряющих соответствующий труд. Несколько ссылок Фрейда на страницы прежних, сегодня почти недоступных изданий его работ опущены издателями, а вместо них добавлены описательные примечания, помогающие читателю найти соответствующее места в доступных сегодня изданиях; это касается прежде всего «Толкования сновиде-

ний». Чтобы избежать ненужных повторов, в конце каждого тома «Учебного издания» приведены также подробные библиографические сведения Фрейда о собственных сочинениях, а также о работах других авторов, которые содержались в текстах предыдущих изданий. За исключением этой незначительной правки и единообразного употребления сокращения «с.» для указания страниц (в том числе тех случаев, где Фрейд, особенно в ранних работах, писал «р.») и некоторых изменений орфографии, пунктуации и шрифтового оформления для приведения их в более современный вид, каждое изменение, сделанное в исходном тексте, поясняется в примечании.

Включенный в «Учебное издание» редакторский материал заимствован из *Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, то есть английского издания, сделанного под руководством Джеймса Стрейчи; он воспроизводится здесь в переводе с разрешения обладателей права публикации, Института психоанализа и издательства «Хогарт-Пресс» (Лондон). Там, где того требовала цель настоящего издания, этот материал был сокращен и адаптирован; вместе с тем были сделаны некоторые исправления и добавлены примечания. За исключением «Предварительных замечаний издателей» и некоторых приложений, все дополнения, сделанные издателями, приведены в квадратных скобках.

Издатели выражают огромную благодарность Ильзе Грубрих-Зимитис из издательства С. Фишера. Без ее инициативы это «Учебное издание» не увидело бы свет; на всех стадиях подготовки она оказывала неоценимую и компетентную помощь. Огромной благодарности заслуживает также Кете Хюгель за перевод на немецкий язык редакторского материала, а также Ингеборг Мейер-Палмедо за помощь при вычитке корректуры и составлении указателей.

Использованные в этом томе специальные сокращения разъясняются в списке сокращений на с. 240. В тексте или в сносках иногда упоминаются сочинения Фрейда, которые в «Учебное издание» не включены. Из библиографии в конце каждого тома (в которой содержатся сведения обо всех упомянутых технических работах Фрейда и других авторов) читатель может получить информацию о том, вошла данная работа в «Учебное издание» или нет.

Издатели

Анализ фобии одного пятилетнего мальчика

[«Маленький Ганс»]

(1907)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1909 *Jb. psycboanalyt. psychopath. Forsch.*, т. I (1), 1–109.
1913 *S. K. S. N.*, т. 3, 1–122. (1921, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 8, 127–263.
1932 *Vier Krankengeschichten*, 142–281.
1941 *G. W.*, т. 7, 241–377.

«Дополнение к анализу маленького Ганса»:

1922 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 8 (3), 321.
1924 *G. S.*, т. 8, 264–265.
1932 *Vier Krankengeschichten*, 282–283.
1940 *G. W.*, т. 13, 431–432.

Некоторые заметки, касающиеся ранней истории жизни маленького Ганса Фрейд опубликовал еще двумя годами раньше в своем «Открытом письме д-ру М. Фюрсту: О сексуальном просвещении детей» (1907*c*). В первых изданиях той статьи мальчик именовался «маленький Герберт»; однако после публикации настоящей работы он был все-таки переименован в «маленького Ганса». Эта же история болезни вскоре упоминается в другой ранней работе Фрейда, исходную базу которой она, собственно, и составляет, а именно в статье «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*); в ней содержатся многие наиболее важные теории, обсуждаемые в данной истории болезни. Далее следует упомянуть, что при первой публикации в «Ежегоднике» история болезни маленького Ганса была обозначена как «сообщенная Фрейдом». При подготовке восьмого тома «Собрания трудов» (1924), который содержит эту и четыре других подробных историй болезни, Фрейд в одном из примечаний добавил, что сообщение о случае публикуется «с безоговорочного согласия» отца.

Позднее Фрейд использовал историю болезни маленького Ганса как основу для своих рассуждений о сущности тревоги в главах IV и VII работы «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*). Она также упоминается в связи с тотемизмом и фобии животных в работе «Тотем и табу» (1912–1913), статья IV, раздел 3. Кроме того, о тревоге и фобиях у детей говорится в 25-й лекции по введению в психоана-

лиз (1916–1917) и в главе VIII работы «Торможение, симптом и страх», а также в истории болезни «Волкова», в данном томе, с. 129 и далее.

Следующая хронологическая таблица с некоторыми датами, взятыми из сообщения о случае, должна помочь читателю проследить за течением болезни маленького Ганса.

1903 (апрель) Рождение маленького Ганса.

1906 (возраст 3–$3^{3}/_{4}$ года) Первые сообщения.
($3^{1}/_{4}$–$3^{1}/_{2}$ года) (лето) Первое пребывание в Гмундене.
($3^{1}/_{2}$ года) (лето) Угроза кастрации.
($3^{1}/_{2}$ года) (октябрь) Рождение Ханны.

1907 ($3^{3}/_{4}$ года) Первое сновидение.
(4 года) Переезд на новую квартиру.
($4^{1}/_{4}$–$4^{1}/_{2}$ года) (лето) Второе пребывание в Гмундене, эпизод с кусающейся лошадью.

1908 ($4^{3}/_{4}$ года) (январь) Эпизод с упавшей лошадью. Возникновение фобии.
(5 лет) (май) Завершение анализа.

I
ВВЕДЕНИЕ

Строго говоря, излагаемая на последующих страницах история болезни и излечения весьма юного пациента не относится к числу моих наблюдений. Правда, я руководил общим планом лечения, а также один-единственный раз лично вмешался в разговор с мальчиком; само же лечение проводилось отцом малыша, которому я премного благодарен за передачу мне своих записей с целью опубликования. Но заслуга отца этим не ограничивается; я думаю, что другому лицу вообще не удалось бы побудить ребенка к подобным признаниям; осведомленность, благодаря которой отец сумел истолковать высказывания своего пятилетнего сына, ничем заменить было бы невозможно, а технические трудности психоанализа в столь нежном возрасте остались бы непреодолимыми. Только соединение в одном лице родительского и врачебного авторитета, совпадение у него нежного интереса с научным позволили ему в этом конкретном случае использовать метод, который иначе оказался бы непригодным[1].

Но особая ценность этого наблюдения заключается в следующем. Врач, занимающийся психоаналитическим лечением взрослого нервнобольного, в результате своей работы по раскрытию напластованных психических образований в конечном счете приходит к определенным гипотезам об инфантильной сексуальности, в компонентах которой он, как ему кажется, выявил движущие силы всех невротических симптомов последующей жизни. Эти гипотезы я изложил в опубликованных мною в 1905 году «Трех очерках по теории сексуальности» [1905*d*]; я знаю, что человеку, далекому от психоанализа, они кажутся такими же странными, сколь неопровержимыми кажутся психоаналитику. Но и психоаналитик вправе сознаться в желании получить доказательства этих фундаментальных тезисов более прямым и коротким путем. Разве не-

---

[1] [Позднее Фрейд на собственном опыте убедился, что такое ограничение не было обязательным. (Ср. работы, приведенные в примечании на с. 122.) Некоторые дальнейшие замечания о пользе детского анализа для теории находятся в начале сообщения о случае «Волкова», с. 130—131 данного тома.]

возможно непосредственно у ребенка распознать во всей жизненной свежести те сексуальные побуждения и желания, которые у состарившегося человека мы с таким огромным трудом должны выкапывать из-под завалов, про которые вдобавок мы еще можем сказать, что они представляют собой конституциональное достояние всех людей, а у невротика оказываются лишь усилившимися или искаженными?

С этой целью я уже многие годы побуждаю своих учеников и друзей собирать сведения о сексуальной жизни детей, которая чаще всего искусно не замечается или намеренно отрицается. Среди материала, который благодаря этому требованию попал в мои руки, поступающие сообщения о маленьком Гансе вскоре стали занимать первостепенное место. Его родители — они оба относились к числу моих ближайших приверженцев — договорились воспитывать своего первого ребенка с не большим принуждением, чем то, которое, безусловно, необходимо для получения хороших манер, и поскольку ребенок развился в веселого, благонравного и смышленого мальчишку, попытка воспитывать его без запугивания и позволить ему свободно себя выражать дала хорошие результаты. Теперь я воспроизведу заметки отца о маленьком Гансе в том виде, как они мне были переданы, и, разумеется, воздержусь от всякой попытки устранить наивность и искренность детской души посредством общепринятых искажений.

Первые сообщения о Гансе относятся к тому времени, когда ему еще не было полных трех лет. Уже тогда своими различными речами и вопросами он обнаруживал необычайно живой интерес к части своего тела, которую он обычно называл «пипика». Так, однажды он задал вопрос своей матери:

Ганс: «Мама, а у тебя тоже есть пипика?»

Мама: «Разумеется. А что такое?»

Ганс: «Я просто подумал».

В этом же возрасте однажды он входит в хлев и видит, как доят корову. «Смотри, из пипики идет молоко».

Уже эти первые наблюдения заставляют предположить, что многое, если не большая часть из того, что проявляет маленький Ганс, окажется типичным для сексуального развития ребенка. Я однажды указывал[1], что не следует особенно ужасаться, обнаружив у существа женского пола представление о сосании полового члена. Это

---

[1] «Фрагмент анализа одного случая истерии» (1905*e*) [*Studienausgabe*, т. 6, с. 126–127].

непристойное побуждение имеет безобидное происхождение, поскольку оно проистекает от представления о сосании материнской груди, причем вымя коровы (по своей природе — женская грудь, по своей форме и по своему положению — пенис) выступает подходящим опосредствующим звеном. Открытие маленького Ганса подтверждает последнюю часть моего положения.

Между тем его интерес к пипике не является чисто теоретическим; Как можно было предположить, это вызывает у него также желание прикасаться к своему члену. В возрасте $3^1/_2$ года мать застала его держащим руку на пенисе. Мать грозит: «Если ты это будешь делать, я попрошу прийти доктора А., который отрежет тебе пипику. Чем же ты тогда будешь делать пипи?»

Ганс: «Попой».

Он отвечает, пока еще не сознавая вины, но приобретает по этому случаю «комплекс кастрации», о котором так часто приходится делать вывод в анализах невротиков, тогда как все они без исключения упорно не желают его признавать. О значении этого элемента в истории развития ребенка можно было бы сказать много важного. «Комплекс кастрации» оставил явные следы в мифологии (причем не только в греческой); о его роли я уже говорил в одном месте «Толкования сновидений» [1900*a*] (с. 385 второго издания, 7-е изд. с. 456)[1], а также в других работах[2].

---

[1] [*Studienausgabe*, т. 2, с. 586. Термин «комплекс кастрации» впервые был использован Фрейдом в его работе «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*), которую он опубликовал незадолго до настоящей истории болезни (см. «Предварительные замечания издателей», выше, с. 11.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* С тех пор благодаря работам Лу Андреас[-Саломе, 1916], А. Штерке [1921], Ф. Александера [1922] и др. учение о комплексе кастрации претерпело дальнейшее развитие. Утверждалось, что младенец уже тогдашнее отлучение от материнской груди должен ощущать как кастрацию, то есть как потерю важной, причисляемой к своей собственности части тела, что регулярную отдачу стула он не может расценивать иначе, более того, что акт рождения как отделение от матери, с которой он прежде составлял единое целое, является прототипом любой кастрации. Признавая все эти причины комплекса, я все же выдвинул требование, что название «комплекс кастрации» следует ограничить возбуждениями и воздействиями, которые связаны с потерей пениса. Кто в анализе взрослых убежден в неотвратимости комплекса кастрации, разумеется, сочтет сложным сводить его к случайной и вместе с тем повсеместно встречающейся угрозе и должен будет предположить, что ребенок конструирует эту опасность из малейших намеков, которых все же всегда хватает. [Ср. обсуждение Фрейдом «первичных фантазий» в 23-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917), а также в разделах V и VIII истории болезни «Волкова», в данном томе с. 167 и далее, 208 и далее.] Это также является мотивом, дающим импульс к тому, чтобы искать повсеместно имеющиеся более глубокие

Примерно в этом же возрасте ($3^1/_2$ года) в Шёнбрунне перед клеткой со львом он радостно-возбужденно восклицает: «Я видел пипику льва».

Доброй долей значения, которое животные имеют в мифах и сказках, они обязаны той откровенности, с которой демонстрируют человеку свои гениталии и их сексуальные функции. Сексуальное любопытство нашего Ганса, пожалуй, не терпит сомнения, но оно делает его исследователем, предоставляет ему возможность правильного понятийного познания.

В $3^3/_4$ года он видит на вокзале, как из локомотива выпускается вода. «Смотри, локомотив делает пипи. Но где же его пипика?»

Через какое-то время он задумчиво добавляет: «У собаки, у лошади есть пипика; у стола и стула — нет». Так он получил существенный признак для различения живого и неживого.

Любознательность и сексуальное любопытство, по-видимому, друг от друга неотделимы. Любопытство Ганса прежде всего распространяется на родителей.

Ганс, $3^3/_4$ года: «Папа, у тебя тоже есть пипика?»

Отец: «Да, конечно».

Ганс: «Но я ее никогда не видел, когда ты раздевался».

В другой раз он с интересом глядит, как мама раздевается перед тем как лечь спать. Она спрашивает: «Чего ты так смотришь?»

Ганс: «Я лишь смотрю, есть ли у тебя пипика?»

Мама: «Конечно. Разве ты этого не знал?»

Ганс: «Нет, я думал, что раз ты такая большая, то пипика у тебя, как у лошади».

Возьмем себе на заметку это ожидание маленького Ганса; позднее оно получит свое значение.

Важным событием в жизни Ганса, однако, является рождение его маленькой сестры Ханны, когда ему было ровно $3^1/_2$ года (апрель 1903 — октябрь 1906 года). Его поведение в связи с этим событием было непосредственно записано отцом:

> В пять часов утра, с началом схваток, постель Ганса переносят в соседнюю комнату; здесь он просыпается в семь часов, слышит стоны роженицы и вслед за этим спрашивает: «Чего это мама кашляет?» — После паузы: «Сегодня, наверное, прилетит аист».

корни комплекса. И тем более ценным является то, что в случае маленького Ганса об угрозе кастрации сообщают родители, причем в то время, когда о его фобии вопрос еще не стоял. [Ср. Freud (1924*d*; *Studienausgabe*, т. 5, с. 247).]

Разумеется, в последние дни ему часто говорили, что аист принесет девочку или мальчика, и он совершенно верно связывает необычные стоны с появлением аиста.

Позже его приводят на кухню; в прихожей он видит сумку врача и спрашивает: «Что это такое?», на что ему говорят: «Сумка». Тогда он убежденно заявляет: «Сегодня прилетит аист». После родов акушерка входит на кухню, и Ганс слышит, как она просит, чтобы заварили чай, после чего говорит: «Ага, когда мамочка кашляет, она получает чай». Затем его зовут в комнату, но он смотрит не на мать, а на сосуды с кроваво-красной водой, которые по-прежнему стоят в комнате, и, указывая на окровавленное подкладное судно, с удивлением замечает: «А из моей пипики кровь не течет».

Все его суждения указывают на то, что необычность ситуации он связывает с прилетом аиста. Он напряженно взирает на все с выражением явного недоверия, и, *несомненно, в нем прочно засело первое недоверие по отношению к аисту*.

Ганс очень ревниво относится к новорожденной и, когда кто-нибудь ее хвалит, находит красивой и т. д., тут же злорадно замечает: «А у нее еще нет зубов»[1]. Дело в том, что, когда он ее увидел впервые, он был весьма удивлен, что она не может говорить, и решил,что она не может говорить, потому что у нее нет зубов. Само собой разумеется, в первые дни на него очень мало обращают внимания, и он внезапно заболевает ангиной. Слышно, как в лихорадочном бреду он говорит: «Мне не нужна сестренка!»

Примерно через полгода ревность преодолена, и он становится столь же нежным, как и сознающим свое превосходство братом[2].

Немного позже Ганс наблюдает, как купают его восьминедельную сестру. Он замечает: «А ее пипика пока еще маленькая», — и добавляет: «Когда она вырастет, пипика у нее станет больше[3]».

---

[1] Опять типичное поведение. Другой брат, старший всего на два года, при аналогичных обстоятельствах сердито выкрикивал: «Слишком ма(л)енькая, слишком ма(л)енькая».

[2] «Пусть аист его заберет обратно», — сказал другой мальчик чуть постарше, приветствуя братика. Сравните с тем, что я отмечал в «Толковании сновидений» относительно сновидений о смерти близких родственников (с. 173 и далее, 8-е изд., [1900*a*, гл. V, раздел Г (β); *Studienausgabe*, т. 2, с. 253 и далее]).

[3] То же самое суждение, выраженное в идентичных словах и возникшее вследствие такого же ожидания, я услышал от двух других мальчиков, когда они впервые с любопытством разглядывали живот маленькой сестренки. Можно было

В этом же возрасте ($3^3/_4$ года) Ганс впервые рассказывает свой сон: «Сегодня, когда я спал, я думал, что нахожусь в Гмундене[1] с Мариель.

Мариель — 13-летняя дочь домовладельца, которая часто с ним играла.

Когда теперь в его присутствии отец рассказывает матери этот сон, Ганс поправляя его, замечает: «Не с Мариель, а совсем один с Мариель».

В связи с этим необходимо отметить:

Летом 1906 года Ганс находился в Гмундене, где он дни напролет слонялся с детьми домовладельца. Когда мы уезжали из Гмундена, мы думали, что расставание и переезд в город окажутся для него тяжелыми. К удивлению, этого не произошло. Он явно радовался перемене и на протяжении нескольких недель говорил о Гмундене очень мало. И только по прошествии нескольких недель у него часто стали всплывать

бы ужаснуться этой ранней испорченности детского интеллекта. Почему эти юные исследователи не констатируют того, что действительно видят, а именно, что никакой пипики нет? Правда, в отношении нашего маленького Ганса мы можем дать полное объяснение его ошибочного восприятия. Мы знаем: благодаря тщательной индукции он пришел к общему положению, что любое живое существо в отличие от неживого обладает пипикой; мать утвердила его в этом убеждении, дав ему утвердительные сведения о тех людях, которые уклонились от его собственного наблюдения. Теперь он совершенно неспособен вновь отказаться от своего завоевания вследствие наблюдения над маленькой сестрой. Поэтому он считает, что пипика имеется также и здесь, просто она пока еще очень маленькая, но она вырастет и станет такой же большой, как у лошади.

Для реабилитации нашего маленького Ганса мы хотим сделать еще кое-что. Собственно говоря, он ведет себя не хуже, чем философ из школы Вундта, для которого сознание является всегда присутствующим свойством душевного, подобно тому, как для Ганса пипика — неотъемлемый признак всего живого. Если же философ наталкивается на душевные процессы, относительно которых приходится делать вывод, но в которых действительно ничего нельзя воспринять от сознания — то есть о них ничего не известно и тем не менее о них нельзя не сделать вывода, — то он не говорит, что это бессознательные душевные процессы, а называет их *смутно осознаваемыми*. Пипика пока еще очень маленькая! И при этом сравнении преимущество все-таки на стороне нашего маленького Ганса. Ибо, как это часто бывает при сексуальных исследованиях детей, также и здесь за их заблуждением скрыта частица правильного познания. Ведь девочка тоже имеет маленькую пипику, которую мы называем клитором, хотя она и не вырастает, а остается рудиментарной. (Ср. мою небольшую работу: «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*) [и раздел, посвященный инфантильному сексуальному исследованию во втором из «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*); *Studienausgabe*, т. 5, с. 100–102].)

[1] [Небольшой курортный городок в Зальцкаммергуте.]

живые воспоминания о времени, проведенном в Гмундене. Последние четыре недели он перерабатывает эти воспоминания в фантазии. Он фантазирует, что играет с детьми Бертой, Ольгой и Фрицем, разговаривает с ними, как будто они находятся рядом, и способен часами развлекаться подобным образом. Теперь, когда у него появилась сестра и его, по-видимому, стала занимать проблема родов, он называет Берту и Ольгу разве что «своими детьми» и однажды добавляет: «Моих детей, Берту и Ольгу, тоже принес аист». Сон, приснившийся после шестимесячного отсутствия в Гмундене, следует, видимо, понимать как выражение его желания поехать в Гмунден.

Так пишет отец; забегая вперед, отмечу, что Ганс последним заявлением о «своих детях», которых ему якобы аист, явно противоречит засевшему в нем сомнению.

К счастью, отец записал здесь многое из того, что впоследствии неожиданно приобрело немалую ценность. [Ср. с. 37 и далее.]

Я рисую Гансу, который в последнее время часто бывал в Шёнбрунне, жирафа. Он говорит мне: «Нарисуй же и пипику». Я в ответ: «Пририсуй ее сам». Тогда он добавляет к изображению жирафа следующую линию (рисунок прилагается)[1], которую сначала делает короткой, а затем чуть удлиняет, замечая: «Пипика длиннее».

Я прохожу с Гансом мимо лошади, которая мочится. Он говорит: «У лошади пипика внизу, как и у меня».

Он наблюдает, как купается его трехмесячная сестра и с сожалением говорит: «У нее совсем, совсем маленькая пипика».

Он получает куклу, чтобы играть, которую раздевает. Он внимательно ее разглядывает и говорит: «А пипика у нее совсем маленькая».

---

[1] [Во всех поздних изданиях на этом рисунке можно увидеть непонятную горизонтальную линию. При перепроверке первой публикации в «Ежегоднике» оказалось, что в конце этой горизонтальной линии находилось слово «пипика». Стало быть, линия и слова первоначально, по всей видимости, были добавлены для пояснения отцом. Это пояснительное слово здесь снова вставлено.]

Мы уже знаем, что с помощью этой формулы для него становится возможным сохранять в силе свое открытие [отличия живого от неживого] (ср. с. 16 [и 18, прим. 1)].

Любому исследователю грозит опасность иной раз впасть в ошибку. Остается утешиться тем, если он, как наш Ганс в следующем примере, не просто заблуждается, а может в свое оправдание сослаться на словоупотребление. Так, в своей книжке с картинками Ганс видит обезьяну и показывает на ее изогнутый кверху хвост: «Смотри, папочка, пипика»[1].

Из-за своего интереса к пипике он придумал совершенно особую игру.

> В прихожей находятся уборная и темная кладовка. С некоторого времени Ганс ходит в кладовку и говорит: «Я иду в мой клозет». Однажды я заглядываю в нее, чтобы посмотреть, что он делает в темной каморке. Он снимает штаны и говорит: «Я делаю пипи». Это означает: он «играет» в клозет. Игровой характер явствует не только из того, что «пипи» он просто симулирует, а не делает по-настоящему, но также и из того, что он не идет в клозет, что, собственно, было бы гораздо проще, а предпочитает кладовку, которую он называет «своим клозетом».

Мы были бы несправедливы к Гансу, если бы проследили только аутоэротические черты его сексуальной жизни. Его отец может нам сообщить свои подробные наблюдения над его любовными отношениями с другими детьми, их которых проистекает «выбор объекта», как у взрослого. Правда, также совершенно удивительная подвижность и полигамические наклонности.

> Зимой ($3^3/_4$ года) я беру с собой Ганса на каток и знакомлю его с двумя дочками моего коллеги Н. примерно десятилетнего возраста. Ганс усаживается рядом с ними; те, ощущая свой зрелый возраст, довольно пренебрежительно взирают на малыша, а он глядит на них с почитанием, что никакого большого впечатления на них не производит. Тем не менее Ганс говорит о них только как о «своих девочках»: «Где же мои девочки? Когда же придут мои девочки?» — и на протяжении нескольких недель досаждает мне дома вопросом: «Когда я снова пойду на каток к моим девочкам?»

---

[1] [В немецком языке слово «der Schwanz» обозначает как хвост, так и мужской член. — *Примечание переводчика*.]

Пятилетний кузен гостит у четырехлетнего Ганса. Ганс беспрестанно его обнимает и однажды при таком нежном объятии говорит: «Как я тебя люблю».

Это первое, но не последнее проявление гомосексуальности, с которым мы встретимся у Ганса. Похоже, наш маленький Ганс и в самом деле является образцом всех низостей!

Мы переехали в новую квартиру. (Гансу четыре года.) Из кухни дверь ведет на балкон, откуда видна находящаяся напротив во дворе квартира. Здесь Ганс обнаружил девочку 7—8 лет. Теперь, чтобы любоваться ею, он садится на ступеньку, ведущую на балкон, и сидит там часами. Особенно в 4 часа пополудни, когда девочка приходит из школы, его невозможно удержать в комнате и увести с его наблюдательного поста. Однажды, когда девочка в обычное время не показывается у окна, Ганс становится беспокойным и докучает матери и отцу вопросами: «Когда придет девочка? Где девочка?» и т. д. Когда она затем появляется, он полностью счастлив и больше уже не отводит взгляд от квартиры напротив. Сила, с которой проявилась эта «любовь на расстоянии»[1], находит свое объяснение в том, что у Ганса нет товарищей и подруг. Составной частью нормального развития ребенка, очевидно, является постоянное общение с другими детьми.
Оно выпадает на долю Ганса, когда вскоре после этого (в $4^1/_2$ года[2]) мы на летний отдых переезжаем в Гмунден. В нашем доме с ним играют дети домохозяина: Франц (12 лет), Фриц (8 лет), Ольга (7 лет), Берта (5 лет) и, кроме того, соседские дети: Анна (10 лет) и еще две девочки 9 и 7 лет, имен которых я уже не помню. Его любимец — Фриц, которого он часто обнимает и заверяет в своей любви. Однажды его спрашивают: «Какая же из девочек тебе нравится больше всего?». Он отвечает: «Фриц». В то же время по отношению к девочкам он очень агрессивен, ведет себя по-мужски, как завоеватель, обнимает и целует их, что особенно нравится Берте. Однажды вечером, когда Берта выходит из комнаты, Ганс обнимает ее и самым нежным голосом говорит: «Берта, какая же ты милая!», что, впрочем, не мешает ему целовать и уверять в своей любви других девочек. Ему также нравится 14-летняя Мариель — тоже дочь домохозяина,

---

[1] В. Буш: А любовь на расстоянии,
Словом, крайне неприятна мне.

[2] [Ошибка: в $4^1/_4$ года.]

которая с ним играет, — и однажды вечером, когда его укладывают спать, он говорит: «Пусть Мариель спит со мной». Когда ему отвечают: «Так не положено», он говорит: «Тогда пусть она спит с мамой или с папой». Ему возражают: «Так тоже не положено, Мариель должна спать у своих родителей», — и тут возникает следующий диалог:

Ганс: «Тогда я пойду вниз спать к Мариель».

Мама: «Ты действительно хочешь уйти от мамы, чтобы спать внизу?»

Ганс: «Но ведь утром я снова поднимусь наверх, чтобы попить кофе и сделать пипи».

Мама: «Если ты действительно хочешь уйти от папы и мамы, забери свою куртку и штаны и — до свидания!»

Ганс действительно берет свою одежду и направляется к лестнице, чтобы пойти спать к Мариель, но, конечно, его возвращают обратно.

(За желанием: «Пусть Мариель спит у нас», разумеется[1], скрывается другое: пусть Мариель, рядом с которой ему так нравится находиться, будет принята в нашу семью. Но тем самым не подлежит сомнению, что отец и мать Ганса, хотя и не очень часто, брали его к себе в кровать, и когда он лежал рядом с ними, у него пробуждались эротические чувства, и что желание спать с Мариель имеет также свой эротический смысл. Для Ганса, как и для всех детей, лежать в кровати с отцом или матерью является источником эротических побуждений.)

Наш маленький Ганс, несмотря на свои гомосексуальные странности, при расспросах матери повел себя как настоящий мужчина.

Также и в следующем случае Ганс сказал матери: «Мне бы очень хотелось однажды поспать с этой девочкой». Этот случай весьма забавен для нас, ибо Ганс действительно ведет себя здесь, как влюбленный взрослый. В гостиницу, где мы обедаем, уже несколько дней приходит прелестная восьмилетняя девочка, в которую Ганс, конечно, тут же влюбляется. Он по-

---

[1] [Во всех прежних издания, кроме первого, слово «разумеется» (видимо, по ошибке) было пропущено. — В изданиях до 1924 года весь этот абзац был заключен в квадратные скобки. Исходя из этого, а также на основании того факта, что о родителях Ганса говорится в третьем лице, Джеймс и Аликс Стрейчи, которые перевели эту работу на английский язык, в 1923 году сделали вывод, что автор этого комментария — Фрейд. Они спросили об этом Фрейда, однако он категорически заявил, что весь абзац принадлежит отцу Ганса. Затем, начиная с 1924 года, квадратные скобки были заменены круглыми.]

стоянно вертится на своем стуле, чтобы на нее поглядывать, поев, располагается возле нее, чтобы с ней пококетничать, но становится огненно-красным, когда при этом за ним наблюдают. Если девочка отвечает на его взгляд, то он тут же стыдливо глядит в противоположную сторону. Его поведение, естественно, становится настоящей потехой для всех гостей гостиницы. Каждый день, когда его ведут в гостиницу, он спрашивает: «Как ты думаешь, там будет сегодня девочка?» Когда, наконец, она приходит, он краснеет, как взрослый в подобном случае. Однажды он счастливый приходит ко мне и шепчет мне на ухо: «Слушай, я уже знаю, где живет девочка. Там-то и там-то я видел, как она подымалась по лестнице». Если дома он ведет себя по отношению к девочкам агрессивно, то здесь он выступает платонически изнывающим поклонником. Возможно, это связано с тем, что девочки в доме — деревенские дети, эта же — образованная дама. О том, что ему хотелось бы с ней поспать, уже упоминалось.

Так как я не хочу оставлять Ганса в прежнем состоянии душевного напряжения, в которое его повергла любовь к девочке, я посредничаю в его знакомстве с ней и приглашаю девочку прийти вечером к нему в сад, когда он проснется после обеда. Ганс настолько возбужден ожиданием того, что к нему придет девочка, что впервые не может после обеда заснуть и беспокойно ворочается в постели. Мама спрашивает его: «Почему ты не спишь? Наверное, ты думаешь о девочке?», на что счастливый Ганс отвечает: «Да». Когда он пришел домой из гостиницы, он также всем людям в доме рассказывал: «Сегодня ко мне придет моя девочка», — а 14-летняя Мариель сообщает, что он постоянно спрашивал ее: «Послушай, как ты думаешь, она будет со мной мила? Как ты думаешь, она поцелует меня, если я ее поцелую?» и т. п.

Однако после обеда пошел дождь, а потому визит не состоялся, и Ганс утешился с Бертой и Ольгой.

Дальнейшие наблюдения, по-прежнему относящиеся ко времени пребывания на летнем отдыхе, позволяют предположить, что у малыша назревают и разного рода новшества.

Ганс, $4^1/_4$ года. Сегодня утром мать, как обычно, купает Ганса, а после купанья вытирает его и припудривает. Когда мама очень осторожно припудривает пенис, причем так, чтобы его не коснуться, Ганс говорит: «Почему ты здесь не трогаешь пальцем?»

Мама: «Потому что это свинство».
Ганс: «Как это? Свинство? Но почему?»
Мама: «Потому что это неприлично».
Ганс (смеясь): «Зато весело»[1].

Приснившийся примерно в это же время сон нашего Ганса по содержанию резко контрастирует с той дерзостью, которую он проявил по отношению к матери. Это первый искаженный до неузнаваемости сон мальчика. Но благодаря проницательности отца удалось получить его разгадку.

Ганс $4^1/_4$ года. *Сновидение*. Сегодня утром Ганс просыпается и рассказывает: «Знаешь, сегодня ночью я думал: *«Один говорит: кто хочет ко мне подойти? Тогда кто-то говорит: "Я". Тогда он должен его заставить сделать пипи»*.
Из дальнейших расспросов стало понятным, что в этом сновидении все, что относится к зрительной сфере, совершенно отсутствует, что оно принадлежит к чистому *type auditif*[2]. Несколько дней назад Ганс играл с детьми домохозяина, среди них со своими приятельницами Ольгой (7 лет) и Бертой (5 лет)[3], в разные игры, в том числе в фанты (А.: «Чей фант в моей руке?» Б.: «Мой». Затем Б. назначают, что он должен сделать.) Сновидение подделывается под эту игру в фанты, разве что Гансу хочется, чтобы тот, кто вытянул фант, был присужден не к обычным поцелуям или пощечинам, а к тому, чтобы сделать пипи, или, точнее, кто-то должен заставить его сделать пипи[4].
Я прошу еще раз рассказать сон; он рассказывает его теми же словами, но вместо: «Тогда кто-то говорит» указывает: «Тогда она говорит». Эта «она» — по-видимому, Берта или Ольга, с которыми он играл. Стало быть, в переводе сновидение гласит: «Я играю с девочками в фанты. Я спрашиваю, кто хочет ко мне подойти? Она (Берта или Ольга) отвечает: "Я".

---

[1] Про подобную попытку совращения рассказала мне о своей дочурке в возрасте $3^1/_2$ лет одна невротичная мать, не желавшая верить в инфантильную мастурбацию. Ей сшила малышке трусы и решила проверить, не будут ли они слишком узкими при ходьбе; она провела снизу вверх рукой по внутренней поверхности бедер. Вдруг малышка прижала ногами руку попросила: «Мама, оставь же там руку. Это так хорошо».

[2] [Слуховой типу (фр.). — *Примечание переводчика*.]

[3] [В изданиях до 1924 года возраст обеих девочек случайно перепутан. Ср. с. 21.]

[4] [Однако вскоре станет понятно, что по смыслу должно быть сказано: «Или, точнее, он должен заставить кого-то сделать пипи».]

Тогда она должна заставить меня сделать пипи». (Помочь при мочеиспускании, что, по-видимому, Гансу приятно.)
Ясно, что «делать пипи», когда ребенку расстегивают штаны и вынимают пенис, Гансу приятно. Во время прогулок эту помощь чаще всего оказывает ребенку отец, что дает повод для фиксации на отце гомосексуальной наклонности.
За два дня до этого, как уже сообщалось, после того как мама его искупала и припудривала генитальную область, он ее спросил: «Почему ты здесь не трогаешь пальцем?» Вчера, когда я попросил Ганса «сходить в кустики», он впервые попросил меня отвести его за дом, чтобы никто не мог его видеть, и добавил: «В прошлом году, когда я делал пипи, Берта и Ольга за мною подсматривали». Это, как я думаю, означает, что в прошлом году то, что девочки за ним наблюдали, ему было приятно, а теперь — уже нет. Эксгибиционистское удовольствие теперь подвергается вытеснению. То, что желание, чтобы Берта или Ольга смотрели, как он делает пипи (или заставляли его делать пипи), теперь вытесняется в жизни, служит объяснением его проявления в сновидении, в котором он создал себе красивое облачение благодаря игре в фанты. С тех пор я неоднократно наблюдал, что ему не хочется, чтобы другие наблюдали за ним, как он «делает пипи».

В связи с этим я только замечу, что также и этот сон подчиняется правилу, приведенному мной в «Толковании сновидений» (с. 283–284, 7-е изд.[1]): Разговоры, случающиеся в сновидении, происходят от услышанных или самостоятельно произнесенных речей в предшествовавшие дни.

Вскоре после переезда в Вену отец зафиксировал еще одно наблюдение:

Ганс ($4^1/_2$ года) вновь наблюдает, как купают его маленькую сестру, и начинает смеяться. Его спрашивают: «Почему ты смеешься?»
Ганс: «Я смеюсь над пипикой Ханны».
«Почему?» —»Потому что пипика такая красивая».
Ответ, разумеется, лживый. Пипика показалась ему как раз комичной. Впрочем, он впервые таким образом признает различие между мужскими и женскими гениталиями, вместо того чтобы его отрицать.

---

[1] [1900*a*, Гл. VI (Ж); *Studienausgabe*, т. 2, с. 406–407.]

II
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ И АНАЛИЗ

Уважаемый господин профессор! Я снова посылаю Вам проделку Ганса, на этот раз, к сожалению, материал к истории болезни. Как Вы узнаете из прочитанного, в последние дни у него развилось нервное нарушение, которое меня и мою жену весьма беспокоит, поскольку мы не смогли найти средства для его устранения. Я прошу позволить мне завтра... Вас навестить, но я записал для Вас... имеющийся в распоряжении материал.
Основу, пожалуй, заложило чрезмерное сексуальное возбуждение, вызванное нежностью матери, но возбудителя расстройства я указать не могу. Страх, *что его на улице укусит лошадь,* похоже, каким-то образом связан с тем, что он был напуган видом большого пениса — большой пенис лошади, как Вы знаете из предыдущих записей, он заметил еще раньше и уже тогда сделал вывод, что пипика у матери, поскольку она большая, должна быть такая же, как у лошади. [Ср. с. 16.]
Как с пользой подступиться к этому — я не знаю. Быть может, он где-нибудь видел эксгибициониста? Или все это связано только с матерью? Нам неприятно, что уже сейчас он начинает нам задавать загадки. Если не считать страха выйти на улицу и дурного настроения по вечерам, он, впрочем, совершенно такой, как прежде, веселый и радостный.

Мы не будем пока заниматься ни вполне понятным беспокойством отца, ни его первыми попытками объяснения, а в первую очередь рассмотрим представленный материал. Наша задача отнюдь не состоит в том, чтобы сразу «понять» случай болезни; это может удаться только позднее, когда мы получим о нем достаточно впечатлений. Оставим пока неопределенным наше суждение и отнесемся с равным вниманием ко всему, что удалось наблюдать.

Первые сообщения, которые относятся к первым числам января этого, 1908, года, гласят:

Ганс ($4^3/_4$ года) утром приходит к матери с плачем и на вопрос, почему он плачет, ей говорит: «Когда я спал, я думал, что ты ушла и у меня нет мамы, чтобы к ней прильнуть» (=ласкаться).

Итак, страшный сон.

Нечто подобное я уже подметил летом в Гмундене. Вечерами в постели он чаще всего был очень нежно настроен и однажды сказал примерно так: «Если у меня не будет мамы, если ты уйдешь», или что-то в этом роде; дословно я этого не помню. Когда он пребывал в таком элегическом настроении, мама, к сожалению, всегда брала его к себе в кровать.

Примерно 5 января он пришел утром в кровать к матери и сказал по этому случаю: «Знаешь, что сказала тетя М.: «А у него славная писюлька»[1]. (Четыре недели тому назад тетя М. жила у нас; однажды она увидела, как моя жена купала мальчика, и действительно тихо сказала вышеупомянутое моей жене. Ганс это услышал и попытался использовать.)

7 января он, как обычно, идет с няней в городской парк, на улице начинает плакать и требует, чтобы его отвели домой: он хочет «поласкаться» с матерью. Дома на вопрос, почему он не захотел идти дальше и заплакал, он отвечать не хочет. До самого вечера он, как обычно, весел; вечером он явно испытывает тревогу, плачет, и его невозможно увести от матери; он хочет опять «поласкаться». Затем он опять становится весел и ночью спит хорошо.

8 января жена сама хочет с ним пойти погулять, чтобы посмотреть, что с ним происходит, а именно в Шёнбрунн, куда он очень любит ходить. Он опять начинает плакать, не хочет уходить, боится. Наконец, он все же идет, но на улице явно испытывает тревогу. На обратном пути из Шёнбрунна он после долгого сопротивления говорит матери: *«Я боялся, что меня укусит лошадь»*. (В Шёнбрунне, увидев лошадь, он действительно стал беспокойным.) Вечером у него снова случился приступ, похожий на тот, что был за день до этого, с требованием поласкаться. Его успокаивают. Он в слезах говорит: «Я знаю, завтра я опять должен буду пойти гулять», а спустя некоторое время: «В комнату придет лошадь».

---

[1] Писюлька = гениталии. Ласки детских гениталий на словах или также в действиях со стороны нежных родственников, а иногда также самих родителей относятся к самым обычным явлениям, которыми полны психоанализы.

В тот же день его спрашивает мама: «Быть может, ты трогаешь рукой пипику?» На это он отвечает: «Да, каждый вечер, когда я лежу в кровати». На следующий день, 9 января, перед послеобеденным сном его предостерегают не трогать рукой пипику. Допрошенный после пробуждения, он говорит, что все-таки на короткое время этому предавался.

Итак, это было бы истоком как тревоги, так и фобии. Мы ощущаем, что у нас есть веское основание отделить одно от другого. Впрочем, материал кажется нам вполне достаточным для ориентировки, и ни одна другая временная точка не является столь благоприятной для понимания, как эта начальная стадия, которая, к сожалению, по большей части остается без внимания или замалчивается. Нарушение начинается с тревожно-нежных мыслей, а затем со страшного сновидения. Содержание последнего: потерять мать, так что он не может к ней приласкаться. Таким образом, нежность к матери, должно быть, оказалась чрезвычайно усилившейся. Это — основной феномен состояния. В подтверждение вспомним также о двух попытках совращения, предпринятых им по отношению к матери, первая из которых приходится еще на лето [с. 23], а вторая, незадолго до появления страха улиц, представляет собой прямо-таки рекомендацию своих гениталий. Эта возросшая нежность к матери переходит в тревогу, или, как мы говорим, подвергается вытеснению. Пока еще мы не знаем, откуда происходит толчок к вытеснению; возможно, он объясняется просто интенсивностью побуждения, с которой ребенок не может справиться, возможно, при этом действуют и другие силы, которые нам пока еще не известны. Мы узнаем это в дальнейшем. Эта тревога, соответствующая вытесненному эротическому стремлению, как и любая детская тревога, вначале является безобъектной; пока это еще тревога, а не страх. Ребенок [вначале] не может знать, чего он боится, и когда во время первой прогулки с няней Ганс не хочет сказать, чего он боится, то именно потому, что он этого еще не знает. Он говорит то, что знает: что ему на улице не хватает мамы, к которой он может приласкаться, и что он не хочет уходить от мамы. Тут со всей откровенностью он выдает первый смысл своего нерасположения к улице.

Также и повторившиеся два вечера подряд перед отходом ко сну его тревожные и по-прежнему отчетливо нежно окрашенные состояния доказывают, что к началу заболевания у него пока еще не было фобии улиц, прогулок и уж тем более лошадей. Иначе его вечернее состояние было бы необъяснимым; кто перед отходом ко сну думает об улице и прогулке? И наоборот, совершенно очевидно,

что вечером он становится столь тревожным, если перед отходом ко сну его с особой силой одолевает либидо, объектом которого является мать, а целью которого, к примеру, могло бы быть — спать с матерью. Ведь он на собственном опыте убедился, что подобные настроения *в Гмундене* побуждали мать брать его в свою кровать, и ему хотелось бы добиться этого и здесь в Вене. Кроме того, не будем забывать, что в Гмундене время от времени он оставался один с матерью, поскольку отец не мог проводить там весь отпуск; далее, что там его нежность распределялась на ряд приятелей, друзей и подруг, которых ему здесь недоставало, а потому либидо могло снова неразделенным вернуться к матери.

Тревога, стало быть, соответствует вытесненному стремлению, но она не является тем же, что и стремление; вытеснение служит еще кое-чему. Стремление может полностью превратиться в удовлетворение, если ему достается желанный объект; при страхе эта терапия уже никакой пользы не приносит, тревога сохраняется, даже если стремление может быть удовлетворено, его уже нельзя полностью превратить обратно в либидо; либидо чем-то удерживается в вытеснении[1]. У Ганса это проявляется во время первой прогулки, которую совершает с ним мать. Он теперь с матерью и все же испытывает тревогу, то есть неутоленное стремление к ней. Правда, тревога слабее, ведь он все же отправляется на прогулку, тогда как няню он заставил вернуться; да и улица — не подходящее место для «ласк» или для чего-то иного, чего хочется маленькому влюбленному. Но тревога выдержала проверку, и ей теперь необходимо найти объект. Во время этой прогулки он прежде всего высказывает опасение, что его укусит лошадь. Откуда берется материал этой фобии? Вероятно, из тех пока еще неизвестных комплексов, которые способствовали вытеснению и сохраняли в вытесненном состоянии либидо к матери. В этом по-прежнему заключается загадка данного случая, дальнейшее развитие которого мы теперь должны проследить, чтобы найти решение. Известные отправные точки, которые, вероятно, надежны, уже дал нам отец: что Ганс всегда с интересом наблюдает за лошадьми из-за их большой пипики, что, по его предположению, у мамы должна быть такая же пипика, как у лошади, и т. п. Поэтому можно было бы подумать, что лошадь — это всего лишь замена мамы. Но что означает страх Ганс, который он выражает вечером, что в комнату придет лошадь? Скажут, что это глупая тре-

---

[1] Честно говоря, с определенного момента мы называем тревожно-тоскливое ощущение патологической тревогой, когда его уже нельзя устранить посредством предоставления желанного объекта.

вожная мысль маленького ребенка. Но невроз не говорит ничего глупого, равно как и сновидение. Мы бранимся всегда, когда ничего не понимаем. Это значит — облегчить себе задачу.

Этого искушения мы должны остерегаться еще и в другом отношении. Ганс признался, что каждую ночь удовольствия, ради перед тем как заснуть, развлекается своим пенисом. Ну, скажет практик, теперь все ясно. Ребенок мастурбирует, и отсюда тревога. Спокойно! То, что, мастурбируя, ребенок вызывает у себя ощущения удовольствия, отнюдь не объясняет нам его тревоги, более того, делает ее довольно загадочной. Состояния тревоги не вызываются мастурбацией и вообще не вызываются удовлетворением. Кроме того, мы вправе предположить, что наш Ганс, которому теперь $4^3/_4$ года, доставляет себе по вечерам это удовольствие уже около года (ср. с. 15), и мы узнаем [с. 31–32], что именно теперь он ведет борьбу с этой привычкой, что в большей степени соотносится с вытеснением и образованием тревоги.

Мы также должны заступиться за добрую и, несомненно, очень заботливую мать. Отец обвиняет ее, причем, по-видимому, небезосновательно, что своей чрезмерной нежностью и слишком частой готовностью брать ребенка в кровать она способствовала возникновению невроза; точно так же мы могли бы сделать ей упрек в том, что своим энергичным отвержением его домогательств («это — свинство») [с. 23] она ускорила наступление вытеснения. Но она играет судьбоносную роль, и ее положение сложное.

Я договариваюсь с отцом, чтобы тот сказал мальчику, что про лошадей — это глупость и ничего больше. Все дело в том, что он так любит маму и хочет, чтобы она брала его в кровать. Он очень заинтересовался пипикой лошадей и поэтому теперь боится лошадей. Он сам заметил, что неправильно так сильно интересоваться пипикой, даже собственной, и эта мысль совершенно правильная. Далее я предложил отцу вступить на путь сексуального просвещения. Поскольку из предыстории малыша мы вправе были предположить, что его либидо связалось с желанием увидеть пипику мамы, необходимо отвлечь его от этой цели, сообщив ему, что мама и все остальные женщины, как он мог увидеть это у Ханны, пипики вообще не имеют. Последнее объяснение надо дать при подходящей возможности после какого-нибудь вопроса или высказывания Ганса.

Следующие сообщения о нашем Гансе охватывают период с 1 по 17 марта. Месячная пауза вскоре получит свое объяснение.

После разъяснения[1] следует более спокойный период, когда Ганса без особого труда можно подвигнуть ежедневно гулять в городском парке. [Ср. с. 87.] Его страх лошадей все больше и больше превращается в навязчивое желание смотреть на лошадей. Он говорит: «Я должен смотреть на лошадей, и тогда я боюсь».

После инфлюэнцы, которая на две недели приковывает его к постели, фобия опять настолько усиливается, что его невозможно побудить выйти из дому; в крайнем случае он выходит на балкон. Каждую неделю по воскресеньям он ездит со мной в Лайнц[2], так как в этот день на улице можно увидеть мало экипажей, а путь до станции короткий. В Лайнце он однажды отказывается выйти из сада погулять на улицу, потому что перед садом стоит экипаж. Еще через неделю, которую ему приходится оставаться дома, так как у него были вырезаны миндалины, фобия опять очень усиливается. Хотя он выходит на балкон, но не идет гулять, то есть он сразу поворачивает обратно, когда подходит к воротам.

В воскресенье 1 марта по дороге на вокзал у меня завязывается с ним следующий разговор. Я пытаюсь снова ему объяснить, что лошади не кусаются. Он: «Но белые лошади кусаются; в Гмундене есть белая лошадь, которая кусается. Когда протягивают палец, она кусает». (Я замечаю, что он говорит «палец», а не «руку».) Затем он рассказывает следующую историю, которую я здесь воспроизвожу более связно: «Когда Лизи уезжала, перед ее домом стоял экипаж с белой лошадью, который должен был отвезти багаж на вокзал. (Лизи, как он мне рассказывает, это девочка, жившая в соседнем доме.) Ее отец стоял близко около лошади, лошадь повернула голову (чтобы до него дотронуться), и он сказал Лизи: *"Не подноси пальцы к белой лошади, а то она тебя укусит"*».

На это я говорю: «Слушай, мне кажется, что ты имеешь в виду не лошадь, а пипику, которую не нужно трогать рукой».

Он: «Но ведь пипика не кусается?»

Я: «И все же», на что он мне живо старается доказать, что это действительно была белая лошадь[3].

---

[1] Что означает его тревога, но еще ничего о пипике женщин.

[2] Предместье Вены [сразу за Шёнбрунном], где живут его дедушка и бабушка.

[3] У отца нет причины сомневаться, что Ганс рассказал здесь действительное происшествие. Впрочем, ощущения зуда в головке члена, которые заставляют детей к нему прикасаться, как правило, описываются так: «Меня *кусают*».

2 марта, когда он снова боится, я ему говорю: «Знаешь что? Глупость (так он называет свою фобию) ослабнет, если ты будешь чаще гулять. Теперь она так сильна, потому что из-за болезни ты не выходил из дому».
Он: «О нет, она так сильна потому, что я снова каждую ночь трогаю рукой пипику».

Итак, врач и пациент, отец и сын, сходятся на том, что главную роль в патогенезе нынешнего состояния приписывают привыканию к онанизму[1]. Но хватает и указаний на значение других моментов.

3 марта к нам пришла новая служанка, которая вызвала его особое расположение. Так как при уборке комнат она сажает его на себя, он называет ее только «моя лошадка» и всегда держит ее за юбку, выкрикивая «Но!» 10 марта он говорит этой няне: «Если вы сделаете то-то и то-то, то должны будете совершенно раздеться, даже снять сорочку. (Он думает — в наказание, но за этим легко распознать желание.)
Она: «Ну и что тут такого? Тогда я себе подумаю, что у меня нет денег на платье».
Он: «Но это же срам, ведь все увидят пипику».

Старое любопытство, брошенное на новый объект, и, как это подобает периодам вытеснения, прикрытое морализирующей тенденцией!

Утром 13 марта я говорю Гансу: «Знаешь, если ты больше не будешь трогать рукой пипику, твоя глупость ослабнет».
Ганс: «Но я больше не трогаю рукой пипику».
Я: «Но тебе всегда этого хочется».
Ганс: «Пусть так, но "хотеть" — это не "делать", а "делать" — это не "хотеть"»(!!).
Я: «Но чтобы тебе не хотелось, сегодня ты будешь спать в мешке».
После этого мы выходим за ворота. Хотя он по-прежнему боится, благодаря надежде на облегчение борьбы говорит явно приободрившись: «Ну, завтра, когда у меня будет мешок, глупость исчезнет». Он действительно боится лошадей *намного* меньше и довольно спокойно глядит на проезжающие мимо кареты.

---

[1] [В изданиях до 1924 года здесь говорится: «отвыканию от онанизма».]

В ближайшее воскресенье, 15 марта, Ганс обещал поехать со мной в Лайнц. Сначала он упирается, но в конце концов все же идет со мной. В переулке, где мало экипажей, он явно чувствует себя хорошо и говорит: «Замечательно, что боженька уже выпустил лошадь». По дороге я объясняю ему, что его сестра не имеет такую пипику, как у него. У девочек и женщин нет пипики. У мамы нет, у Анны нет и т. д.

Ганс: «А у тебя есть пипика?»

Я: «Конечно, а ты что думал?»

Ганс (после паузы): «Но как же девочки делают пипи, если у них нет пипики?»

Я: «У них нет такой пипики, как у тебя. Разве ты не видел, когда купали Ханну?»

Весь день он очень весел, катается на санках и т. д. Только к вечеру он снова расстраивается и, по-видимому, опять боится лошадей.

Вечером нервный приступ и потребность в ласке слабее, чем в прежние дни. На следующий день мама берет его с собой в город, и в переулке он испытывает сильный страх. На другой день он остается дома — и очень весел. На следующее утро около 6 часов он обеспокоенный приходит к нам. На вопрос, что с ним, он рассказывает: «Я совсем чуть-чуть потрогал пальцем пипику. Потом я видел маму совсем голой в сорочке, и она показала мне пипику. Я показал Грете[1], моей Грете, что делает мама, и показал ей мою пипику. Затем я быстро отнял руку от пипики». На мое возражение, что может быть только так: в сорочке *или* совсем голая, Ганс говорит: «Она была в сорочке, но сорочка была такая короткая, что я видел пипику».

Все это — не сон, а онанистическая фантазия, впрочем, эквивалентная сновидению. То, что он предоставляет сделать маме, очевидно, служит его оправданию: «Раз мама показывает пипику, то это можно и мне».

Из этой фантазии мы можем сделать два вывода: во-первых, что замечание матери в свое время оказало на него сильное воздействие[2], во-вторых: разъяснение, что женщины не имеют пипику, пока еще им не принимается. Он сожалеет, что так должно быть, и в фанта-

---

[1] Грета — одна из девочек в Гмундене, о которой Ганс именно теперь фантазирует; он с ней разговаривает и играет. [Примечание отца.]

[2] [Вероятно, это относится к ее угрозе (с. 15). См., однако, более подробное описание сцены на с. 36.]

зии придерживается своей точки зрения. Возможно, у него также есть свои основания отказывать отцу в доверии.

Недельный отчет отца:

Уважаемый господин профессор! К сему приложено продолжение истории нашего Ганса, весьма интересная часть. Быть может, я позволю себе посетить Вас в понедельник в приемные часы и, возможно, приведу с собой Ганса — при условии, что он пойдет. Сегодня я его спросил: «Хочешь пойти со мной в понедельник к профессору, который может отнять у тебя глупость?»
Он: «Нет».
Я: «Но у него есть очень красивая девочка». После этого он охотно и радостно соглашается.
Воскресенье, 22 марта. Чтобы расширить воскресную программу, я предлагаю Гансу сначала поехать в Шёнбрунн и только в полдень оттуда в Лайнц. Таким образом, он должен пройти пешком не только путь от квартиры до железнодорожной станции у главной таможни, но и от станции Хитцинг в Шёнбрунн, а оттуда — снова к трамвайной остановке Хитцинг, что он и совершает, при этом при виде лошадей он поспешно отворачивается, так как ему, видимо, становится боязно. В этом он следует совету мамы.
В Шёнбрунне он обнаруживает страх перед животными, которых он обычно рассматривал безбоязненно. Так, он ни за что не хочет войти в строение, в котором находится *жираф,* также не хочет войти к слону, который обычно доставлял ему множество удовольствия. Он боится всех крупных животных, тогда как с маленькими ему очень весело. Из птиц на этот раз он боится пеликана, чего раньше никогда не делал, очевидно, также из-за его размеров.
После этого я ему говорю: «Знаешь, почему ты боишься больших животных? У больших животных большая пипика, а ты на самом деле боишься большой пипики».
Ганс: «Но ведь у больших животных я еще никогда не видел пипики»[1].
Я: «Но у лошади ты видел, а лошадь — это тоже большое животное».

---

[1] Это не так. Ср. его восклицание перед клеткой со львом, с. 16. Вероятно, начинающееся забывание вследствие вытеснения.

Ганс: «О, у лошади — часто. Один раз в Гмундене, когда перед домом стояла карета, один раз перед главной таможней».

Я: «Когда ты был маленьким, ты, наверное, в Гмундене зашел в конюшню...»

Ганс (прерывая): «Да, каждый день в Гмундене, когда лошади приходили домой, я заходил в конюшню».

Я: «...и, наверное, ты испугался, когда однажды увидел большую пипику лошади. Но тебе не нужно этого бояться. Большие животные имеют большую пипику, маленькие животные — маленькую пипику».

Ганс: «И все люди имеют пипику, и пипика вырастет вместе со мной, когда я стану больше; она и так уже выросла».

На этом разговор закончился. В следующие дни страх, похоже, снова немного усилился; он не осмеливается выйти за ворота, куда его обычно водят после еды.

Последняя утешительная речь Ганса проливает свет на ситуацию и позволяет нам немного скорректировать утверждения отца. Верно, что он испытывает тревогу, находясь рядом с большими животными, потому что вынужден думать об их большой пипике, но, собственно, нельзя сказать, что он боится большой пипики как таковой. Представление о ней, безусловно, раньше у него было исполнено удовольствием, и он со всем рвением старался ее увидеть. С тех пор эта радость была испорчена из-за общего превращения удовольствия в неудовольствие, которое — пока еще непонятным образом — затронуло все его сексуальное исследование, и — что для нас более ясно — из-за известных переживаний и размышлений, приведших к мучительным выводам. Из его утешения: «Пипика вырастет вместе со мной» — можно заключить, что, делая свои наблюдения, он всегда сравнивал и остался весьма неудовлетворенным величиной своей собственной пипики. Об этом дефекте ему напоминают большие животные, которые по этой причине для него неприятны. Но поскольку весь ход мыслей, вероятно, не может четко осознаваться, также и это мучительное ощущение превращается в тревогу, а потому его нынешняя тревога основывается как на прежнем удовольствии, так и на актуальном неудовольствии. Если состояние тревоги однажды возникло, то тревога поглощает все остальные ощущения; с прогрессирующим вытеснением, когда аффективно окрашенные представления, которые уже были осознанными, все больше сдвигаются в бессознательное, все аффекты могут превратиться в тревогу.

Странное замечание Ганса: «Она и так уже выросла» — позволяет нам в связи с его утешением догадаться о многом, чего он не может высказать и чего он не высказал также в этом анализе.

Я дополню тут некоторую часть, основываясь на моих наблюдениях из анализов взрослых, но надеюсь, что эта вставка не будет расценена как насильственная и произвольная. «Она и так уже выросла». Если об этом Ганс думал из упрямства и для утешения, то это заставляет нас вспомнить давнюю угрозу матери: она велит отрезать ему пипику, если он будет продолжать заниматься ею. [Ср. с. 15.] Тогда, когда ему было $3^1/_2$ года, эта угроза осталась безрезультатной. Он невозмутимо ответил, что в таком случае он будет делать пипи попой. Это было бы вполне типичным поведением, если бы угроза кастрацией оказала теперь *запоздалое* воздействие и если бы он теперь — через $1^1/_4$ года — испытывал тревогу, опасаясь лишиться драгоценной части своего Я. Подобные запоздалые воздействия требований и угроз в детском возрасте можно наблюдать в других случаях заболевания, где интервал охватывает десятилетия и больше. Более того, я знаю случаи, когда *«запоздалое послушание»* вытеснения играет важную роль в детерминации симптомов болезни[1].

Разъяснение, которое недавно получил Ганс, что женщины действительно не имеют пипики, могло только поколебать его доверие к себе и пробудить комплекс кастрации. Потому-то он ему воспротивился и потому-то терапевтический эффект этого сообщения не наступил: стало быть, действительно есть живые существа, которые не обладают пипикой? В таком случае уже не было бы ничего невероятного в том, что у него могут отнять пипику, в своем роде сделать его женщиной[2].

---

[1] [Социологическое применение термина «запоздалое послушание» встречается в последней статье работы «Тотем и табу» (1912–1913), *Studienausgabe*, т. 9, с. 427.]

[2] Я не могу настолько прерывать изложение, чтобы продемонстрировать, как много типичного содержится в этом бессознательном ходе мыслей, который я здесь приписываю маленькому Гансу. Комплекс кастрации — это самый глубокий бессознательный корень антисемитизма, ибо уже в детской мальчику часто приходится слышать, что у евреев что-то отрезают — он думает, кусочек пениса, — и это дает ему право презирать евреев. Также и высокомерное отношение к женщине не имеет более веской бессознательной причины. Вейнингер, тот высокоодаренный молодой философ, страдавший сексуальными нарушениями, который после своей удивительной книги «Пол и характер» [1903] покончил жизнь самоубийством, в одной главе, отмеченной многими, рассуждал о евреях и женщинах с равной враждебностью и осыпал их одинаковыми ругательствами. Будучи невротиком, Вейнингер находился всецело во власти инфантильных ком-

Ночью с 27-го на 28-е Ганс поражает нас тем, что в полной темноте встает со своей кровати и приходит к нам в постель. Его комната отделена от нашей спальни кабинетом. Мы спрашиваем его, что случилось; быть может, он чего-нибудь испугался. Он говорит: «Нет, я это скажу завтра», засыпает в нашей кровати, а затем его относят обратно в его постель. На следующий день я беру его в оборот, чтобы узнать, почему ночью он пришел к нам, и после некоторого сопротивления происходит следующий диалог, который я тут же стенографически записываю.

Он: *«Ночью в комнате был один большой и один измятый жираф, и большой закричал, потому что я забрал у него измятого. Потом он перестал кричать, а потом я сел на измятого жирафа».*

Я, с удивлением: «Что? Измятый жираф? Как это было?»

Он: «Да». (Быстро приносит бумагу, мнет ее и говорит мне:) «Вот так он был измят».

Я: «И ты сел на измятого жирафа? Как?»

Он мне снова это показывает, садится на пол.

Я: «Почему ты пришел в комнату?»

Он: «Этого я и сам не знаю».

Я: «Ты испугался?»

Он: «Нет, точно нет».

Я: «Тебе снились жирафы?»

Он: «Нет, не снились; я себе это думал, все это я себе думал, проснулся я уже раньше».

Я: «Что это должно означать: измятый жираф? Ты же знаешь, что жирафа нельзя смять, как кусок бумаги».

Он: «Я знаю. Я просто об этом подумал. Этого даже не бывает на свете[1]. Измятый жираф совсем лежал на полу, а я его отобрал, взял руками».

Я: «Что, разве можно такого большого жирафа взять руками?»

Он: «Измятого я взял рукой».

плексов; отношение к комплексу кастрации — это именно тот момент, который является общим для женщины и еврея. [Более детальный анализ антисемитизма Фрейд провел в одном из последних своих трудов — в эссе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939*a*, статья III, первая часть, раздел Г), *Studienausgabe*, т. 9, с. 538–539.]

[1] Ганс на своем языке совершенно определенно заявляет, что это была фантазия.

Я: «А где тем временем был большой?»
Он: «Большой стоял в стороне».
Я: «Что ты сделал с измятым?»
Он: «Я немножко подержал его в руке, пока большой не перестал кричать, а когда большой перестал кричать, сел на него».
Я: «Почему большой кричал?»
Он: «Потому что я отнял у него маленького». (Замечает, что я все записываю, и спрашивает: «Почему ты это записываешь?»)
Я: «Потому что я это пошлю одному профессору, который может отнять у тебя "глупость"».
Он: «Ага, ты ведь написал и то, что мама сняла сорочку, и это ты тоже отдашь профессору».
Я: «Да, который, однако, не поймет, как ты думаешь, что можно измять жирафа».
Он: «А ты ему скажи, что я сам этого не знаю, и тогда он не будет спрашивать; но если он спросит, что такое измятый жираф, пусть он нам напишет, и мы ему напишем или напишем сейчас, что я сам этого не знаю».
Я: «Но почему ты пришел ночью?»
Он: «Я этого не знаю».
Я: «Скажи-ка мне быстро, о чем ты теперь думаешь?»

Он (с юмором): «О малиновом соке». Я: «О чем еще?» Он: «О ружье, которым можно застрелить»[1].	} Его желания

Я: «Тебе это точно не снилось?»
Он: «Конечно, нет; нет, я знаю это совершенно определенно».
Он продолжает рассказывать: «Мама меня так долго просила, чтобы я ей сказал, почему я пришел ночью. Но я этого не хотел говорить, потому что сперва мне было стыдно перед мамой».
Я: «Почему?»
Он: «Я этого не знаю».
В действительности моя жена все утро его расспрашивала, пока он не рассказал ей историю про жирафов.

---

[1] Отец в растерянности пытается здесь применить классическую технику психоанализа. Она далеко не уводит, но то, что она выявляет, все-таки можно осмыслить в свете более поздних открытий. [Ср. с. 87 и с. 97, прим. 1.]

В тот же день отец находит разгадку фантазии о жирафах.

Большой жираф — это я, или большой пенис (длинная шея), измятый жираф — моя жена, или ее член, что, стало быть, является результатом разъяснения [с. 33].
Жираф: см. прогулку в Шёнбрунн. [Ср. с. 19 и с. 34.] Впрочем, рисунок жирафа и слона он повесил над своей кроватью.
Все вместе — это воспроизведение сцены, которая чуть ли не каждое утро разыгрывалась в последние дни. Ганс утром постоянно приходит к нам, и моя жена не может удержаться, чтобы не взять его на несколько минут к себе в кровать. После этого я всегда начинаю ее увещевать не брать его к себе («Большой жираф кричал, потому что я отнял у него измятого»), а она с раздражением возражает, что это ерунда, ведь одна минута ничего не значит, и т. д. Затем Ганс на короткое время остается у нее. («Потом большой жираф перестал кричать, а потом я сел на измятого жирафа».)
Стало быть, разгадка этой переложенной на жизнь жирафов семейной сцены такова: ночью у него возникла тоска по матери, по ее ласкам, по ее члену, и поэтому он пришел в спальню. Все это — продолжение его страха лошадей.

К остроумному толкованию отца я могу добавить лишь следующее: «сесть на что-нибудь», вероятно, является изображением Гансом овладения. Но все это вместе — фантазия, выражающая упрямство, которая связана с удовлетворением от победы над отцовским сопротивлением: «Кричи сколько хочешь, но мама все равно возьмет меня в кровать и мама принадлежит мне». Стало быть, за нею можно обнаружить все то, что предполагает отец: тревогу, что мать не любит его, потому что его пипика не может сравниться с пипикой отца.

На следующее утро отец получает подтверждение своего толкования.

В воскресенье, 29 марта, я еду с Гансом в Лайнц. В дверях, прощаясь, я в шутку говорю моей жене: «Прощай, большой жираф». Ганс спрашивает: «Почему жираф?» Я: «Мама — это большой жираф», на что Ганс говорит: «Неправда, а Ханна — это измятый жираф?»
В поезде я объясняю ему фантазию о жирафах, на что он говорит: «Да, это верно», а затем, когда я ему говорю, что большой жираф — это я, а длинная шея напомнила ему пи-

пику, он говорит: «У мамы шея тоже как у жирафа, я это видел, когда она мыла свою белую шею»[1].

В понедельник, 30 марта, утром Ганс приходит ко мне и говорит: «Знаешь, я сегодня думал о двух вещах. Первая? Я был с тобой в Шёнбрунне у овец, и там мы пролезли под веревками; потом мы сказали об этом сторожу у входа, а он нас сцапал». Вторую он забыл.

Относительно этого замечу: когда в воскресенье мы захотели подойти к овцам, оказалось, что это место было огорожено веревкой, и поэтому мы не могли туда попасть. Ганс был весьма удивлен, что место было огорожено только веревкой, под которой, однако, легко пролезть. Я ему сказал, что приличные люди под веревкой не пролезают. Ганс сказал: «Но ведь это так легко сделать». На это я возразил, что может прийти сторож, который уведет его с собой. При входе в Шёнбрунн стоит гвардеец, про которого я однажды Гансу сказал, что он арестовывает плохих детей.

Вернувшись домой после визита к Вам, который состоялся в этот же день, Ганс сознался еще в одном желании сделать что-нибудь запрещенное. «Слушай, сегодня утром я опять о чем-то подумал». — «О чем?» — «Я ехал с тобой в поезде, мы разбили окно и нас забрал полицейский».

Подходящее продолжение фантазии о жирафах. Он догадывается, что стремиться к обладанию матерью запрещено; он натолкнулся на границы инцеста[2]. Но он считает это запретным самим по себе. В запретных проделках, которые он совершает в фантазии, всякий раз присутствует отец, которого сажают под арест вместе с ним. Ведь отец, думает он, тоже совершает с матерью то загадочное и запретное, которое он заменяет себе чем-то насильственным вроде разбивания оконного стекла и проникновения в запертое пространство.

В этот же день отец и сын посетили меня в моем врачебном кабинете. Я уже знал этого забавного малыша и всякий раз был рад видеть его, который при всей своей самоуверенности был все же

---

[1] Ганс подтверждает лишь истолкование обоих жирафов как отца и матери, но не сексуальную символику, в соответствии с которой в самом жирафе можно увидеть представительство пениса. Вероятно, эта символика верна, но от Ганса действительно нельзя требовать большего.

[2] [См. последний раздел третьего из трех очерков Фрейда по теории сексуальности (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 128–129.]

любезен. Вспомнил ли он меня, я не знаю, но он вел себя безупречно, как совершенно разумный член человеческого общества. Консультация была короткой. Отец начал с того, что, несмотря на все разъяснения, страх Ганса перед лошадьми пока не уменьшился. Нам также пришлось сознаться в том, что связь между лошадьми, которых он боялся, и раскрытыми нежными побуждениями к матери была малоэффективной. Детали, которые я теперь узнал (Ганса особенно смущает то, что у лошадей перед глазами, и чернота возле рта), несомненно, нельзя было объяснить, основываясь на том, что нам было известно. Но когда я смотрел на них, сидевших передо мной, и выслушивал при этом описание его страха лошадей, у меня блеснула мысль о следующей части решения, которая, как мне стало понятно, как раз от отца могла ускользнуть. Я в шутку спросил Ганса, не носят ли его лошади очков, на что он ответил отрицательно, затем не носит ли его отец очки, что он опять-таки, вопреки всей очевидности, отверг, не имеет ли он в виду под чернотой возле «рта» усы, а затем сообщаю ему, что он боится своего отца именно потому, что он так любит мать. Он вынужден думать, что из-за этого отец зол на него, но это не так, отец его все-таки любит, и он может безбоязненно во всем ему признаться. Давно, еще до того как он появился свет, я уже знал, что родится маленький Ганс, который будет так любить свою маму, что из-за будет бояться отца, и рассказывал об этом его отцу. «Почему ты думаешь, что я злюсь на тебя? — здесь перебил меня отец. — Разве я тебя ругал или бил?» — «О да, ты меня бил», — заявляет Ганс. «Это неправда. Когда же?» — «Сегодня утром», — напомнил малыш, и отец вспомнил, что Ганс совершенно неожиданно толкнул его головой в живот, после чего он рефлекторно ударил его рукой. Примечательно, что эту деталь отец не включил в взаимосвязь невроза; но теперь он понял ее как выражение враждебной диспозиции малыша по отношению к нему, возможно, также как проявление потребности получить за это наказание[1].

По пути домой Ганс спросил отца: «Разве профессор разговаривает с Богом, раз он все может знать заранее?» Я был бы необычайно горд этим признанием из детских уст, не будь оно спровоцировано моим шутливым хвастовством. После этой консультации я почти

---

[1] Позднее мальчик повторил эту реакцию на отца более отчетливым и полным образом, когда сначала он ударил отца по руке, а затем эту же руку нежно поцеловал. [Ср. в этой связи третью часть статьи Фрейда «Некоторые типы характера из психоаналитической практики» (1916*d*), *Studienausgabe*, т. 10, с. 252–253.]

каждый день получал вести об изменениях в самочувствии маленького пациента. Не стоило ожидать, что после моего сообщения он одним махом сможет избавиться от тревоги, но оказалось, что теперь ему уже дана возможность представлять свои бессознательные продукты и покончить с фобией. Отныне он осуществлял программу, которую я с самого начала мог изложить его отцу.

2 апреля можно констатировать *первое существенное улучшение*. Если до сих пор его никогда нельзя было побудить на долгое время выйти за ворота, и всякий раз, когда появлялись лошади, он со всеми признаками ужаса мчался домой, то теперь он остается перед воротами целый час, даже если мимо проезжают телеги, что у нас довольно часто случается. Иногда он бежит в дом, когда видит, как вдали едут лошади, но тотчас, словно передумав, возвращается обратно. Во всяком случае от тревоги имеются только остатки, и с тех пор, как было дано разъяснение, нельзя не заметить прогресса.
Вечером он говорит: «Раз уж мы вышли за ворота, то давай пойдем в городской парк».
3 апреля рано утром он приходит ко мне в кровать, тогда как в последние дни он больше не приходил и даже, казалось, гордился таким воздержанием. Я спрашиваю: «Почему же ты сегодня пришел?»
Ганс: «Пока я буду бояться, я больше не приду».
Я: «Значит, ты приходишь ко мне потому, что боишься?»
Ганс: «Когда я не у тебя, я боюсь; когда я не у тебя в кровати, тогда я боюсь. Пока я не буду больше бояться, я больше не приду».
Я: «Значит, ты меня любишь, и тебе страшно, когда ты утром находишься в своей кровати; поэтому ты приходишь ко мне?»
Ганс: «Да. Почему ты мне сказал, что я люблю *маму* и я боюсь потому, что люблю *тебя*?»
Малыш обнаруживает здесь поистине превосходную ясность. Он дает понять, что в нем борется любовь к отцу с враждебностью к отцу из-за его роли соперника у матери, и делает отцу упрек в том, что тот до сих пор не обратил его внимание на это взаимодействие сил, вылившееся в тревогу. Отец еще не совсем его понимает, ибо только во время этой беседы он убеждается во враждебности к нему малыша, в которой я его уверял в ходе нашей консультации. Происшедшее затем,

о чем я сообщаю в неизмененном виде, собственно говоря, является более важным для просвещения отца, чем для маленького пациента.

К сожалению, значение этого упрека я понял не сразу. Поскольку Ганс любит мать, он, видимо, хочет меня спровадить, чтобы занять место отца. Это подавленное враждебное желание превращается в тревогу за отца, и он приходит рано утром ко мне, чтобы увидеть, не ушел ли я. К сожалению, в этот момент всего этого я еще не понимал и говорю ему:

«Когда ты один, ты скучаешь по мне, и ты ко мне приходишь».

Ганс: «Когда тебя нет, я боюсь, что ты не придешь домой».

Я: «Разве я когда-нибудь тебе угрожал, что не приду домой?»

Ганс: «Ты — нет, но мама — да. Мама сказала мне, что она больше не приедет». (Вероятно, он плохо себя вел, и она пригрозила ему уходом.)

Я: «Она это сказала потому, что ты себя плохо вел».

Ганс: «Да».

Я: «Значит, ты боишься, что я уйду, потому что ты себя плохо вел, и поэтому ты приходишь ко мне».

За завтраком я встаю из-за стола, на что Ганс говорит: «Папа, не *убегай* отсюда!» Мне бросается в глаза, что вместо «уходи» он говорит «убегай», и отвечаю: «Ага, ты боишься, что лошадь отсюда убежит?» Он смеется.

Мы знаем, что эта часть страха Ганса обустроена двояким образом: страх *перед* отцом и страх *за* отца. Первый происходит от враждебности к отцу, второй — от конфликта между нежностью, которая здесь реактивно преувеличена, и враждебностью.

Отец продолжает:

Это, несомненно, начало важной части. То, что он решается самое большее выйти за ворота, но не отходит от дома, что при первом приступе тревоги он возвращается с половины пути, мотивировано страхом не застать родителей дома, потому что они ушли. Он прилип к дому из любви к матери, он боится, что я уйду из-за его враждебных желаний по отношению ко мне, тогда он был бы отцом.

Летом я постоянно ездил из Гмундена в Вену, поскольку этого требовала работа, и тогда он был отцом. Напомню о том, что страх лошадей связан с переживанием в Гмундене, когда ло-

шадь должна была отвезти багаж Лиззи на вокзал [с. 31]. Вытесненное желание, чтобы я поехал на вокзал, и тогда он останется с матерью один («лошадь должна уехать»), превращается в страх перед отъездом лошадей, и действительно, ничто другое не повергает его в столь большую тревогу, как отъезд кареты со двора находящейся против нас главной таможни и движение лошадей.

Эту новую часть (враждебные помыслы против отца) удалось выявить только после того, как он узнал, что я не сержусь на него за то, что он так любит маму.

После обеда я опять выхожу с ним за ворота; он снова ходит перед домом и остается там даже тогда, когда проезжают кареты, испытывает тревогу только при виде отдельных карет и бежит в прихожую. Он также мне объясняет: «Не все белые лошади кусаются»; это значит: благодаря анализу некоторые белые лошади уже осознавались в качестве «папы», они больше не кусаются, но остаются еще другие лошади, которые кусаются.

Обстановка перед воротами нашего дома следующая: напротив находится склад налогового управления с погрузочной платформой, к которой весь день подъезжают телеги, чтобы забрать ящики и т. п. От улицы эту территорию двора ограждает решетка. Напротив нашей квартиры находятся ворота, ведущие в этот двор (рис. 2).

Рис. 2

Я уже несколько дней замечаю, что Ганс особенно боится, когда телеги въезжают во двор или из него выезжают и при этом должны повернуть. В свое время я спросил его, почему он так боится, на что он мне сказал: *«Я боюсь, что лошади упадут, когда поворачивает телега»* (А). Так же сильно он

боится тогда, когда телеги, стоящие перед погрузочной платформой, вдруг приходят в движение, чтобы отъехать (Б). Кроме того (В), он больше боится крупных ломовых лошадей, чем маленьких; крестьянских лошадей — больше, чем элегантных (как, например, в фиакрах). Он также больше боится, когда карета проезжает мимо быстро (Г), чем когда лошади тяжело ступают. Разумеется, эти отличия отчетливо проявились только в последние дни.

Я хотел бы сказать, что в результате анализа не только пациент стал храбрее, но и осмелела его фобия, которая решается себя показать. [Ср. с. 105.]

5 апреля Ганс опять приходит в спальню, и его отправляют обратно в свою кровать. Я ему говорю: «Покуда ты будешь утром приходить в нашу комнату, страх лошадей не исчезнет». Но он упрямится и отвечает: «Я буду все-таки приходить, пусть и буду бояться». Стало быть, он не хочет, чтобы ему запрещали приходить к маме.

После завтрака мы должны спуститься. Ганс очень этому рад и задумывает вместо того, чтобы остаться, как обычно, у ворот, перейти через улицу во двор, где он довольно часто видел, как играют уличные мальчишки. Я ему говорю, что обрадуюсь, если он перейдет улицу, и пользуюсь поводом, чтобы спросить, почему он боится, когда приходят в движение нагруженные телеги (Б).

Ганс: «Я боюсь, когда стою у телеги, и телега быстро отъезжает, а я стою на ней, хочу оттуда влезть на доску (погрузочную платформу) и я уезжаю вместе с телегой».

Я: «А когда телега стоит? Тогда ты не боишься? Почему?»

Ганс: «Когда телега стоит, я быстро вхожу на нее и перехожу на доску». [Рис. 3.]

Рис. 3

(Стало быть, Ганс собирается перелезть через телегу на погрузочную платформу и боится, что телега уедет, когда он будет на ней стоять.)
Я: «Может быть, ты боишься, что, если уедешь с телегой, то не приедешь больше домой?»
Ганс: «О, нет; я ведь всегда могу еще приехать к маме — с телегой или на фиакре. Ведь я могу ему также сказать номер дома».
Я: «Так чего же ты, собственно, боишься?»
Ганс: «Я этого не знаю, но профессор это узнает. Ты веришь, что он это узнает?»
Я: «Почему же ты хочешь перебраться на доску?»
Ганс: «Потому, что я еще никогда там не был, а мне так хотелось бы там побывать, и знаешь почему? Потому что я хотел бы нагружать и разгружать поклажу и лазать по ней. Мне так хочется там полазать. А знаешь, у кого я научился лазать? Мальчишки лазали по тюкам, я это видел, и я тоже хочу это делать».
Его желание не исполнилось, ибо, когда Ганс вновь решается выйти за ворота, несколько шагов по улице вызывают у него слишком большое сопротивление, поскольку во дворе постоянно ездят телеги.

Профессор знает также только то, что эта задуманная игра Ганса с нагруженными телегами должна иметь символическую, замещающую связь с другим желанием, о котором он пока еще ничего не сказал. Но это желание теперь можно было бы сконструировать, если бы это не показалось слишком смелым.

После обеда мы опять идем за ворота, и по возвращении я спрашиваю Ганса:
«Каких лошадей ты, собственно, боишься больше всего?»
Ганс: «Всех».
Я: «Это не так».
Ганс: «Больше всего я боюсь лошадей, у которых что-то у рта».
Я: «Что ты имеешь в виду? Железо, которое у них во рту?»
Ганс: «Нет, у них возле рта что-то черное» (прикрывает свой рот рукой).
Я: «Быть может, усы?»
Ганс (смеется): «О, нет!»
Я: «Это у всех?»

Ганс: «Нет, только у некоторых».
Я: «Что же у них возле рта?»
Ганс: «Что-то черное». — Я думаю, что на самом деле это толстая сбруя на морде у ломовых лошадей [рис. 4]. «Я также больше всего боюсь мебельных фургонов».
Я: «Почему?»
Ганс: «Я думаю, что, когда лошади тянут тяжелый мебельный фургон, они упадут».
Я: «Значит, маленьких телег ты не боишься?»
Ганс: «Нет, маленьких телег и почтового фургона я не боюсь. А еще я больше всего боюсь, когда проезжает омнибус».

Рис. 4.

Я: «Почему? Потому что он такой большой?»
Ганс: «Нет, потому что однажды в таком экипаже упала лошадь».
Я: «Когда?»
Ганс: «Однажды, когда я несмотря на "глупость" шел с мамой, когда я покупал жилетку».
(Впоследствии это подтверждается матерью.)
Я: «Что ты подумал, когда упала лошадь?»
Ганс: «Что теперь всегда будет так. Все лошади в омнибусах будут падать».
Я: «В каждом омнибусе?»
Ганс: «Да! И в мебельных фургонах тоже. В мебельных не так часто».
Я: «У тебя тогда уже была "глупость"?»
Ганс: «Нет, она у меня появилась позднее. Когда лошадь в омнибусе[1] упала, я очень сильно испугался, правда! Когда я пошел дальше, она у меня появилась».
Я: «Но ведь "глупость" была в том, что ты думал, что тебя укусит лошадь, а теперь ты говоришь, что боялся, что лошадь упадет?»
Ганс: «Упадет и укусит»[2].

---

[1] [В изданиях до 1924 года вместо этого здесь ошибочно говорилось «в мебельном фургоне».]

[2] Ганс прав, как бы невероятно ни звучало это сочетание. Взаимосвязь, как выяснится, заключается в том, что лошадь (отец) укусит его за его желание, чтобы она (отец) упала.

Я: «Почему же ты так испугался?»
Ганс: «Потому что лошадь делала ногами так (ложится на землю и показывает мне, как она дрыгалась). Я испугался, *потому что она создавала ногами "шум"*».
Я: «Где ты был тогда с мамой?»
Ганс: «Сначала на катке, затем в кафе, затем покупали жилетку, затем у кондитера с мамой, а потом вечером дома; тогда мы прошли через парк».
(Все это подтверждается моей женой, также и то, что сразу после этого возник страх.)
Я: «Лошадь умерла после того, как упала?»
Ганс: «Да!»
Я: «Откуда ты это знаешь?»
Ганс: «Потому что я это видел (смеется). Нет, она вовсе не умерла».
Я: «Может быть, ты подумал, что она умерла?»
Ганс: «Нет, точно нет. Я это сказал только в шутку». (Однако выражение его лица тогда было серьезным.)
Поскольку он устал, я оставляю его в покое. Он мне только еще рассказывает, что сначала боялся лошадей в омнибусе, затем всех других и только в последнее время — лошадей, впряженных в мебельные фургоны.
На обратном пути из Лайнца еще несколько вопросов:
Я: «Когда лошадь в омнибусе упала, какого она была цвета? Белая, рыжая, коричневая, серая?»
Ганс: «Черная, обе лошади были черные».
Я: «Она была маленькая или большая?»
Ганс: «Большая».
Я: «Толстая или худая?»
Ганс: «Толстая, очень большая и толстая».
Я: «Когда лошадь упала, ты подумал о папе?»
Ганс: «Может быть. Да. Это возможно».

Наверное, в некоторых пунктах отец исследовал безуспешно; но это ничуть не мешает с близи познакомиться с подобной фобией, которую хотелось бы назвать по ее новому объекту. [Ср. с. 106.] Таким образом, мы узнаем, насколько, собственно говоря, она диффузна. Она расходуется на лошадей и на экипажи, на то, что лошади падают и на то, что они кусаются, на лошадей с особыми свойствами, на тяжело нагруженные телеги. Мы сразу догадываемся, что все эти особенности происходят оттого, что первоначально тревога не относилась к лошадям, а была транспонирована на них только вторично и

зафиксировалась теперь в тех местах комплекса лошадей, которые оказались пригодными для определенных переносов[1]. Особенно высоко мы должны оценить один важный результат дознаний отца. Мы узнали актуальный повод, после которого разразилась фобия. Это — эпизод, когда мальчик увидел, как упала большая массивная лошадь, и по меньшей мере одно из толкований этого впечатления, по-видимому, подчеркнутое отцом, состоит в том, что Ганс тогда ощущал желание, чтобы его отец упал точно так же — и умер. Серьезное выражение лица во время рассказа, похоже, соответствовало этим бессознательным помыслам. Не скрываются ли за ними еще и другие мысли? И что означает шум, производимый ногами?

> С некоторых пор Ганс играет в комнате в лошадку, бегает, падает, топает ногами, ржет. Однажды он подвешивает к себе мешочек наподобие торбы с овсом. Несколько раз он подбегает ко мне и кусает.

Таким образом, он принимает последние толкования решительнее, чем может это сделать с помощью слов, но, разумеется, с переменой ролей, поскольку эта игра служит фантазии-желанию. Стало быть, он — лошадь, он кусает отца, впрочем, при этом он отождествляет себя с отцом.

> Последние два дня я замечаю, что Ганс самым решительным образом восстает против меня, не дерзко, а вовсю веселясь. Не оттого ли, что он больше меня — лошади — не боится?
> 6 апреля. После обеда я и Ганс находимся перед домом. Каждый раз при появлении лошади я его спрашиваю, не видит ли он у нее «черноты у рта». Во всех случаях он это отрицает. Я спрашиваю его, как, собственно, выглядит чернота; он говорит, что это черное железо. Таким образом, мое первое предположение, что он имеет в виду толстый кожаный ремень в сбруе ломовых лошадей, не подтверждается. Я спрашиваю, не напоминает ли это «черное» усы; он говорит: только цветом. Итак, что это на самом деле, я до сих пор не знаю.
> Страх стал меньше; на этот раз он уже отваживается подойти к соседнему дому, но быстро поворачивает обратно, услышав вдали лошадиную рысь. Если телега проезжает и оста-

---

[1] [Слово «перенос» имеет здесь другое значение, чем в более поздних работах Фрейда.]

навливается у ворот нашего дома, то он впадает в тревогу и бежит домой, поскольку лошадь бьет копытом. Я спрашиваю его, почему он боится, быть может, он боится того, что лошадь делает так (топаю ногой). Он говорит: «Не делай такого шума ногами!» Ср. с этим его высказывание об упавшей лошади, запряженной в омнибус.

Особенно его пугает проезжающий мимо мебельный фургон. В таком случае он бежит в дом. Я равнодушно спрашиваю его: «Разве мебельный фургон не выглядит так, как омнибус?» Он ничего не отвечает. Я повторяю вопрос. Тогда он говорит: «Ну конечно, иначе я не боялся бы мебельного фургона».

7 апреля. Сегодня я снова спрашиваю, как выглядит «черное у рта» лошади. Ганс говорит: «Как намордник». Удивительно, что за последние три дня ни разу не проезжала лошадь, у которой имелся бы этот «намордник»; сам я ни разу во время прогулок не видел подобной лошади, хотя Ганс уверяет, что такие лошади существуют. Я предполагаю, что особая уздечка лошади — толстая сбруя у рта — действительно напомнила ему усы и что после моего толкования и этот страх тоже исчез.

Улучшение состояния Ганса стабильно, радиус его деятельности с воротами нашего дома в качестве центра становится больше; он даже совершает трюк, который ранее был для него невозможным, — перебегает на тротуар напротив. Весь оставшийся страх связан с ценой с омнибусом, смысл которой мне, правда, по-прежнему не понятен.

9 апреля. Сегодня утром Ганс входит, когда я, раздевшись по пояс, умываюсь.

Ганс: «Папа, какой ты красивый, такой белый!»

Я: «Не правда ли, как белая лошадь?»

Ганс: «Только усы черные (удаляясь). Или, может быть, это черный намордник?»

Тогда я сообщаю ему, что вчера вечером был у профессора, и говорю: «Он хочет кое-что узнать», — на что Ганс отвечает: «Мне это любопытно».

Я говорю ему, что знаю, при каких обстоятельствах он производит ногами шум. Он меня прерывает: «Не правда ли, когда я сержусь или когда мне нужно сделать *люмпф*, а хочется поиграть». (У него есть привычка в гневе производить ногами шум, то есть топать. «Сделать люмпф» означает схо-

дить по большому. Когда Ганс был маленьким, однажды, вставая с горшка, он сказал: «Смотри — люмпф». [Он имел в виду чулок (Strumpf), похожий по форме и цвету.][1] Это обозначение осталось и по сей день. Совсем давно, когда его нужно было посадить на горшок, а он отказывался оставить игру, он, злясь, топал ногами, брыкался и иногда даже бросался на землю.)

«Ты также брыкаешься, когда должен сделать пипи и не желаешь идти, потому что тебе хочется поиграть».

Он: «Слушай, мне нужно сделать пипи», — и, наверное, в качестве подтверждения своих слов выходит».

Во время своего визита отец задал мне вопрос, что могло бы напоминать Гансу брыкание упавшей лошади, и я высказал мысль, что это могла бы быть его собственная реакция, когда он сдерживает позыв к мочеиспусканию. Здесь Ганс подтверждает это появлением позыва к мочеиспусканию во время беседы и добавляет еще и другие значения шума, производимого ногами.

Затем мы идем за ворота дома. Когда проезжает телега с углем, он мне говорит: «Слушай, телегу с углем я тоже очень боюсь».

Я: «Быть может, потому, что она такая же большая, как омнибус?»

Ганс: «Да, и потому что она тяжело нагружена, лошадям нужно так сильно тянуть, и они легко могут упасть. Когда телега пустая, я не боюсь». Фактически, как уже отмечалось раньше, его повергает в тревогу только тяжелые телеги.

При всем при том ситуация весьма непонятна. Анализ мало подвигается вперед; боюсь, что его изложение вскоре наскучит читателю. Между тем в любом психоанализе имеются такие неясные периоды. Вскоре Ганс отправляется в область, которая оказалась для нас неожиданной.

Я прихожу домой и беседую с женой, которая сделала различные покупки и показывает их мне. Среди ними — желтые панталоны. Ганс несколько раз говорит: «Фу», — бросается на землю и плюется. Моя жена говорит, что он так делал

---

[1] [В данном случае это не является пояснением редакторов издания. Фрейд сам использовал здесь квадратные скобки для обозначения комментария.]

уже несколько раз, когда видел панталоны.
Я спрашиваю: «Почему ты говоришь "фу"?»
Ганс: «Из-за панталон».
Я: «Почему? Из-за цвета, потому что они желтые и напоминают пипи или люмпф?»
Ганс: «Люмпф ведь не желтый, он белый или черный». Сразу после этого: «Слушай, легко делать люмпф, когда ешь сыр?» (Я ему это однажды сказал, когда он спросил меня, зачем я ем сыр.)
Я: «Да».
Ганс: «Поэтому ты всегда рано утром идешь делать люмпф. Мне бы очень хотелось съесть бутерброд с сыром».
Еще вчера, когда он играл на улице, он меня спросил: «Слушай, правда, что после того как много прыгаешь, легко сделать люмпф?» С давних пор его стул доставляет сложности, и нам часто приходится пользоваться детским слабительным и клистирами. Однажды его обычный запор был таким сильным, что моя жена обратилась за советом к доктору Л. Тот счел, что Ганса перекармливают, что, впрочем, было верно, и рекомендовал более умеренное питание, что сразу же устранило его состояние. В последнее время запоры вновь участились.
После обеда я ему говорю: «Мы опять напишем профессору», — и он мне продиктовал: «Когда я увидел желтые панталоны, я сказал: "Фу", плюнул, бросился на пол, зажмурил глаза и не смотрел».
Я: «Почему?»
Ганс: «Потому что я увидел желтые панталоны, и что-то такое же я сделал, когда увидел черные[1] панталоны. Черные — это тоже панталоны, только они были черные». (Прерывая себя). «Слушай, я рад; я всегда очень рад, когда могу написать профессору».
Я: «Почему ты сказал "фу"? Тебе было противно?»
Ганс: «Да, потому что я их увидел. Я подумал, что нужно сделать люмпф».
Я: «Почему?»
Ганс: «Не знаю».
Я: «Когда ты видел черные панталоны?»

---

[1] В распоряжении моей жены уже несколько недель имеются панталоны «реформ» для езды на велосипеде. [Примечание отца.]

Ганс: «Однажды давно, когда у нас была Анна (наша служанка), у мамы, она только что принесла их после покупки домой».(Эти сведения подтверждаются моей женой.)
Я: «И тебе тоже было противно?»
Ганс: «Да».
Я: «Ты маму видел в таких панталонах?»
Ганс: «Нет».
Я: «А когда она раздевалась?»
Ганс: «Желтые однажды я уже видел, когда она их купила. (Противоречие! Когда мама купила желтые, он их увидел впервые.) В черных она ходит также сегодня (верно!), потому что я видел, как она их утром снимала».
Я: «Что? Утром она снимала черные панталоны?»
Ганс: «Утром, когда она уходила, она сняла черные панталоны, а когда вернулась, она еще раз одела черные панталоны».
Я расспрашиваю свою жену, потому что мне это кажется бессмыслицей. Она также говорит, что это совершенно неверно; разумеется, уходя из дома, она не переодевала панталоны.
Я тут же спрашиваю Ганса: «Ты же говорил, что мама одела черные панталоны, а когда уходила, она их сняла, а когда пришла, она еще раз их надела. Но мама говорит, что это не так».
Ганс: «Мне так кажется. Наверное, я забыл, что она их не снимала. (Раздраженно.) Оставь меня, наконец, в покое».

Для разъяснения этой истории с панталонами я здесь замечу: Ганс явно лицемерит, когда прикидывается довольным, что может теперь поговорить на эту тему. В конце он сбрасывает маску и становится грубым по отношению к своему отцу. Речь идет о вещах, которые раньше доставляли ему *много удовольствия* и которых теперь после наступившего вытеснения он очень стыдится, которые, по его словам, ему противны. Он откровенно лжет, чтобы увиденной смене мамой панталон приписать другие поводы; в действительности снимание и одевание панталон находится во взаимосвязи с «люмпфом». Отец точно знает, в чем здесь дело и что Ганс хочет скрыть.

Я спрашиваю свою жену, часто ли Ганс был рядом с ней, когда она отправлялась в клозет. Она говорит: «Да, часто, он "клянчит" до тех пор, пока она ему этого не разрешает; так делают все дети».

Отметим для себя, однако, сегодня уже вытесненное желание видеть, как мама делает люмпф.

Мы гуляем перед домом. Он очень весел, и когда он беспрестанно скачет туда и сюда, словно лошадь, я спрашиваю: «Послушай, кто, собственно, лошадь в омнибусе? Я, ты или мама?»
Ганс (сразу): «Я, я — молодая лошадь».
Когда во время самой сильной тревоги он испытывал страх при виде скачущих лошадей и спрашивал меня, почему они это делают, я, чтобы его успокоить, сказал: «Знаешь, это молодые лошади, которые скачут, как мальчишки. Ведь ты тоже скачешь, и ты — мальчик». С тех пор при виде скачущих лошадей он говорит: «Это верно, это молодые лошади!»
Поднимаясь в свою квартиру по лестнице, я почти машинально спрашиваю: «Ты играл в Гмундене с детьми в лошадку?»
Он: «Да! (Задумчиво.) Мне кажется, что я там получил мою "глупость"».
Я: «Кто был лошадкой?»
Он: «Я, а Берта была кучером».
Я: «Быть может, ты упал, когда был лошадкой?»
Ганс: «Нет! Когда Берта сказала: "Но!", я быстро побежал, почти поскакал»[1].
Я: «А в омнибус вы никогда не играли?»
Ганс: «Нет, в обычные телеги и в лошадку без телеги. Ведь когда у лошадки есть телега, она может бегать и без телеги, а телега может оставаться дома».
Я: «Вы часто играли в лошадку?»
Ганс: «Очень часто. Фриц (как известно, тоже сын домохозяина [см. с. 21]) однажды тоже был лошадкой, а Франц кучером, и Фриц так быстро бежал, что однажды наступил на камень, и у него пошла кровь».
Я: «Может быть, он упал?»
Ганс: «Нет, он опустил ногу в воду, а потом обернул ее платком»[2].
Я: «Ты часто был лошадью?»
Ганс: «О, да».
Я: «И там ты получил "глупость"».
Ганс: «Потому что они всегда говорили: "Из-за лошади" и "Из-за лошади" (он подчеркивает это "из-за"); и, навер-

---

[1] Он также играл в лошадку с колокольчиками. [Примечание отца.]

[2] См. об этом позднее [с. 74]. Отец совершенно правильно предполагает, что Фриц тогда упал.

ное, потому, что они так говорили: "Из-за лошади", я и получил "глупость"»[1].

Некоторое время отец тщетно исследует по другим путям.

Я: «Они что-нибудь рассказывали о лошади?»
Ганс: «Да!»
Я: «А что?»
Ганс: «Я это забыл».
Я: «Может быть, они что-нибудь рассказывали о пипике?»
Ганс: «О, нет!»
Я: «Там ты уже боялся лошадей?»
Ганс: «О, нет, я совсем не боялся».
Я: «Может быть, Берта говорила о том, что лошадь...»
Ганс (прерывая): «Делает пипи? Нет!»
10 апреля я продолжаю вчерашний разговор и хочу узнать, что означало «из-за лошади». Ганс не может вспомнить; он знает только, что утром несколько детей стояли перед воротами дома и говорили: «Из-за лошади, из-за лошади». Он сам тоже там был. Когда я становлюсь настойчивее, он заявляет, что дети вовсе не говорили: «Из-за лошади», — и что он неправильно вспомнил.
Я: «Ведь вы часто также бывали в конюшне и, наверное, говорили о лошади?» — «Мы ничего не говорили». — «О чем же вы разговаривали?» — «Ни о чем». — «Вас было так много детей, и вы ни о чем не говорили?» — «Кое о чем мы уже говорили, но не о лошади». — «О чем же?» — «Теперь я этого уже не знаю».
Я оставляю эту тему, потому что сопротивление явно слишком велико[2], и спрашиваю: «Тебе нравилось играть с Бертой?»

---

[1] Поясню: Ганс не хочет утверждать, что он *тогда* получил «глупость», — он говорит, что получил ее в *связи* с этим. Так, пожалуй, и должно происходить, ибо теория утверждает, что то, что когда-то было предметом огромного удовольствия, сегодня является объектом фобии. И тут я дополню за него то, что ребенок не может сказать: словечко *«из-за»* (wegen) открыло путь распространению фобии с лошади на *повозку* (Wagen) (или как Гансу было привычно слышать и говорить: *Wägen*). Никогда нельзя забывать, насколько вещественнее ребенок обращается со словами, чем взрослый, насколько значимы для него поэтому созвучия слов. [Относительно этого пункта в «Толковании сновидений» Фрейда (1900*a*), глава VI, в конце раздела А, *Studienausgabe*, т. 2, с. 303, а также в главе IV его книги «Острота и ее отношение к бессознательному» (1905*c*) имеется замечание Фрейда.]

[2] Здесь, собственно, ничего нельзя получить, кроме соединения слов, которое от отца ускользает. Прекрасный пример условий, при которых психоаналитические усилия ничего не дают.

Он: «Да, очень нравилось, а с Ольгой — нет; знаешь, что сделала Ольга? Грета там наверху однажды мне подарила бумажный мяч, а Ольга его разорвала. Берта никогда бы не разорвала мяч. С Бертой мне очень нравилось играть».
Я: «Ты видел, как выглядит пипика Берты?»
Он: «Нет, но я видел пипику лошади, потому что я всегда бывал в конюшне и там видел пипику лошади».
Я: «И тут тебе стало интересно узнать, как выглядит пипика у Берты и у мамы?»
Он: «Да».
Я напоминаю ему, что однажды он пожаловался на то, что девочки всегда хотят посмотреть, как он делает пипи [с. 25].
Он: «Берта тоже всегда смотрела (совершенно без обиды, а очень удовлетворенно), часто. В маленьком саду, там, где редиска, я делал пипи, а она стояла перед воротами дома и смотрела».
Я: «А когда она делала пипи, ты смотрел?»
Он: «Она ходила в клозет».
Я: «И тебе было любопытно?»
Он: «Я же находился внутри клозета, когда она там была».
(Это верно; однажды хозяева рассказали нам об этом, и я вспоминаю, что мы это Гансу запретили.)
Я: «Ты ей говорил, что хочешь войти внутрь?»
Он: «Я сам входил, потому что Берта разрешила. Это ведь не стыдно».
Я: «И тебе нравилось видеть пипику?»
Он: «Да, но я ее не видел».
Я напоминаю ему сон в Гмундене: что за фант у меня в руке и т. д. [с. 24], и спрашиваю: «Ты в Гмундене хотел, чтобы Берта велела тебе сделать пипи?»
Он: «Я никогда ей этого не говорил».
Я: «А почему ты никогда ей этого не говорил?»
Он: «Потому что я никогда об этом не думал. (Прерывая себя.) Когда я обо всем этом напишу профессору, "глупость" очень скоро пройдет, правда?»
Я: «Почему ты хотел, чтобы Берта велела тебе сделать пипи?»
Он: «Не знаю. Потому что она смотрела».
Я: «Ты думал о том, что она дотронется рукой до пипики?»
Он: «Да. (Переводя разговор на другую тему.) В Гмундене было очень весело. В маленьком саду, где растет редиска,

есть небольшая куча песка, там я играл с лопаткой». (Это сад, где он всегда делал пипи.)

Я: «А в Гмундене, когда ты ложился в постель, ты трогал рукой пипику?»

Он: «Нет, еще нет. В Гмундене я так хорошо спал, что совсем не думал об этом. Только на улице...[1] и теперь я это делал».

Я: «А Берта никогда не трогала рукой твоей пипики?»

Он: «Она этого никогда не делала, потому что я никогда ей об этом не говорил».

Я: «А когда тебе этого хотелось?»

Он: «Однажды в Гмундене».

Я: «Только один раз?»

Он: «Да, часто».

Я: «Всегда, когда ты делал пипи, она смотрела; может, ей было любопытно, как ты делаешь пипи?»

Он: «Наверное, ей было любопытно, как выглядит моя пипика?»

Я: «Но и тебе тоже было любопытно; только у Берты?»

Он: «У Берты и Ольги».

Я: «У кого еще?»

Он: «Ни у кого другого».

Я: «Но ведь это не так. У мамы тоже?»

Он: «У мамы тоже».

Я: «Но ведь теперь тебе это уже не любопытно. Ты же знаешь, как выглядит пипика у Ханны?»

Он: «Но ведь она вырастет, правда?»[2]

Я: «Да, конечно, но когда она вырастет, то все же не будет выглядеть, как твоя».

Он: «Я это знаю. Она будет такой (то есть такой, как теперь), только больше».

Я: «В Гмундене тебе было любопытно, как мама раздевалась?»

Он: «Да, и у Ханны, когда ее купали, я видел пипику».

Я: «И у мамы тоже?»

Он: «Нет!»

Я: «Тебе противно, когда ты видишь мамины панталоны?»

Он: «Только когда я увидел черные, когда она их купила; тогда я плююсь, но когда она их надевает или снимает, я не

---

[1] На прежней квартире до переезда [с. 21].

[2] Он хочет быть уверенным, что его собственная пипика вырастет.

плююсь. *Я плююсь потому, что черные панталоны такие же черные, как люмпф, а желтые — как пипи, и тогда я думаю, что должен сделать пипи.* Когда мама носит панталоны, я их не вижу, ведь у нее сверху платье».

Я: «А когда она снимает платье?»

Он: «Тогда я не плююсь. Но когда они новые, они выглядят, как люмпф. А когда они старые, краска сходит, и они становятся грязными. Когда их купили, они совсем чистые, а когда они дома, они уже сделались грязными. Когда их купили, они новые, а когда их не купили, они старые».

Я: «Значит, от старых тебе не противно?»

Он: «Когда они старые, они ведь намного чернее, чем люмпф, правда? Они немножко чернее»[1].

Я: «Ты часто бывал с мамой в клозете?»

Он: «Очень часто».

Я: «Тебе там было противно?»

Он: «Да... Нет!»

Я: «Тебе нравится быть рядом, когда мама делает пипи или люмпф?»

Он: «Очень нравится».

Я: «Почему так нравится?»

Он: «Я этого не знаю».

Я: «Потому что ты думаешь, что увидишь пипику?»

Он: «Да, я тоже так думаю».

Я: «Но почему в Лайнце ты никогда не хочешь идти в клозет?» (В Лайнце он всегда просит, чтобы я его не водил в клозет; однажды он испугался шума воды, спущенной для промывки.)

Он: «Наверное, потому, что создается шум, когда спускают воду».

Я: «Ты этого боишься?»

Он: «Да!»

Я: «А здесь, в нашем клозете?»

Он: «Здесь — нет. В Лайнце я пугаюсь, когда ты спускаешь воду. Когда я в нем и стекает вода, тогда я тоже пугаюсь».

---

[1] Наш Ганс пытается справиться с темой, которую не знает, как изложить, и нам трудно его понять. Возможно, он думает, что панталоны пробуждают у него неприятное воспоминание только тогда, когда видит их самих по себе; как только они оказываются на теле матери, он их уже не связывает с люмпфом или с пипи; тогда они интересуют иным образом.

Чтобы показать мне, что в нашей квартире он не боится, он просит меня пойти в клозет и спустить воду. Затем он мне объясняет:

«Сначала делается сильный шум, а потом послабее (когда низвергается вода). Когда делается сильный шум, я лучше останусь внутри, когда создаются слабый, я лучше выйду наружу».

Я: «Потому что ты боишься?»

Он: «Потому что мне всегда очень нравится видеть сильный шум (поправляет себя), слышать, и тогда я лучше останусь внутри, чтобы хорошо его слышать».

Я: «О чем тебе напоминает сильный шум?»

Он: «Что в клозете я должен сделать люмпф». (Стало быть, о том же самом, что и черные панталоны.)

Я: «Почему?»

Он: «Не знаю. Я это знаю: сильный шум звучит так же, как когда делают люмпф. Большой шум напоминает о люмпфе, маленький — о пипи» (ср. черные и желтые панталоны).

Я: «Слушай, а не имел ли омнибус тот же цвет, что и люмпф?» (По его словам — черный [с. 48].)

Он (весьма озадаченный): «Да!»

Я должен здесь вставить несколько слов. Отец задает слишком много вопросов и исследует по собственным заготовкам, вместо того чтобы дать высказаться малышу. Из-за этого анализ становится неясным и ненадежным. Ганс идет своим собственным путем и ничего не делает, когда его хотят с него сманить. Очевидно, что его теперь интересуют люмпф на пипи; почему — мы не знаем. История с шумом прояснена столь же малоудовлетворительно, как и история с желтыми и черными панталонами. Я подозреваю, что его тонкий слух очень хорошо заметил различие в шуме, когда мочится мужчина или женщина. Однако анализ несколько искусственно втиснул материал в противоположность обеих потребностей. Читателю, который пока еще сам анализа не проводил, я могу только дать совет не пытаться понять все сразу, а уделять беспристрастное внимание всему происходящему и ожидать дальнейшего.

11 апреля. Сегодня утром Ганс снова приходит в комнату и, как во все последние дни, его выставляют.

Позднее он рассказывает: «Послушай, что я подумал:
Я сижу в ванне[1], *тут приходит слесарь и отвинчивает ее*[2]. *Затем он берет большое сверло и бьет меня в живот*».

Отец переводит для себя эту фантазию.

«Я в кровати у мамы. Тут приходит папа и меня прогоняет. Своим большим пенисом он оттесняет меня от мамы».

Пока мы хотим воздержаться от своего суждения.

Затем он рассказывает нечто другое, что он себе выдумал: «Мы едем в поезде в Гмунден. На станции мы одеваем одежду, но не успеваем, и поезд уходит вместе с нами».
Позднее я спрашиваю: «Ты когда-нибудь видел, как лошадь делает люмпф?»
Ганс: «Да, очень часто».
Я: «Она производит при этом сильный шум?»
Ганс: «Да!»
Я: «Что напоминает тебе этот шум?»
Ганс: «Как будто люмпф падает в горшок».
Лошадь в омнибусе, которая падает и производит ногами шум, наверное, и есть люмпф, который падает и производит при этом шум. Страх перед дефекацией, страх перед тяжело нагруженной телегой в общем и целом соответствует страху перед тяжело нагруженным животом.

Этими окольными путями начинает для отца неясно вырисовывается истинное положение вещей.

11 апреля за обедом Ганс говорит: «Эх, если бы у нас в Гмундене была ванна, тогда мне не нужно было бы ходить в баню». Дело в том, что в Гмундене, чтобы его помыть, его всегда водили в расположенную поблизости баню, против чего он обычно с бурными рыданиями протестовал. Также и в Вене он всегда вопит, когда его, чтобы искупать, сажают или кладут в большую ванну. Он должен купаться стоя или на коленях.

Эти слова Ганса, который теперь начинает давать пищу анализу самостоятельными высказываниями, устанавливают связь между

---

[1] Ганса купает мать. [Примечание отца.]
[2] Чтобы взять ее в починку. [Примечание отца.]

обеими последними фантазиями (о слесаре, отвинчивающем ванну, и о неудавшейся поездке в Гмунден). Из последней фантазии отец справедливо сделал вывод об антипатии к Гмундену. Впрочем, это опять хорошее напоминание о том, что материал, всплывающий из бессознательного, следует понимать не с помощью предыдущего, а с помощью последующего.

Я спрашиваю его, чего он боится.
Ганс: «Того, что я упаду».
Я: «Но почему ты никогда не боялся, когда тебя купали в маленькой ванне?»
Ганс: «Потому что я в ней сидел, потому что я не мог в ней лечь, ведь она была слишком маленькая».
Я: «А когда ты в Гмундене катался на лодке, ты не боялся, что упадешь в воду?»
Ганс: «Нет, потому что я держался руками, и не мог там упасть. Я боюсь, что упаду, только тогда в большой ванне».
Я: «Тебя ведь купает мама. Разве ты боишься, что мама тебя бросит в ванну?»
Ганс: «Что она уберет руки и я упаду в воду с головой».
Я: «Ты же знаешь, что мама любит тебя, ведь она не уберет руки».
Ганс: «Я так подумал».
Я: «Почему?»
Ганс: «Этого я точно не знаю»
Я: «Быть может, потому что ты плохо себя вел и поэтому подумал, что она тебя больше не любит?»
Ганс: «Да».
Я: «А когда ты присутствовал при купании Ханны, быть может, тебе хотелось, чтобы мама отняла руки и Ханна упала?»
Ганс: «Да».

Мы думаем, что отец совершенно правильно догадался об этом.

12 апреля. На обратном пути из Лайнца в вагоне второго класса Ганс, увидев черную кожаную обивку, говорит: «Фу, я плююсь; когда я вижу черные панталоны и черных лошадей, я тоже плююсь, потому что должен сделать люмпф».
Я: «Быть может, ты увидел у мамы что-нибудь черное, что тебя испугало?»
Ганс: «Да».
Я: «И что же?»

Ганс: «Я не знаю. Черную блузку или черные чулки».
Я: «Быть может, ты увидел черные волосы на пипике, когда ты был любопытным и подглядывал?»
Ганс (оправдываясь): «Но я пипики не видел».
Когда он однажды вновь испугался, увидев, как из ворот двора напротив выезжала телега, я его спросил: «Не похожи ли эти ворота на попку?»
Он: «А лошади —люмпфи!» С тех пор каждый раз, когда он видит, как выезжает телега, он говорит: «Смотри, идет "люмпфи"». Форма "люмпфи" для него совершенно не свойственна, она звучит как ласкательное имя. Моя невестка всегда называет своего ребенка «вумпи».
13 апреля он видит в супе кусок печенки и говорит: «Фу, люмпф». Он явно с неохотой ест и рубленое мясо, потому что по форме и цвету оно напоминает ему люмпф.
Вечером моя жена рассказывает, что Ганс был на балконе, а затем ей сказал: «Я подумал, что Ханна была на балконе и упала вниз». Я ему часто говорил, что, когда Анна на балконе, он должен за ней присматривать, чтобы она не подходила близко к перилам, сконструированным слесарем-сецессионистом[1] весьма неумело, с большими отверстиями, которые мне пришлось заделать проволочной сеткой. Вытесненное желание Ганса весьма прозрачно. Мама спрашивает его, не было бы ему лучше, если бы Ханны вообще не существовало, на что он отвечает утвердительно.
14 апреля. Тема, касающаяся Ханны, находится на переднем плане. Он, как мы помним из прежних записей, испытывал огромную антипатию к новорожденному ребенку, отнявшему у него часть родительской любви; эта антипатия не исчезла полностью еще и теперь и только отчасти сверхкомпенсирована чрезмерной нежностью[2]. Он уже часто высказывался, что аист не должен больше приносить детей, что мы должны дать аисту денег, чтобы тот не приносил больше детей *из большого сундука*, в котором находятся дети. (Ср. страх перед мебельным фургоном. Не выглядит ли омнибус как большой сундук?) Ханна так много кричит, это ему надоедает.

---

[1] [«Сецессион» — название ряда объединений немецких и австрийских художников конца XIX — начала XX века. — *Примечание переводчика.*]

[2] Когда тема «Ханна» непосредственно сменяет тему «люмпф», причина этого нам, наконец, понятна. Ханна — сама «люмпф», дети — люмпфы!

Однажды он неожиданно говорит: «Ты можешь вспомнить, как появилась Ханна? Она лежала на кровати у мамы, такая милая и славная». (Эта похвала прозвучала подозрительно фальшиво!)

Затем мы внизу перед домом. Можно опять отметить большой прогресс. Даже грузовые телеги внушают ему меньший страх. Однажды он чуть ли не радостно кричит: «Едет лошадь с чем-то черным у рта», — и я, наконец, могу констатировать, что это лошадь с намордником из кожи. Но Ганс вообще не испытывает страха перед этой лошадью.

Однажды он стучит своей палкой о мостовую и спрашивает: «Слушай, тут лежит человек... который похоронен... или это бывает только на кладбище?» Следовательно, его занимает теперь не только загадка жизни, но и загадка смерти.

По возвращении я вижу в передней ящик, и Ганс говорит: «Ханна приехала с нами в Гмунден в таком ящике. Всегда, когда мы ехали в Гмунден, она ехала с нами в ящике. Ты мне опять не веришь? Правда, папа, поверь мне. Мы получили большой ящик, а в нем сплошь дети, они сидели в ванне. (В этот ящик была упакована небольшая ванна.) Я посадил их туда, правда. Я хорошо это помню»[1].

Я: «Что ты можешь вспомнить?»

Ганс: «Что Ханна ездила в ящике, потому что я этого не забыл. Честное слово!»

Я: «Но ведь в прошлом году Ханна ехала с нами в купе».

Ганс: *«Но раньше она всегда ездила с нами в ящике»*.

Я: «Не маме ли принадлежал этот ящик?»

Ганс: «Да, он был у мамы».

Я: «Где же?»

Ганс: «Дома на полу».

Я: «Может быть, она его носила с собой?»[2]

Ганс: «Нет! Когда мы теперь поедем в Гмунден, Ханна опять поедет в ящике».

---

[1] Теперь он начинает фантазировать. Мы узнаем, что для него ящик и ванна обозначают одно и то же — представительства пространства, в котором находятся дети. Обратим внимание на его повторявшиеся уверения!

[2] Ящик — это, конечно, утроба матери. Отец хочет намекнуть Гансу, что он это понял. Также и ящик, в котором, начиная с царя Саргона из Агады, бросают на произвол судьбы героев в мифах, не представляет собой ничего другого. — *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* Ср. трактат Ранка «Миф о рождении героя», 1909 (второе издание, 1922).

Я: «Как же она вышла из ящика?»
Ганс: «Ее вынули».
Я: «Мама?»
Ганс: «Я и мама. Потом мы сели в экипаж, Ханна скакала на лошади, а кучер сказал: "Но!" Кучер сидел на козлах. Ты был с нами? Даже мама это знает. Мама этого не знает, потому что она уже это опять забыла, но ничего ей не говори!»
Я прошу его мне все повторить.
Ганс: «Потом Ханна сошла».
Я: «Она еще совсем не умела ходить».
Ганс: «Мы ее тогда спустили вниз».
Я: «Как же она могла сидеть на лошади, ведь в прошлом году она еще совсем не умела сидеть».
Ганс: «О, да, она уже сидела и кричала: "Но!" и хлестала кнутом, который раньше был у меня. У лошади вообще не было стремени, а Ханна ехала верхом; папа, а может быть, это не шутка».

Что должна означать эта упорно отстаиваемая бессмыслица? О, это ничуть не бессмыслица; это пародия и месть Ганса своему отцу. Она означает примерно следующее: *раз ты хочешь от меня, чтобы я поверил, будто в октябре Ханну принес аист, хотя уже летом, когда мы ездили в Гмунден, я заметил у матери большой живот, то и я могу требовать, чтобы ты поверил в мою ложь.* Что другое может означать его утверждение, что Ханна еще прошлым летом вместе с ними ездила «в ящике» в Гмунден, как не его осведомленность о беременности матери? То, что он предполагает повторение этой поездки в ящике каждый последующий год, соответствует часто встречающейся форме проявления бессознательной мысли из прошлого; или это имеет особые основания, и он выражает свою тревогу, что в ближайшую летнюю поездку снова увидит такую беременность. Теперь мы также узнали, из-за чего поездка в Гмунден была для него испорчена, на что намекала его вторая фантазия [с. 60].

Позднее я спрашиваю его, как, собственно, Ханна после своего рождения попала в мамину постель.

Тут он может развернуться и «подтрунить» над отцом.

Ганс: «Пришла Ханна. Фрау Краус (акушерка) уложила ее в кровать. Ведь она не умела ходить. А аист принес ее в своем клюве. Она же ходить не умела. (Продолжая на одном дыхании.) Аист поднялся по лестнице, а затем постучал, а тут все

спали, а у него был нужный ключ, он открыл дверь и уложил Ханну в *твою*[1] кровать, а мама спала; нет, аист уложил Ханну в *ее кровать*. Уже была ночь, и аист совершенно спокойно уложил ее в кровать, он совсем не шумел, а потом взял шляпу и ушел обратно. Нет, шляпы у него не было».

Я: «Кто взял шляпу? Может быть, доктор?»

Ганс: «Затем аист ушел, ушел домой, а потом он позвонил, а все люди в доме уже не спали. Но ты не рассказывай этого маме и Тинни (кухарка). Это тайна!»

Я: «Ты любишь Ханну?»

Ганс: «О, да, очень люблю».

Я: «Тебе было бы лучше, если бы Ханна не появилась на свет, или тебе лучше, что она есть?»

Ганс: «Мне было бы лучше, если бы она не появилась на свет».

Я: «Почему?»

Ганс: «Во всяком случае она не кричала бы так, а я не могу вынести крика».

Я: Ведь ты и сам кричишь».

Ганс: «Ханна кричит тоже».

Я: «Почему ты не можешь этого вынести?»

Ганс: «Потому что она кричит очень сильно».

Я: «Но ведь она совсем не кричит».

Ганс: «Когда ее шлепают по голой попе, тогда она кричит».

Я: «Ты ее когда-нибудь шлепал?»

Ганс: «Когда мама шлепает ее по попе, тогда она кричит».

Я: «Тебе это не нравится?»

Ганс: «Нет... Почему? Потому что она своим криком создает такой шум».

Я: «Если тебе было бы лучше, чтобы ее не было на свете, значит, ты ее совсем не любишь?»

Ганс: «Гм, гм...» (соглашаясь).

Я: «Поэтому ты думал, что, если мама, когда ее купает, уберет руки, то она упадет в воду...»

Ганс (дополняет): «...И умрет».

Я: «И ты остался бы тогда один с мамой. Но хороший мальчик этого все-таки не желает».

Ганс: *«Но думать об этом ему можно»*.

---

[1] Конечно, издевка! Так же, как и последующая просьба не выдавать эту тайну маме.

Я: «Но это нехорошо».

Ганс: *«Когда об этом он думает, это все-таки хорошо, потому что тогда можно написать об этом профессору»*[1].

Позднее я ему говорю: «Знаешь, когда Ханна вырастет и сможет говорить, ты будешь ее любить больше».

Ганс: «О, нет. Я и так ее люблю. Когда она осенью будет большая, я пойду с ней в парк и буду ей все объяснять».

Как только я хочу приступить к дальнейшему разъяснению, он прерывает меня, вероятно, чтобы объяснить мне, что это не так уж плохо, если он желает смерти Ханне.

Ганс: «Послушай, ведь она уже давно была на свете, даже когда ее еще не было. Ведь у аиста она уже тоже была на свете».

Я: «Нет, у аиста она, наверное, все же не была».

Ганс: «Кто же ее принес? У аиста она была».

Я: «Откуда же он ее принес?»

Ганс: «Ну, от себя».

Я: «Где же она у него там была?»

Ганс: «В ящике, в *ящике аиста*».

Я: «А как выглядит этот ящик?»

Ганс: «Он красный. Выкрашен в красный цвет (кровь?)».

Я: «А кто тебе это сказал?»

Ганс: «Мама — я так думал — так в книжке».

Я: «В какой книжке?»

Ганс: «В книжке с картинками». (Я велю ему принести свою первую книжку с картинками. Там изображено гнездо аиста с аистами на красном камине. Это и есть ящик; как ни странно, на той же странице изображена лошадь, которой подбивают подкову. Ганс помещает детей в ящик, поскольку он их не находит в гнезде.)

Я: «А что аист с ней сделал?»

Ганс: «Потом он принес Ханну сюда. В клюве. Знаешь, это тот аист, который из Шёнбрунна, который кусает зонтик». (Воспоминание о небольшом происшествии в Шёнбрунне.)

Я: «Ты видел, как аист принес Ханну?»

Ганс: «Послушай, ведь я тогда еще спал. А утром аист не может принести девочку или мальчика».

Я: «Почему?»

---

[1] Славный маленький Ганс! Ни у одного взрослого я не желал для себя лучшего понимания психоанализа.

Ганс: «Он этого не может. Аист этого не может. Знаешь, почему? Чтобы люди не видели, и вдруг, когда наступает утро, девочка уже здесь»[1].

Я: «Но тогда тебе все же было любопытно узнать, как аист это сделал?»

Ганс: «О, да!»

Я: «Как выглядела Ханна, когда она пришла?»

Ганс (фальшиво): «Совсем белая и миленькая. как золотая».

Я: «Но когда ты ее увидел впервые, она тебе не понравилась».

Ганс: «О, очень!»

Я: «Ведь ты был поражен, что она такая маленькая?»

Ганс: «Да».

Я: «Какой она была маленькой?»

Ганс: «Как молодой аист».

Я: «А как еще? Может быть, как люмпф?»

Ганс: «О, нет, люмпф намного больше... чуть меньше, чем Ханна теперь».

Я уже предрекал отцу, что фобию малыша можно будет свести к мыслям и желаниям, связанным с рождением сестрички, но я не обратил его внимание на то, что в соответствии с инфантильной сексуальной теорией ребенок — это люмпф, и поэтому Ганс должен пройти через экскрементальный комплекс. Из-за этого моего упущения и произошло временное затемнение лечения. Теперь после сделанного разъяснения отец пытается во второй раз расспросить Ганса относительно этого важного пункта.

На следующий день я прошу его повторить еще раз рассказанную вчера историю. Ганс рассказывает: «Ханна приехала в Гмунден в большом ящике, мама в купе, а Ханна в товарном поезде с ящиком, а потом, когда мы были в Гмундене, я и мама вынули Ханну и посадили на лошадь. Кучер сидел на козлах, а у Ханны был прошлый (прошлогодний) кнут, и она стегала лошадь и все время говорила: «Но!», — и это всегда

---

[1] Не будем останавливаться из-за непоследовательности Ганса. В предыдущем разговоре из его бессознательного проявилось неверие в аиста, которое было связано с его горькой обидой на отца, напускающего на себя таинственность. Теперь он стал более спокойным и отвечает официальными мыслями, с помощью которых он должным образом дал себе объяснение многочисленных трудностей, связанных с гипотезой об аисте.

было весело, а кучер тоже стегал. Кучер совсем не стегал, потому что кнут был у Ханны. Кучер держал вожжи, Ханна тоже держала вожжи (мы каждый раз ездили с вокзала домой в экипаже; Ганс пытается здесь привести в соответствие действительность и фантазию.) В Гмундене мы сняли Ханну с лошади, и она сама пошла по лестнице». (Когда Ханна в прошлом году была в Гмундене, ей было восемь месяцев. Годом раньше, к которому, очевидно, относится фантазия Ганса, по прибытии в Гмунден истекли пять месяцев беременности.)
Я: «В прошлом году Ханна уже была».
Ганс: «В прошлом году она приехала в экипаже, но годом раньше, когда уже она у нас была на свете...»
Я: «Она уже была у нас?»
Ганс: «Да, ведь ты всегда приходил, чтобы покататься со мной на лодке, и Ханна за тобой ухаживала».
Я: «Но это было не в прошлом году, потому что Ханны тогда еще не было на свете».
Ганс: *«Да, она тогда уже была на свете.* Когда она приехала в ящике, она уже могла ходить и говорить: "Ханна"». (Она этому научилась только четыре месяца назад.)
Я: «Но ведь тогда ее у нас еще не было».
Ганс: «О, да, тогда она все же была у аиста».
Я: «А сколько лет Ханне?»
Ганс: «Осенью ей будет два года. Но Ханна была тогда, ведь ты это знаешь».
Я: «А когда она была у аиста в его ящике?»
Ганс: «Уже давно, до того, как она приехала в ящике. Уже очень давно».
Я: «А когда Ханна научилась ходить? Когда она была в Гмундене, она еще ходить не умела».
Ганс: «В прошлом году — нет, а раньше умела».
Я: «Но Ханна только раз была в Гмундене».
Ганс: «Нет! Она была дважды; да, это верно. Я это очень хорошо помню. Спроси маму, она тебе это скажет».
Я: «Но это все же не так».
Ганс: «Да, это так. *Когда она была в Гмундене в первый раз, она умела ходить и ездить верхом, а позже ее нужно было носить.* Нет, она только позже ездила верхом, а в прошлом году ее нужно было носить».
Я: «Но она ведь только совсем недавно стала ходить. В Гмундене она ходить еще не умела».

Ганс: «Да, только запиши это. Я могу очень хорошо вспомнить. Почему ты смеешься?»
Я: «Потому что ты обманщик, потому что ты прекрасно знаешь, что Ханна только раз была в Гмундене».
Ганс: «Нет, это не так. В первый раз она приехала верхом на лошади... а во второй раз» (явно теряет уверенность).
Я: «Может, лошадью была мама?»
Ганс: «Нет, настоящая лошадь, в кабриолете».
Я: «Но мы ведь всегда ездили в экипаже с парой лошадей».
Ганс: «Значит, тогда это был фиакр».
Я: «А что Ханна ела в ящике?»
Ганс: «Ей положили дали туда бутерброд, селедку и редиску (ужин в Гмундене), и пока Ханна ехала, она намазывала себе бутерброд и ела пятьдесят раз».
Я: «И Ханна не кричала?»
Ганс: «Нет».
Я: «Что же она делала?»
Ганс: «Сидела там совершенно спокойно».
Я: «Она не стучала?»
Ганс: «Нет, она постоянно ела и ни разу даже не пошевелилась. Она выпила два больших глиняных горшка кофе — до утра ничего не осталось, а весь сор она оставила в ящике, листья от редиски и ножик, чтобы резать редиску; все это прибрала, как заяц, и в одну минуту была готова. Вот была спешка! Я даже сам с Ханной ехал в ящике, я всю ночь спал в ящике (года два назад мы действительно ночью ездили в Гмунден), а мама ехала в купе. Мы все время ели также и в экипаже, вот была потеха. Она вовсе не ехала верхом на лошади (он теперь не уверен, потому что знает, что мы ехали в экипаже, запряженном парой)... она сидела в экипаже. Вот так правильно, но я был совсем один, а Ханна ехала... мама ехала верхом на лошади, а Каролина (наша служанка в прошлом году) — на другой... Слушай, то, что я тебе тут рассказываю, совсем неправильно».
Я: «Что неправильно?»
Ганс: «Все неправильно. Послушай, мы посадим ее и меня в ящик[1], а я сделаю в ящике пипи. Я сделаю пипи в штаны,

[1] Ящик для багажа в Гмундене, который стоит в прихожей. [Примечание отца.]

мне это нипочем, ни капельки не стыдно. Слушай, это не шутка, но все равно весело!»

Затем он рассказывает историю о том, как приходил аист, — как вчера, только не говорит, что, уходя, аист взял шляпу.

Я: «Где аист держал ключ от дверей?»

Ганс: «В кармане».

Я: «А где у аиста карман?»

Ганс: «В клюве».

Я: «Он был у него в клюве! Я еще не видел ни одного аиста, у которого в клюве ключ».

Ганс: «А как тогда он мог войти? Как входит аист в двери? Да, это неправильно, я перепутал; аист звонит, и кто-нибудь открывает ему дверь».

Я: «Как же он звонит?»

Ганс: «В звонок».

Я: «Как он это делает?»

Ганс: «Он берет клюв и нажимает им звонок».

Я: «И он опять запер дверь?»

Ганс: «Нет, ее заперла служанка. Она уже встала, она открыла ему дверь и закрыла».

Я: «Где живет аист?»

Ганс: «Где? В ящике, где у него девочки. Может, в Шёнбрунне».

Я: «Я не видел в Шёнбрунне ящика».

Ганс: «Он, наверное, находится где-то далеко. Знаешь, как аист открывает ящик? Он берет клюв — в ящике также есть замок — он берет клюв и одной (одной половиной клюва) его так открывает (демонстрирует это мне на замке письменного стола). Тут есть еще и ручка».

Я: «Такая девочка для него не слишком тяжелая?»

Ганс: «О, нет!»

Я: «Послушай, не выглядит ли омнибус, как ящик аиста?»

Ганс: «Да!»

Я: «А мебельный фургон?»

Ганс: «Гадкий фургон — тоже» (гадкий — бранное слово для невоспитанных детей).

17 апреля. Вчера Ганс осуществил свой давно задуманный план и перешел во двор напротив. Сегодня он этого уже делать не хотел, потому что как раз напротив въездных ворот стояла телега. Он мне сказал: «Когда там стоит телега, я бо-

юсь, что *стану дразнить лошадей,* они упадут и создадут ногами шум».
Я: «А как дразнят лошадей?»
Ганс: «Когда их ругают, тогда их дразнят, когда им кричат «Но! Но!»[1].
Я: «Ты уже дразнил лошадей?»
Ганс: «Да, часто. Я боюсь, что я это сделаю, но это не так».
Я: «В Гмундене ты уже дразнил лошадей?»
Ганс: «Нет».
Я: «Но ты любишь дразнить лошадей?»
Ганс: «О, да, очень люблю».
Я: «Тебе хотелось бы ударить их кнутом?»
Ганс: «Да».
Я: «Тебе хотелось бы так бить лошадей, как мама бьет Ханну. Ведь тебе это тоже нравится?»
Ганс: «Лошадям не вредно, когда их бьют. (Я так ему говорил в свое время, чтобы умерить его страх перед тем, что лошадей бьют кнутом.) Однажды я это действительно сделал. У меня однажды был кнут, и я ударил лошадь, она упала и произвела ногами шум».
Я: «Когда?»
Ганс: «В Гмундене».
Я: «Настоящую лошадь? Запряженную в коляску?»
Ганс: «Она была без коляски».
Я: «Где же она была?»
Ганс: «Я ее держал, чтобы она не ускакала». (Все это, конечно, звучит неправдоподобно.)
Я: «Где это было?»
Ганс: «У источника».
Я: «Кто это тебе разрешил? Ее что, кучер там оставил?»
Ганс: «Ну, лошадь из конюшни».
Я: «Как она пришла к источнику?»
Ганс: «Я ее привел».
Я: «Откуда? Из конюшни?»
Ганс: «Я ее вывел, потому что хотел ее ударить кнутом».
Я: «Разве в конюшне никого не было?»
Ганс: «О, да, Лоис (кучер в Гмундене)».

---

[1] Его часто охватывал сильный страх, когда кучера били лошадей и кричали: «Но!» [Примечание отца.]

Я: «Он тебе это разрешил?»
Ганс: «Я с ним ласково поговорил, и он сказал, что я могу это сделать».
Я: «Что ты ему сказал?»
Ганс: «Можно ли мне взять лошадь, ударить ее кнутом и закричать. Он сказал: "Да"».
Я: «А ты ее много раз ударил?»
Ганс: *«То, что я тут тебе рассказываю, совсем неправда»*.
Я: «А что из этого правда?»
Ганс: «Все неправда, я это рассказывал просто в шутку».
Я: «Ты ни разу не уводил лошадь из конюшни?»
Ганс: «О, нет!»
Я: «Но тебе этого хотелось?»
Ганс: «Конечно, хотелось. Я об этом думал».
Я: «В Гмундене?»
Ганс: «Нет, только здесь. Утром я думал об этом, когда был совсем одет; нет, утром в постели».
Я: «Почему ты мне этого никогда не рассказывал?»
Ганс: «Я об этом не думал».
Я: «Ты об этом думал, потому что видел это на улицах».
Ганс: «Да!»
Я: «Кого, собственно, тебе хочется ударить — маму, Ханну или меня?»
Ганс: «Маму».
Я: «Почему?»
Ганс: «Мне хочется ее побить».
Я: «Когда же ты видел, чтобы кто-нибудь бил маму?»
Ганс: «Я этого еще никогда не видел, никогда в своей жизни».
Я: «И тебе все-таки хочется это сделать? Как ты хочешь это сделать?»
Ганс: «Выбивалкой». (Мама часто грозит побить его выбивалкой.)
На сегодня я должен был прекратить разговор.
На улице Ганс мне объяснил: омнибусы, мебельные фургоны, телеги с углем возы — все это ящики аиста».

Стало быть, это значит — беременные женщины. Приступ садизма перед разговором не может быть вне связи с нашей темой.

21 апреля. Сегодня утром Ганс рассказывает, о чем он думал: «Поезд был в Лайнце, и я поехал с лайнцской бабушкой на

главную таможню. Ты еще не сошел с моста, а второй поезд был уже в Санкт Вейте[1]. Когда ты сошел, поезд уже пришел, и тут мы в него вошли».

(Вчера Ганс был в Лайнце. Чтобы попасть на перрон, нужно пройти через мост. С перрона вдоль рельсов видна дорога до самой станции Санкт Вейт. Здесь дело несколько непонятно. Наверное, вначале Ганс подумал: он уехал с первым поездом, на который я опоздал, затем из Унтер-Санкт Вейта пришел другой поезд, на котором я и поехал вслед. Часть этой фантазии о беглеце он исказил, и поэтому в заключение он говорит: «Мы оба уехали только со вторым поездом».

Эта фантазия находится в связи с последней не истолкованной [с. 60], в которой речь идет о том, что мы потратили в Гмундене слишком много времени на то, чтобы одеть по пути одежду, пока не ушел поезд.)

После обеда перед домом. Ганс внезапно вбегает в дом, когда проезжает экипаж с двумя лошадями, в котором я не могу заметить ничего необыкновенного. Я спрашиваю его, что с ним. Он говорит: «Я боюсь, потому что лошади такие гордые, что они упадут». (Кучер сдерживал лошадей, натянув поводья, поэтому они шли коротким шагом, высоко подняв голову; они действительно имели гордую поступь.)

Я спрашиваю его, кто же, собственно, такой гордый.

Он: «Ты, когда я иду к маме в кровать».

Я: «Ты, значит, хочешь, чтобы я упал?»

Он: «Да, чтобы ты голый (он имеет в виду: босой, как в свое время Фриц) наткнулся на камень, тогда потечет кровь, и тогда я хоть чуть-чуть смогу побыть с мамой наедине. Когда ты войдешь в квартиру, я смогу быстро убежать от мамы, чтобы ты этого не видел».

Я: «Ты можешь вспомнить, кто наткнулся на камень?»

Он: «Да, Фриц».

Я: «Что ты подумал, когда Фриц упал?»[2]

---

[1] [Унтер-Санкт Вейт — если смотреть из Вены, станция за Лайнцем. Когда пассажиры на перроне Лайнца ожидают поезд, идущий в Вену, они могут увидеть на совершенно прямом участке поезд из Унтер-Санкт Вейт, причем даже с еще большего расстояния.]

[2] Значит, Фриц действительно упал, что в свое время Ганс отрицал [см. с. 54].

Он: «Чтобы ты споткнулся о камень и упал».
Я: «Тебе, значит, очень хочется к маме?»
Он: «Да!»
Я: «А почему, собственно, я ругаюсь?»
Он: «Я этого не знаю (!!)».
Я: «Почему?»
Он: «Потому что ты соперничаешь».
Я: «Но ведь это неправда».
Он: «Да, это правда, ты соперничаешь, я это знаю. Это должно быть правдой».
Стало быть, мое объяснение, что только маленькие мальчики приходят к маме в кровать, а большие спят в своей собственной постели, не произвело на него большого впечатления.
Я предполагаю, что желание «дразнить» лошадь, то есть бить и кричать на нее, относится не к маме, как он говорил, а ко мне. Наверное, он тогда указал на маму лишь потому, что не решился мне сознаться в другом. В последние дни он со мной особенно ласков.

С чувством превосходства, которое так легко приобретается «задним числом», мы хотим поправить отца, что желание Ганса «подразнить» лошадь обустроено двояким образом, состоит из смутного садистского влечения к матери и ясного мстительного стремления по отношению к отцу. Последнее не могло быть репродуцировано, пока в связи с комплексом беременности не наступил черед первого. При образовании фобии из бессознательных мыслей происходит сгущение; поэтому путь анализа никогда не может повторить ход развития невроза.

22 апреля. Сегодня утром Ганс опять что-то подумал: «Один уличный мальчишка ехал в вагончике, пришел кондуктор, раздел мальчишку совсем донага и оставил его там до утра, а утром мальчишка дал кондуктору 50000 гульденов, чтобы тот разрешил ему ехать в вагончике».
(Напротив нас проходит Северная железная дорога. На тупиковом железнодорожном пути стоит дрезина, на которой Ганс однажды видел мальчишку, что захотелось сделать и ему самому. Я ему сказал, что этого делать нельзя, а то придет кондуктор. Второй элемент фантазии — вытесненное желание обнажиться.)

С некоторых пор мы замечаем, что фантазия Ганса работает «под знаком средств передвижения» и последовательным образом продвигается от лошади, которая тянет телегу, к железной дороге. Так ко всякой фобии улиц со временем присоединяется страх перед железной дорогой[1].

Днем я узнаю, что Ганс *все утро играл с резиновой куклой, которую он называл Гретой.* [Ср. с. 33.] *Через отверстие, в котором когда-то был укреплен небольшой металлический свисток, он воткнул в середину маленький перочинный ножик, а затем, чтобы ножик выпал из куклы, оторвал ей ноги. Няне он сказал, указывая на место между ногами куклы: «Смотри, здесь пипика!»*
Я: «Во что же ты сегодня играл с куклой?»
Он: «Я оторвал ей ноги, знаешь, почему? Потому что внутри был мамин ножичек. Я засунул его туда, где пищит пуговка[2], а потом я разодрал ноги, и он оттуда выпал».
Я: «Зачем ты оторвал ноги? Чтобы ты мог увидеть пипику?»
Он: «Она и сначала там была, и я мог ее видеть».
Я: «Зачем ты засунул нож?»
Он: «Не знаю».
Я: «А как выглядит ножичек?»
Он мне его приносит.
Я: «Ты подумал, что это, быть может, маленький ребенок?»
Он: «Нет, я вообще ничего не думал, но мне кажется, что аист однажды получил маленького ребенка — или кто-то».
Я: «Когда?»
Он: «Однажды. Я об этом слышал, или я совсем не слышал, или заговорился».
Я: «Что значит заговорился?»
Он: «Это неправда».
Я: «Все, что говорят, немножко правда».
Он: «Ну да, немножко».
Я (после некоторой паузы): «Как ты думал, на свет появляются цыплята?»
Он: «Их выращивает аист — нет, боженька».

---

[1] [Эта характерная черта фобии затем обсуждается ниже на с. 106.]

[2] [Так в первом издании. Во всех последующих говорится «голова», что почти наверняка ошибочно; см. ниже, с. 110, где описывается, что «в резиновом туловище куклы» имелось «отверстие».]

Я ему объясняю, что курицы откладывают яйца, а из яиц выходят цыплята. Ганс смеется.
Я: «Почему ты смеешься?»
Ганс: «Потому что мне нравится то, что ты рассказываешь». Он говорит, что уже это видел.
Я: «Где же?»
Он: «У тебя».
Я: «И где я отложил яйцо?»
Ганс: «В Гмундене, ты положил яйцо в траву, и однажды оттуда выскочил цыпленок. Ты однажды положил яйцо — я это знаю, я знаю это совершенно точно. Потому что мне это сказала мама».
Я: «Я спрошу маму, правда ли это».
Ганс: «Это совсем неправда, но один раз *я* уже положил яйцо, и оттуда выскочила курочка».
Я: «Где?»
Ганс: «В Гмундене я лег в траву, нет, стал на колени, а дети совсем туда не смотрели, и утром я им сказал: "Ищите, дети, я вчера положил яйцо". И тут они стали смотреть и увидели яйцо, а из него вышел маленький Ганс. Чего ты смеешься? Мама этого не знает, и Каролина этого не знает, потому что никто не смотрел, а я взял и положил яйцо, и оно вдруг там оказалось. Правда. Папа, когда вырастает курочка из яйца? Когда его не трогают? Его нужно съесть?»
Я ему это объясняю.
Ганс: «Ну да, оставим его у курицы, тогда вырастет цыпленок. Упакуем его в ящик и отправим в Гмунден».
Ганс смелой уловкой взял бразды правления анализом в свои руки, поскольку родители медлили с давно необходимыми разъяснениями, и в блестящей форме симптоматического действия сообщил: *«Посмотрите, я так представляю себе рождение»*.
То, что он сказывал служанке о смысле своей игры с куклой, было неискренним; в беседе с отцом он напрямую отрицает, что хотел только увидеть пипику. После того как отец, так сказать, авансом рассказал о возникновении цыплят из яиц, его неудовлетворенность, его недоверие и его всезнайство соединяются в великолепное передразнивание, которое в его последних словах доходит до явного намека на рождение сестры.

Я: «Во что ты играл с куклой?»
Ганс: «Я ей говорил: "Грета"».
Я: «Почему?»
Ганс: «Потому что я ей говорил: "Грета"».
Я: «Как ты играл?»
Ганс: «Я ухаживал за ней, как за настоящим ребенком».
Я: «Тебе хотелось заиметь маленькую девочку?»
Ганс: «О, да. Почему нет? Я хочу заиметь, но маме заиметь нельзя, я этого не хочу».
(Он уже часто так говорил. Он боится, что из-за третьего ребенка им будут пренебрегать еще больше.)
Я: «Но только женщина получает ребенка».
Ганс: «Я получу девочку».
Я: «Где же ты ее получишь?»
Ганс: «Ну, у аиста. *Он вынет девочку,* положит девочку в яйцо, а из яйца потом выйдет еще одна Ханна, еще одна Ханна. А из Ханны получится еще одна Ханна. Нет, выйдет только *одна* Ханна».
Я: «Тебе очень хочется иметь девочку?»
Ганс: «*Да, в будущем году я получу одну,* которую тоже будут звать Ханной».
Я: «А почему мама не должна иметь девочки?»
Ганс: «Потому что я хочу девочку».
Я: «Но у тебя не может быть девочки».
Ганс: «О, да, мальчик получает девочку, а девочка получает мальчика»[1].
Я: «У мальчика не бывает детей. Дети бывают только у женщин, у мам».
Ганс: «А почему не у меня?»
Я: «Потому что так устроил господь Бог».
Ганс: «Почему у тебя не может быть? О, да, ты получишь одного, только подожди».
Я: «Я могу ждать долго».
Ганс: «Ведь я принадлежу тебе».
Я: «Но на свет тебя принесла мама. Значит, ты принадлежишь маме и мне».
Ганс: «А Ханна принадлежит мне или маме?»
Я: «Маме».

---

[1] Снова часть инфантильной сексуальной теории с неожиданным смыслом.

Ганс: «Нет, мне. *А почему не мне и маме?*»
Я: «Ханна принадлежит мне, маме и тебе».
Ганс: «Ну, ладно!»

Разумеется, в понимании сексуальных отношений ребенку недостает существенной части, покуда не обнаружен женские гениталии.

24 апреля мне я и моя жена, насколько это возможно, разъясняем Гансу, что дети вырастают в маме, а затем, что причиняет сильную боль, благодаря тому, что мама тужится, появляются на свет, как люмпф.
После обеда мы находимся перед домом. У него наступило заметное улучшение — он бежит вслед за экипажами, и только то обстоятельство, что он не отваживается отойти подальше от ворот, выдает остаток тревоги.
25 апреля. Ганс налетает на меня и бодает в живот, что он уже однажды раньше проделал [с. 41]. Я спрашиваю его, не коза ли он.
Он говорит: «Нет, баран». — «Где ты видел барана?»
Он: «В Гмундене, у Фрица был баран». (У Фрица была маленькая живая овца, с которой он играл.)
Я: «Ты должен рассказать мне об овечке, что она делала?»
Ганс: «Знаешь, фрейлейн Мицци (учительница, которая жила в' доме) всегда сажала Ханну на овечку, так что овечка не могла встать и не могла бодаться. А когда от нее отходят, она бодается, потому что у нее есть рожки. Фриц водит ее на веревке и привязывает к дереву. Он всегда привязывает ее к дереву».
Я: «А тебя овечка бодала?»
Ганс: «Она напрыгнула на меня; Фриц однажды отдал ее мне... я подошел к ней и не знал, а она как на меня напрыгнет. Это было так весело — я не испугался».
Это, конечно, неправда.
Я: «Ты папу любишь?»
Ганс: «О, да!»
Я: «А может, нет».
Ганс (играет с маленькой лошадкой. В этот момент лошадка падает. Он кричит): «Лошадка упала! Смотри, какой шум она делает!»

Я: «Ты немножко злишься на папу за то, что мама его любит».
Ганс: «Нет».
Я: «Почему же ты всегда плачешь, когда мама меня целует? Потому что ты ревнив».
Ганс: «Да, наверное «.
Я: «Чего бы тебе хотелось сделать, если бы ты был папой?»
Ганс: «А ты Гансом? Тогда я бы возил тебя каждое воскресенье в Лайнц, нет, каждый будний день. Если бы я был папой, я был бы совсем хорошим».
Я: «А что тебе хочется делать с мамой?»
Ганс: «Я бы ее тоже брал с собой в Лайнц».
Я: «А что еще?»
Ганс: «Ничего».
Я: «Почему же ты ревнуешь?»
Ганс: «Я этого не знаю».
Я: «В Гмундене ты тоже ревновал?»
Ганс: «В Гмундене — нет (это неправда). В Гмундене у меня были свои дела, у меня был сад, а также дети».
Я: «Ты можешь вспомнить, как у коровы родился теленок?»
Ганс: «О, да. Он приехал туда на тележке (так, наверное, ему сказали в Гмундене; тоже удар по теории об аисте), а другая корова выдавила его из попки». (Это уже результат разъяснения которое он хочет согласовать с «теорией о тележке».)
Я: «Ведь это неправда, что он приехал на тележке; он вышел из коровы, которая была в хлеве».
Ганс это оспаривает, говорит, что утром видел телегу. Я обращаю его внимание на то, что, вероятно, ему рассказали, что теленок приехал на телеге. В конце концов он соглашается: «Наверное, мне это сказала Берта, или нет, или, может, хозяин. Он был при этом, а это было ночью, значит, это все-таки так, как я тебе говорю; или, мне кажется, мне никто про это не говорил, а я думал об этом ночью».
Если я не ошибаюсь, теленка увезли на телеге; отсюда и путаница.
Я: «Почему ты не думал, что его принес аист?»
Ганс: «Я этого не хотел думать».
Я: «Но о том, что аист принес Ханну, ты думал?»

---

[1] Добавим: в чем он мог быть повинен.

Ганс: «В то утро (когда были роды) я это думал. Папа, а господин Райзенбихлер (хозяин дома) присутствовал, как теленок вышел из коровы?»[1]
Я: «Не знаю. Как ты думаешь?»
Ганс: «Я уже верю... Папа, ты часто видел у лошади что-то черное возле рта?»
Я: «Я уже часто это видел на улице в Гмундене»[2].
Я: «В Гмундене ты часто был в кровати у мамы?»
Ганс: «Да!»
Я: «И тогда ты думал, что ты папа?»
Ганс: «Да!»
Я: «И тогда ты боялся папы?»
Ганс: *«Ведь ты все знаешь, а я ничего не знал»*.
Я: «Когда Фриц упал, ты подумал: "Если бы так упал папа", а когда тебя боднула овечка, ты подумал: "Если бы она боднула папу". Ты можешь вспомнить о похоронах в Гмундене?» (Первые похороны, которые видел Ганс. Он часто о них вспоминает — несомненное покрывающее воспоминание.)
Ганс: «Да, а что там было?»
Я: «Ты тогда подумал, что, если бы папа умер, то ты был бы папой?»
Ганс: «Да!»
Я: «Каких экипажей на самом деле ты все еще боишься?»
Ганс: «Всех».
Я: «Но это неправда».
Ганс: «Фиакров, экипажей с одним конем — нет. Омнибусов и возов — только тогда, когда они нагружены, а когда они пустые — нет. Когда одна лошадь и телега нагружена полностью, я боюсь, а когда две лошади и он нагружен полностью, я не боюсь».
Я: «Ты боишься омнибусов, потому что в них так много людей?»
Ганс: «Потому что на крыше так много поклажи».
Я: «А мама, когда она получила Ханну, не была тоже нагружена?»

[1] Ганс, у которого есть основания не доверять сообщениям взрослых, здесь обдумывает, не заслуживает ли хозяин дома большего доверия, чем отец.

[2] Связь здесь такова: по поводу черноты у рта лошади отец долго не хотел ему верить, пока, это, наконец, не удалось верифицировать [с. 62–63].

Ганс: «Мама опять будет нагружена, если опять получит ребенка, пока он будет расти, пока он опять будет внутри».
Я: «А тебе этого хочется?»
Ганс: «Да!»
Я: «Ты говорил, что не хочешь, чтобы мама получила еще одного ребенка».
Ганс: «Тогда она не будет больше нагружена. Мама сказала, что, если она не захочет, то и боженька этого не захочет». (Конечно, Ганс вчера также спросил, нет ли в маме еще детей. Я ему сказал, что нет и что, если боженька не захочет, то дети в ней не будут расти.)
Ганс: «Но мне мама сказала, что, если она не захочет, то никто в ней не будет расти, а ты говоришь, если боженька не захочет».
Я ему сказал, что это именно так, как я говорю, на что он замечает: «Ведь ты был при этом? Наверно, тебе лучше знать». Он вызвал на разговор маму, и она уладила разногласия, сказав, что, если она не захочет, то и не захочет и боженька[1].
Я: «Мне кажется, что ты все-таки хочешь, чтобы мама родила ребенка?»
Ганс: «Но иметь его я не хочу».
Я: «Но ты хочешь этого?»
Ганс: «Наверное, хочу».
Я: «Знаешь, почему ты этого хочешь? Потому что тебе хочется побыть папой».
Ганс: «Да... Как это получается?»
Я: «Что случается?»
Ганс: «Папа ведь не получает ребенка, как же тогда получается, если мне хочется быть папой?»
Я: «Тебе хочется быть папой и женатым на маме, хочется быть таким большим, как я, иметь такие же усы и тебе хочется, чтобы у мамы был ребенок».

---

[1] *Ce que femme veut Dieu le veut.* [Чего хочет женщина, того хочет и Бог (фр.).] Ганс благодаря своей сообразительности снова обнаружил весьма серьезную проблему. [Возможно, весь фрагмент диалога со слов: «Конечно, Ганс вчера...» до «не захочет и боженька» должен был быть заключен в скобки», поскольку все это происходило днем раньше и сообщается только теперь. Когда английские переводчики указали на это Фрейду (в 1923 году), он согласился, что так, видимо, и должно было бы быть, однако предпочел все же оставить текст без изменений, поскольку речь здесь идет о приписке, сделанной отцом к своим записям.]

Ганс: «Папа, когда я женюсь, у меня будет ребенок только тогда, когда я захочу, когда я женюсь на маме, а когда я не захочу, то и боженька не захочет, когда я женюсь».
Я: «Тебе хочется быть женатым на маме?»
Ганс: «О, да».

Отчетливо видно, как в фантазии радость по-прежнему омрачается неуверенностью относительно роли отца и сомнением в том, кто распоряжается рождением детей.

Вечером в тот же день Ганс, когда его укладывают спать, мне говорит: «Послушай, знаешь, что я теперь буду делать? Теперь до 10 часов я еще буду разговаривать с Гретой, которая у меня в кровати. Мои дети всегда у меня в кровати. Ты мне можешь сказать, что это означает». Так как он уже совсем сонный, я обещаю ему записать это завтра, и он засыпает.
Из предыдущих записей вытекает, что после своего возвращения из Гмундена Ганс все время фантазирует о своих «детях» [например, с. 19], ведет с ними беседы и т. д.[1].
26 апреля я его спрашиваю, почему он всегда говорит о своих детях.
Ганс: «Почему? *Потому что мне так хочется иметь детей, но я этого себе не хочу, я не хочу их иметь*»[2].
Я: «Ты всегда себе представлял, что Берта, Ольга и т. д. — твои дети?»
Ганс: «Да, Франц, Фриц, Пауль (его товарищ в Лайнце) и Лоди». Вымышленное имя, его любимица, о которой он чаще всего говорит. Подчеркну здесь, что личность Лоди появилась не сейчас, не с даты последнего объяснения (24 апреля).
Я: «Кто эта Лоди? Она живет в Гмундене?»
Ганс: «Нет».

---

[1] Нет необходимости предполагать здесь у Ганса женскую черту — желание иметь детей. Поскольку свои самые счастливые переживания в детстве он испытал рядом с матерью, он повторяет их теперь в активной роли, при этом ему самому приходится играть мать.

[2] Это столь странное противоречие представляет собой противоречие между фантазией и действительностью — между «хотеть» и «иметь». Он знает, что в действительности он — ребенок и другие дети только мешали бы ему, в фантазии он — мать и ему нужны дети, с которыми он может повторить самим пережитые ласки.

Я: «А есть ли Лоди?»
Ганс: «Да, я ее знаю».
Я: «Какую же?»
Ганс: «Ту, что у меня есть».
Я: «А как она выглядит?»
Ганс: «Как? Черные глаза, черные волосы... я ее однажды встретил с Мариель (в Гмундене), когда я пошел в город».
Когда я хочу узнать подробности, выясняется, что это выдумано[1].
Я: «Значит, ты думал, что ты — мама?»
Ганс: «Я и в самом деле был мамой».
Я: «Что же ты делал с детьми?»
Ганс: «Я их клал к себе спать, девочек и мальчиков».
Я: «Каждый день?»
Ганс: «Ну, конечно».
Я: «Ты разговаривал с ними?»
Ганс: «Если не все дети умещались в постель, я клал некоторых на диван, а некоторых — в детскую коляску, а если оставались еще, я их нес на чердак и клал в ящик; там еще были дети, и я их положил в другой ящик».
Я: «Значит, ящики аиста с детьми стояли на чердаке?»
Ганс: «Да».
Я: «Когда у тебя появились дети? Ханна уже была на свете?»
Ганс: «Да, уже давно».
Я: «А как ты думал, от кого ты получил детей?»
Ганс: *«Ну, от меня»*[2].
Я: «Но тогда ты еще не знал, что дети получаются от кого-то?»
Ганс: «Я думал, что их принес аист». (Очевидно, ложь и отговорка[3].)
Я: «Вчера у тебя была Грета, но ведь ты уже знаешь, что мальчик не может иметь детей».
Ганс: «Ну да, но я все-таки в это верю».
Я: «Как тебе пришло в голову имя Лоди? Ведь так ни одну девочку не зовут. Может быть, Лотти?»
Ганс: «О нет, Лоди. Я не знаю, но ведь это все-таки красивое имя».

---

[1] Однако вполне может быть, что Ганс случайно встреченную девочку возвел в идеал, который, впрочем, по цвету глаз и волос уподоблен матери.

[2] Ганс не может ответить иначе, чем с позиции аутоэротизма.

[3] Это — дети фантазии, то есть онанизма.

Я (шутя): «Может, ты имеешь в виду Шоколоди?»
Ганс (тут же): «Нет, саффалоди[1]... потому что я так люблю есть колбасу, салями тоже».
Я: «Послушай, не выглядит ли саффалоди, как люмпф?»
Ганс: «Да!»
Я: «А как выглядит люмпф?»
Ганс: «Он черный. Знаешь (показывает на мои брови и усы), как это и это».
Я: «А еще какой? Круглый, как саффалоди?»
Ганс: «Да».
Я: «Когда ты сидел на горшке и выходил люмпф, ты думал, что получаешь ребенка?»
Ганс (смеясь): «Да, еще на улице... и здесь».
Я: «Ты знаешь, как упали лошади в омнибусе? [Ср. с. 47 и далее.] Ведь фургон выглядит, как ящик с детьми, и когда черная лошадь упала, то это было...»
Ганс (дополняя): «Как когда получают детей».
Я: «А что ты подумал, когда она произвела шум ногами?»
Ганс: «Ну, когда я не хочу сидеть на горшке и хочу играть, то тогда я произвожу такой шум ногами». [Ср. с. 50.] (Он топает ногами.)
Поэтому его так интересовало, *охотно* или *неохотно* получают детей.
Ганс сегодня беспрестанно играет в ящики с поклажей, нагружает и разгружает их, хочет также иметь игрушечную телегу с такими ящиками. Во дворе главной таможни напротив его больше всего интересовали погрузка и разгрузка телег. Он и пугался сильнее всего, когда должна была отъехать нагруженная телега. «Лошади упадут» [с. 44—45][2]. Двери главной таможни он называл «дырками» (первая, вторая, третья... дырка). Теперь он говорит «дырка в попке».
Страх исчез почти полностью, разве что Гансу хочется оставаться неподалеку от дома, чтобы иметь путь к отступлению, если он испугается. Но он уже никогда не вбегает в дом, всегда остается на улице. Как известно, его болезнь нача-

[1] Саффалоди = сервелат. Моя жена любит рассказывать, что ее тетя всегда говорит «соффилоди». Возможно, он это слышал. [Примечание отца.]
[2] Не означает ли это «niederkommen» [это слово имеет два значения: разродиться, разрешиться от бремени и нисходить, спускаться. — *Примечание переводчика.*] роды у женщины?

лась с того, что он в слезах вернулся с прогулки, а когда его во второй раз заставили идти гулять, он дошел только до станции городской железной дороги «Главная таможня», с которой еще виден наш дом. Во время родов жены он, разумеется, был разлучен с нею, и нынешняя тревога, мешающая ему удалиться от дома, соответствует тогдашней тоске по матери.

30 апреля. Поскольку Ганс опять играет со своими воображаемыми детьми, я ему говорю: «Как так? Твои дети все еще живы? Ведь ты знаешь, что у мальчика не бывает детей».
Ганс: «Я это знаю. Раньше я был мамой, *а теперь я папа*».
Я: «А кто мама этих детей?»
Ганс: «Ну, мама, а ты — *дедушка*».
Я: «Значит, тебе хочется быть таким большим, как я, женатым на маме, а потом она должна родить детей?»
Ганс: «Да, хочется, а та, что живет в Лайнце (моя мать), тогда будет бабушкой».

Все хорошо заканчивается. Маленький Эдип нашел более удачное решение, чем предписанное судьбой. Вместо того чтобы отца устранить, он желает ему такого же счастья, какое он требует для себя; он производит его в дедушки и женит на собственной матери.

1 мая Ганс днем приходит ко мне и говорит: «Знаешь, что? Давай напишем кое-что для профессора».
Я: «И что же?»
Ганс: «Перед обедом я со всеми моими детьми был в туалете. Сначала я сделал люмпф и пипи, а они смотрели. Потом я их посадил, и они сделали люмпф и пипи, а я вытер им попку бумажкой. Знаешь, почему? Потому что мне так хочется иметь детей; тогда я делал бы с ними все: водил бы их в туалет, подтирал попку, делал бы все, что делают с детьми».

После признания в этой фантазии едва ли можно оспаривать, что Ганс получает удовольствие, связанное с функциями испражнения.

После полудня он впервые отваживается пойти в городской парк. Из-за того, что было 1 мая, экипажей, которые прежде его пугали, на улице, пожалуй, меньше, чем обычно, но все же довольно много. Он очень горд своим достижением, и после полдника я должен с ним еще раз пойти в городской

парк. По пути мы встречаем омнибус, который он мне показывает: «Смотри, повозка с ящиками аиста! Когда на следующий день, как запланировано, он снова идет со мной в парк, болезнь можно считать излеченной.
Утром 2 мая приходит Ганс: «Послушай, о чем я сегодня подумал». Сначала он это забыл, а потом рассказывает мне со значительным сопротивлением: *«Пришел водопроводчик и сначала клещами отнял у меня попку, а потом дал мне другую, а потом пипику.* Он сказал: «Покажи попку», — и я должен был повернуться, и он отнял ее, а потом мне сказал: «Покажи пипику».

Отец понимает характер фантазии-желания и ни минуты не сомневается в единственно допустимом толковании.

Я: «Он дал тебе *бóльшую* пипику и *бóльшую* попку».
Ганс: «Да!»
Я: «Как у папы, потому что тебе хочется быть папой».
Ганс: «Да, и мне хочется тоже иметь такие же усы, как у тебя, и такие же волосы». (Показывает на волосы на моей груди.)
Толкование недавно рассказанной фантазии: «Пришел водопроводчик и отвинтил ванну, а потом воткнул мне в живот сверло» [с. 60], — корректируются следующим образом: большая ванна означает попку, сверло или отвертка, как уже было истолковано тогда, — пипику[1]. Эти фантазии идентичны. Открывается также новый подход к страху Ганса перед большой ванной, который, впрочем, уже ослабел. Ему неприятно, что его «попка» слишком маленькая для большой ванны.

В последующие дни мать постоянно выражает свою радость по поводу выздоровления малыша.

---

[1] Наверное, можно добавить, что слово «сверло» [Bohrer] было выбрано не без связи со словом «родить» [geboren], рождение [Geburt]. Стало быть, ребенок не делает различия между «просверленным» [gebohrt] и «рожденным» [geboren]. Я принимаю это предположение, высказанное мне сведущим коллегой, но не могу сказать, имеется ли здесь более глубокая общая связь или речь идет об использовании случайного созвучия в немецком [и английском] языке. Также и Прометей (Праманта) — создатель людей — в этимологическом отношении является «буравом». Ср.: Abraham, Traum und Mythus, 4-й выпуск журнала «Schriften zur angewandten Seelenkunde», 1909.

Дополнение, сделанное отцом неделю спустя.

Уважаемый профессор! Я хотел бы дополнить историю болезни Ганса следующим.

1. Ремиссия после первого разъяснения не была такой полной, как я, возможно, ее изобразил [с. 30–31]. Правда, Ганс выходил на прогулку, но лишь под принуждением и с сильной тревогой. Однажды дошел со мной до станции «Главная таможня», откуда еще был виден наш дом, но дальше идти не захотел.

2. По поводу малинового сока и ружья [Schießgewehr] [с. 38]. Малиновый сок Ганс получает при запоре. Ганс часто путает слова «стрельба» [Schießen] и «испражнение» [Scheißen].

3. Когда Ганс стал спать отдельно от нас в своей собственной комнате, ему было примерно четыре года.

4. Некоторый остаток присутствует еще и теперь, но он выражается не в страхе, а в нормальной потребности задавать вопросы. В основном вопросы относятся к тому, из чего сделаны вещи (трамваи, машины и т. д.), кто делает вещи и т. д. Для большинства вопросов характерно то, что Ганс спрашивает, хотя он уже сам себе дал ответ. Он хочет только удостовериться. Однажды, когда он меня весьма утомил своими вопросами и я ему сказал: «Неужели ты думаешь, что я могу ответить на все твои вопросы?» — он мне сказал: «Ну, я думал, раз ты знал о лошади, то знаешь и это».

5. О болезни Ганс говорит больше исторически: «Тогда, когда у меня была “глупость”».

6. Нерастворенный остаток заключается в том, что Ганс ломает себе голову на вопросом: какое отношение имеет к ребенку отец, если на свет его производит мать? Это можно заключить из вопросов, таких, как: «Правда, что я принадлежу и *тебе?*» (Он имеет в виду, что не только матери.) То, почему он мне принадлежит, ему не ясно. И наоборот, у меня нет прямого доказательства того, что он, как Вы полагаете, подглядел коитус родителей.

7. Наверное, при изложении следовало бы обратить больше внимания на интенсивность тревоги, иначе кто-нибудь скажет: «Если бы его как следует отшлепали, он бы давно уже ходил гулять».

В заключение добавлю: с последней фантазией Ганса была также преодолена тревога, происходящая от комплекса кас-

трации, ожидание неприятного обратилось в надежду на лучшее. Да, приходит врач [см. выше, с. 15], водопроводчик и т. п., отнимает пенис, но только для того, чтобы дать взамен больший. Впрочем, пусть наш маленький исследователь заблаговременно обретает опыт, что всякое знание фрагментарно и что на каждой ступени всегда сохраняется нерастворенный остаток.

III
ЭПИКРИЗ

Теперь это наблюдение над развитием и разрешением фобии у пятилетнего мальчика я должен буду проверить в трех направлениях: во-первых, насколько оно подкрепляет утверждение, высказанное мной в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905*d*); во-вторых, что оно может дать для понимания этой столь часто встречающейся формы болезни; в-третьих, что можно из него извлечь для объяснения душевной жизни ребенка и для критики наших воспитательных целей.

I

Мое впечатление сводится к тому, что картина детской сексуальной жизни, какой она выявляется из наблюдения над маленьким Гансом, весьма хорошо согласуется с описанием, которое я дал в моей «Теории сексуальности», основываясь на психоаналитических исследованиях взрослых людей. Но прежде чем приступить к прослеживанию деталей этого согласования, я должен покончить с двумя возражениями, которые выдвигаются против использования этого анализа. Первое гласит: маленький Ганс — это не нормальный ребенок, а, как видно из следствия, то есть заболевания, он предрасположен к неврозу, маленький «дегенерат», и поэтому недопустимо переносить выводы, которые, возможно, действительны для него,на других, нормальных детей. Это возражение, поскольку оно не полностью упраздняет, а лишь ограничивает ценность наблюдения, я приму во внимание позже. Второе, более жесткое возражение будет гласить, что анализ ребенка его отцом, который приступает к работе, будучи заинтересованным в *моих* теоретических представлениях, исполненным *моих* предрассудков, вообще лишен объективной ценности. Само собой разумеется, ребенок в большой степени внушаем, быть может, особенно по отношению к отцу, как ни к одному другому человеку; ради отца он позволит навязать себе все что угодно в благодарность за то, что тот так много с ним занимается. Его высказывания не будут иметь доказательной силы, а то, что он производит в мыслях, фантазиях и сновидениях,

разумеется, следовали в направлении, которое ему всеми средствами навязывали. Короче, все это снова «внушение», и разоблачить его у ребенка очень просто в сравнении со взрослым.

Странное дело; я могу вспомнить, как 22 года назад, когда я начал вмешиваться в спор научных мнений, с какой насмешкой было воспринято тогда старшим поколением неврологов и психиатров выдвижение тезиса о суггестии и его воздействиях[1]. С тех пор ситуация основательно изменилась; неудовольствие перешло в чересчур любезную услужливость, и случилось это не только благодаря влиянию, которое на протяжении этих десятилетий оказывали работы Льебо, Бернгейма и их учеников, но также и потому, что тем временем было совершено открытие, способное связать экономию мыслительной деятельности с применением модного термина «суггестия». Ведь никто не знает и никто не пытается узнать, что такое внушение, на чем оно основывается и когда оно возникает; достаточно того, что все неудобное в психической жизни можно называть «суггестия».

Я не разделяю популярного ныне мнения, что детские высказывания сплошь произвольны и ненадежны. Произвола вообще нет в психическом; ненадежность в высказываниях детей происходит от превосходящей силы их фантазии, подобно тому, как ненадежность высказываний взрослых — от превосходящей силы их предубеждений. Обычно и ребенок также не лжет без причины, и в целом ему присуща бóльшая склонность к любви к правде, чем у взрослых. Отвергнув все вместе сообщения нашего маленького Ганса, мы, несомненно, совершили бы по отношению к нему явную несправедливость; напротив, можно совершенно четко различить, где он лукавит или скрывает под давлением сопротивления, где он, сам ничего не решая, соглашается с отцом, что нельзя считать доказательством, и где он, избавленный от давления, фонтанируя, сообщает то, что является его внутренней правдой и что до сих пор он знал только один. Большей надежностью не отличаются и показания взрослых. Остается сожалеть, что никакое изложение психоанализа не может передать впечатлений, которые получаешь при его проведении, что окончательную убежденность можно передать только через переживание, но никогда через чтение. Но этот недостаток в той же мере присущ и анализам, проводимым со взрослыми.

---

[1] [Ср. аналогичные замечания в предпоследнем абзаце «Лекций по введению в психоанализ» (1916–1917), *Studienausgabe*, т. 1, с. 444.]

Родители маленького Ганса изображают его как веселого, искреннего ребенка, и таким он, наверное, стал благодаря воспитанию, которое ему дали родители, которое, по существу, состояло в исключении наших обычных грехов воспитания. Пока в жизнерадостной наивности он мог производить свои исследования, не подозревая о происходящих из них конфликтах, он высказывался откровенно, и наблюдения, относящиеся ко времени до возникновения у него фобии, не подлежат никакому сомнению и возражению. В период болезни и во время анализа у него появляется несоответствие между тем, что он говорит, и тем, что думает, отчасти объясняющееся тем, что ему навязывается бессознательный материал, с которым он не может справиться сразу, отчасти — вследствие задержек содержательного характера, проистекающих из его отношения к родителям. Я утверждаю, что остаюсь беспристрастным, высказывая суждение, что и эти трудности оказались не бульшими, чем во многих других анализах, проведенных со взрослыми.

Правда, во время анализа ему приходится говорить многое из того, чего сам он сказать не может, приходится внушать ему мысли, относительно которых у него пока еще ничего не проявилось, приходится направлять его внимание в тех направлениях, где отец ожидает появления нового. Это ослабляет доказательную силу анализа; но так поступают всегда. Психоанализ представляет собой не лишенное тенденциозности научное исследование, а терапевтическое вмешательство; сам по себе он не хочет ничего доказать, он лишь стремится кое-что изменить. Каждый раз в психоанализе врач предоставляет пациенту ожидаемые сознательные представления, с помощью которых он должен быть способен распознать и понять бессознательное то в большем, то в более скромном объеме. В одних случаях требуется большее содействие, в других — меньшее. Без такой помощи никто не обходится. То, с чем можно справиться самостоятельно, — легкие расстройства, но никогда не невроз, который противопоставлен Я, словно инородное тело; чтобы его преодолеть, нужен другой человек, и насколько этот другой может помочь, настолько невроз излечим. Если же в сущности невроза заложено отворачиваться от «другого», что, по всей видимости, является характеристикой состояний, объединенных названием dementia praecox, то именно поэтому эти состояния, несмотря на наши усилия, неизлечимы. Тут нужно признаться, что ребенок из-за незначительного развития его интеллектуальных систем нуждается в особенно интенсивной поддержке. Однако то, что врач сообщает пациенту,

опять-таки проистекает из аналитического опыта, и, если благодаря такому врачебному вмешательству удается найти взаимосвязь патогенного материала и его упразднить, то это и в самом деле будет достаточно доказательным.

И все же наш маленький пациент также и во время анализа проявил достаточно самостоятельности, чтобы снять с него обвинение в «суггестии». Он, как и все дети, применяет свои детские сексуальные теории к своему материалу безо всякого внешнего побуждения. Эти теории крайне далеки взрослому; более того, в данном случае я прямо-таки совершил упущение, не подготовив отца к тому, что путь к теме рождения должен вести через комплекс экскреции. То, что в результате моей небрежности стало неясной частью анализа, оказалось затем по крайней мере хорошим свидетельством подлинности и самостоятельности мыслительной работы Ганса. Он вдруг заинтересовался «люмпфом» [с. 50 и далее], тогда как якобы оказывавший внушение отец не мог понять, как он к этому пришел и что из этого выйдет. Столь же малое участие можно приписать отцу в развитии обеих фантазий о водопроводчике [с. 60 и с. 86], которые исходят от приобретенного в раннем возрасте «комплекса кастрации». Я должен признаться здесь в том, что из теоретического интереса полностью скрыл от отца ожидание этой взаимосвязи, чтобы не ослабить доказательной силы свидетельства, которое обычно можно получить лишь с огромным трудом.

При дальнейшем углублении в детали анализа появилось бы еще множество новых доказательств независимости нашего Ганса от «суггестии», но я прерываю здесь обсуждение первого возражения. Я знаю, что также и этот анализ не убедит того, кто не хочет позволить себя убедить, и продолжу обработку этого наблюдения для тех читателей, которые уже смогли убедиться в объективности бессознательного патогенного материала, подчеркнув при этом приятную уверенность в том, что число последних постоянно растет.

Первая черта, которую можно отнести к сексуальной жизни маленького Ганса, — это необычайно живой интерес к своей «пипике», как называют этот орган по одной — не менее важной — из двух его функций, без которой нельзя обойтись в воспитании. Этот интерес делает его исследователем; так, он обнаруживает, что на основании наличия или отсутствия пипики можно различить живое и неживое [с. 16]. У всех живых существ, которых он расценивает как подобных себе, он предполагает наличие этой важной части тела, изучает ее у больших животных, предполагает ее наличие у обоих

родителей и даже, когда он видит воочию, это не мешает ему установить ее наличие у новорожденной сестры [с. 17–18]. Можно сказать, что это было бы сильнейшим потрясением его «мировоззрения», если бы ему пришлось в ней отказать подобному ему существу; это было бы все равносильно тому, как если бы ее отняли у него самого. Поэтому угроза матери [с. 15, выше], которая имеет своим содержанием не меньше, чем потерю пипики, вероятно, немедленно отгоняется и может оказать свое действие лишь по прошествии какого-то времени. Мать вмешалась из-за того, что ему нравилось создавать себе приятные ощущения, прикасаясь к этому члену; малыш начал осуществлять в самой обычной и нормальной форме аутоэротическую сексуальную деятельность.

Некоторым образом, который А. Адлер весьма удачно *скрещением влечения*[1], удовольствие, получаемое от собственного полового органа, связывается с удовольствием от разглядывания в его активной и пассивной форме. Малыш стремится увидеть пипику у других людей, у него развивается сексуальное любопытство, и он любит показывать свою собственную. Одно из его сновидений из первого периода вытеснения содержит желание, чтобы одна из его маленьких подруг помогла ему сделать пипи, то есть смотрела, как он это делает [с. 24]. Сновидение доказывает, таким образом, что это желание до сих пор оставалось не вытесненным. Также и более поздние сообщения подтверждают, что ему было присуще находить его удовлетворение. Активное направление сексуального удовольствия от разглядывания вскоре связывается у него с определенным мотивом. Когда он неоднократно высказывает как отцу, так и матери свое сожаление, что никогда еще не видел их пипики, то к этому его, вероятно, побуждает потребность *сравнивать*. Я остается масштабом, с которым сверяют мир; благодаря постоянному сравнению с собственной персоной люди учатся его понимать. Ганс обнаружил, что большие животные имеют гораздо большую пипику, чем у него; поэтому он предполагает такое же соотношение и у своих родителей и хочет в этом убедиться. У мамы, думает он, несомненно, такая же пипика, «как у лошади». Затем у него готово утешение, что пипика вырастет вместе с ним; это похоже на то, как если бы желание быть большим ребенок перекинул на гениталии.

Стало быть, в сексуальной конституции маленького Ганса из всех эрогенных зон генитальная зона с самого начала наиболее интенсивно окрашена удовольствием.

---

[1] «Агрессивное влечение в жизни и в неврозе» (1908).

Наряду с ней у него засвидетельствовано еще только удовольствие, связанное с выделением, с выходными отверстиями при мочеиспускании и испражнении. Когда он в своей последней фантазии о счастье, с помощью которой была преодолена его болезнь, имеет детей, водит их в уборную, заставляет их делать пипи и вытирает им попку, словом, «делает с ними все, что можно делать с детьми» [с. 86], то, по-видимому, правомерно предположить, что эти же самые действия в то время, когда ухаживали за ним, были для него источником ощущения удовольствия. Это удовольствие от эрогенных зон, которое доставлял ему ухаживающий за ним человек, то есть мать, уже, стало быть, ведет его к выбору объекта; но вполне возможно, что еще в более ранние времена он привык доставлять его себе аутоэротически, что он относился к тем детям, которые любят удерживать выделения до тех пор, пока их опорожнение не доставляет им наслаждение. Я говорю лишь, что это возможно, ибо в анализе это не было выяснено; «шум, производимый ногами» (дергание), которого он так сильно боится позднее, указывает в этом направлении. Впрочем, особого акцента, как это часто бывает у других детей, эти источники удовольствия у него не имеют. Вскоре он стал опрятным, энурез и дневное недержание мочи в его первые годы никакой роли не играли; столь отвратительная для взрослых склонность играть экскрементами, которая обычно вновь появляется на исходе инволюционных психических процессов, у него не наблюдалась.

Сразу же здесь подчеркнем, что в течение его фобии вытеснение двух этих хорошо сформированных у него компонентов сексуальной деятельности является несомненным. Он стыдится мочиться перед другими, жалуется на то, что дотрагивается пальцем до пипики, старается также отказаться от онанизма и испытывает отвращение к «люмпфу», «пипи» и всему, что это напоминает. В фантазии об уходе за детьми он снова устраняет это последнее вытеснение.

Сексуальная конституция, такая, как у нашего Ганса, по-видимому, не содержит предрасположения к развитию перверсий или их негатива (ограничимся здесь истерией)[1]. Насколько мне известно (здесь действительно необходимо быть осторожным), врожденная конституция истериков — у извращенцев это понятно чуть ли не само собой — отличается тем, что генитальные зоны отходят на задний

---

[1] [См. абзацы, озаглавленные «Невроз и перверсия» в конце четвертого раздела первого из «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 74–76.]

план по сравнению с другими эрогенными зонами. Из этого правила категорически следует исключить одну-единственную «аберрацию» сексуальной жизни. У лиц, становящихся в дальнейшем гомосексуалистами, которые, согласно моим ожиданиям и согласно наблюдениям Задгера [например, 1908 и 1909], все без исключения проходят в детстве амфигенную фазу, встречается то же самое инфантильное преобладание генитальной зоны, особенно пениса. Более того, это превознесение мужского члена становится роковым для гомосексуалистов. В своем детстве они выбирают сексуальным объектом женщину, покуда предполагают также и у нее наличие этой кажущейся им незаменимой части тела; убедившись, что в этом пункте женщина их обманула, женщина как сексуальный объект становится для них неприемлемой. Они не могут перенести отсутствие пениса у человека, который должен их возбуждать для полового сношения, и в благоприятном случае фиксируют свое либидо на «женщине с пенисом», на юноше с женоподобной внешностью. Стало быть, гомосексуалисты — это люди, которым из-за эрогенного значения собственных гениталий стало трудно отказаться от этого соответствия с собственной персоной у своего сексуального объекта. На пути развития от аутоэротизма к объектной любви они остались фиксированными в месте, более близком к аутоэротизму[1].

Совершенно недопустимо выделять особое гомосексуальное влечение; то, что делает человека гомосексуалистом, — это особенность не жизни влечений, а выбора объекта. Я сошлюсь на то, что заявил в «Теории сексуальности»: мы ошибочно представляли себе связь влечения и объекта в сексуальной жизни как слишком тесную[2]. Гомосексуалист со своими — возможно, нормальными — влечениями уже не может порвать с неким объектом, отличающимся определенным условием; в своем детстве, поскольку это условие повсюду выполняется как совершенно естественное, он может вести себя, как наш маленький Ганс, который одинаково нежен как с мальчиками, так и с девочками и иногда называет своего друга Фрица «своей самой любимой девочкой» [с. 21]. Ганс гомосексуа-

---

[1] [«Женщина с пенисом» упоминалась Фрейдом еще раньше в статье «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*). Краткое изложение его взглядов на гомосексуальность мужчины содержится в абзаце, озаглавленном «Сексуальный объект инвертированных» в разделе I (А) первого из «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*), прежде всего в обстоятельном примечании, добавленном и не раз изменявшемся в последующих изданиях; см. *Studienausgabe*, т. 5, с. 56–58, прим. 1.]

[2] [Freud, 1905*d*, первый очерк, раздел I (А), «Выводы»; там же, с. 58.]

лен, как и все дети, полностью в соответствии с фактом, который нельзя упускать из виду, что он *знает только один вид гениталий*, такие гениталии, как у него[1].

Однако дальнейшее развитие нашего маленького эротика ведет не к гомосексуальности, а к энергичной, полигамно проявляющейся мужественности, которая в зависимости от ее меняющихся женских объектов умеет вести себя по-разному: то действует смело, то страстно и стыдливо изнемогает. В период недостатка других объектов любви эта наклонность возвращается к матери, от которой она обратилась на других, чтобы у матери потерпеть теперь фиаско в неврозе. Только тогда мы узнаём, какой интенсивности достигла в своем развитии любовь к матери и какие изменения она претерпела. Сексуальная цель, которую он преследовал со своими подругами детства, *спать* у них, уже исходила от матери; она облачена в слова, которые могут сохраняться и в зрелом возрасте, хотя содержание этих слов обогащается. Мальчик обычным путем, исходная точка которого — уход за детьми, пришел к объектной любви, и новое переживание удовольствия, спать рядом с матерью, для него стало определяющим. В его составе мы выделили бы конституционально присущее всем нам удовольствие от прикосновения к коже, хотя по кажущейся нам искусственной терминологии Молля его следовало бы назвать удовлетворением влечения к контректации[2].

В своем отношении к матери и отцу Ганс самым явным и осязаемым образом подтверждает все то, что я говорил в «Толковании сновидений» и в «Теории сексуальности» о сексуальном отношении детей к родителям[3]. Он действительно маленький Эдип, которому хочется «убрать», устранить отца, чтобы остаться одному с красивой матерью, спать рядом с ней. Это желание возникло во время летнего пребывания за городом, когда чередования присутствия и отсутствия отца указали ему на условие, с которым была связана желанная близость с матерью. Он довольствовался тогда формулировкой: пусть отец «уедет», — к которой позднее благодаря случайному впе-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* Позднее (1923*e*) я подчеркивал, что период сексуального развития, в котором находится также и наш маленький пациент, в общем и целом характеризуется тем, что ему ведомы только *одни* гениталии, мужские; в отличие от более поздних периодов зрелости в нем существует не примат гениталий, а примат фаллоса.

[2] [Ср. Moll, 1898.]

[3] [1900*a*, в главе V, раздел Г *(β)*, *Studienausgabe*, т. 2, с. 253 и далее; 1905*d*, третий очерк, в абзаце, озаглавленном «Сексуальный объект в младенческом возрасте», в разделе «Нахождение объекта», *Studienausgabe*, т. 5, с. 126–127.]

чатлению во время другой отлучки отца[1] сумел непосредственно присоединиться страх быть укушенным белой лошадью. Позднее, вероятно, впервые в Вене, где на отъезд отца уже нельзя было рассчитывать, содержание изменилось: пусть отец исчезнет надолго, пусть он «умрет». Проистекающий из этого желания смерти отца, то есть нормально мотивированный страх перед отцом, создал наибольшее препятствие для анализа, пока оно не было устранено во время беседы в моем врачебном кабинете [с. 41][2].

Но наш Ганс отнюдь не злодей и не ребенок, у которого жестокие и насильственные наклонности человеческой природы в этот период жизни пока еще проявляются беспрепятственно. Напротив, он обладает необычайно добродушным и ласковым нравом; отец записал, что превращение агрессивной наклонности в сострадание произошло у него очень рано. Задолго до фобии он начинал беспокоиться, если видел на карусели, как бьют лошадей, и он никогда не оставался равнодушным, если в его присутствии кто-нибудь плакал. В одном месте анализа у него в определенной взаимосвязи проявляется подавленная часть садизма[3]; но она была подавлена, и впоследствии из этой взаимосвязи мы сможем догадаться, для чего она нужна и что должна заменить. Ганс искренне любит также отца, которому в отношении которого лелеет желание смерти, и в то время как его интеллект оспаривает противоречие[4], он вынужден демонстрировать его фактическое наличие, ударяя отца и сразу же вслед за этим целуя место удара [с. 41, прим.]. Также и мы хотим поостеречься считать это противоречие предосудительным; из таких пар противоположностей вообще состоит эмоциональная жизнь людей[5]; более того, будь это иначе, наверное, вообще не было бы вытеснения и невроза. Эти противоположности чувств, которые

---

[1] [В изданиях до 1924 года говорится «во время отлучки другого отца». Между тем первоначальное описание этого эпизода на с. 31 (равно как и ссылка на него, с. 44), по-видимому, свидетельствуют о том, что уезжала все-таки только Лиззи. Отсюда исправление здесь и, соответственно, на с. 102.]

[2] Обе мысли Ганса: малиновый сок и ружье для убийства [с. 38], несомненно, не детерминированы лишь с одной стороны. Вероятно, они в равной мере связаны как с ненавистью к отцу, так и с комплексом запора. Отец, который сам разгадывает последнюю взаимосвязь, при словосочетании «малиновый сок» думает также о «крови».

[3] Желание бить и дразнить лошадей [с. 71].

[4] Ср. критические вопросы отцу (выше, с. 42).

[5] «Не книга — человек я во плоти.
И мне в себе согласья не найти».
(Мейер К. Ф., «Последние дни Гуттена», [XXVI, «Homo Sum», перевод С. Петрова].

у взрослого человека осознаются одновременно, как правило, только при сильнейшей любовной страсти, тогда как обычно они подавляют друг друга, пока одному из чувств не удается удерживать скрытым другое, в душевной жизни ребенка на протяжении долгого времени мирно сосуществуют.

Наибольшее значение для психосексуального развития нашего мальчика имело рождение маленькой сестры, когда ему было $3^1/_2$ года. Это событие обострило его отношения с родителями, поставило его мышлению неразрешимые задачи, а наблюдение за тем, как ухаживали за ребенком, оживило тогда следы воспоминаний о его собственных самых ранних переживаниях удовольствия. Также и это влияние является типичным; в неожиданно большом количестве биографий и историй болезни за отправную точку следует брать эту вспышку сексуального удовольствия и сексуального любопытства, связанную с рождением следующего ребенка. Поведение, такое же, как поведение Ганса по отношению к новорожденной, мною изображено в «Толковании сновидений»[1]. Во время жара несколько дней спустя он предает огласке, как мало он согласен с этим прибавлением семейства [с. 17]. Здесь по времени предшествует враждебность, за которой может последовать нежность[2]. С тех пор страх, что может появиться еще один новый ребенок, занимает определенное место в его сознательном мышлении. В неврозе уже подавленная враждебность замещается особым страхом, страхом перед ванной [с. 60]; в анализе он неприкрыто выражает желание смерти сестры, причем не только в намеках, которые отец должен дополнить. Его самокритике это желание не кажется таким скверным, как аналогичное желание в отношении отца; но в бессознательном он, очевидно, относился к обоим одинаковым образом, потому что оба они у него отнимают маму, мешают ему быть с ней наедине.

Впрочем, это событие и с ним связанные ожившие переживания дали его желаниям новое направление. В торжествующей последней фантазии [с. 85–86] он суммирует все свои эротические побуждения, происходящие из аутоэротической фазы и связанные с объектной любовью. Он женат на своей красивой матери и имеет множество детей, о которых он может заботиться на свой манер.

---

[1] С. 172, 8-е изд. [глава V, раздел Г (); *Studienausgabe*, т. 2, с. 255–256].

[2] Ср. его намерения, когда малышка начнет говорить (выше, с. 66).

Однажды на улице Ганс заболевает страхом: пока еще он не может сказать, чего боится, но уже в начале своего тревожного состояния выдает также отцу мотив своего нездоровья, выгоду от болезни[1]. Он хочет остаться у матери, с нею ласкаться; как полагает отец [с. 85], появлению этой тоски, возможно, способствовало воспоминание, что он был отделен от нее, когда родился ребенок. Вскоре оказывается, что эту тревогу уже нельзя обратно перевести в тоску по матери, он боится также тогда, когда мать идет с ним рядом. Между тем мы получаем указания на то, на чем зафиксировалось превратившееся в тревогу либидо. Он обнаруживает совершенно специализированный страх, что его укусит белая лошадь.

Такое болезненное состояние мы называем фобией, а случай нашего малыша мы могли бы причислить к агорафобии, если бы это нарушение характеризовалось тем, что обычно невозможные действия в открытом пространстве каждый раз становится легко совершать в сопровождении определенного избранного для этого лица, в крайнем случае врача. Фобия Ганса это условие не соблюдает, вскоре перестает быть связанной с открытым пространством и все отчетливее избирает своим объектом лошадь; в первые дни на пике тревожного состояния он высказывает опасение: «В комнату придет лошадь « [с. 27], — которое весьма облегчило мне понимание его тревоги.

Положение фобий в системе неврозов до сих пор было неопределенным. Представляется несомненным, что в фобиях можно разглядеть лишь синдромы, которые могут принадлежать к разным неврозам, и им не следует придавать значение особых болезненных процессов. Для фобий такого рода, как у нашего пациента, которые встречаются чаще всего, мне кажется целесообразным название «тревожная истерия»; я предложил его доктору В. Штекелю, когда он взялся за описание нервных состояний тревоги, и я надеюсь, что оно укоренится[2]. Оно оправдывается полным соответствием в психическом механизме этих фобий с истерией, вплоть до одного пункта, но очень важного и подходящего для разграничения пункта, а именно: либидо, высвобожденное из патогенного материала

[1] [Подробное обсуждение «выгоды от болезни» содержится в 24-й лекции Фрейда (1916–1917).]

[2] W. Stekel, *Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung*, 1908. [Фрейд написал предисловие к первому изданию этой работы (1908*f*).]

благодаря вытеснению, не *конвертируется*, оказавшись вне сферы психического, не используется для телесной иннервации, а становится свободным в виде тревоги. В имеющихся случаях болезни «тревожная истерия» может в любых пропорциях смешиваться с *«конверсионной истерией»*. Но существует также и конверсионная истерия в чистом виде безо всякой тревоги, равно как и простая тревожная истерия, которая выражается в ощущениях тревоги и фобиях без примеси конверсии; случай последнего рода и есть случай нашего маленького Ганса.

Тревожные истерии — это наиболее часто встречающиеся из всех психоневротических заболеваний, но прежде всего они появляются в жизни первыми; это — прямо-таки неврозы детского возраста. Когда мать, скажем, рассказывает про своего ребенка, что он очень «нервный», то в девяти случаях из десяти можно рассчитывать, что ребенок имеет какого-либо рода тревогу или что он боязлив во многих отношениях. К сожалению, более тонкий механизм этих столь важных заболеваний изучен пока еще недостаточно; пока еще не установлено, имеет ли тревожная истерия — в отличие от конверсионной истерии и других неврозов — своим единственным[1] условием конституциональные моменты или случайные переживания, или в каком сочетании того и другого она возникает[2]. Мне кажется, что она представляет собой то невротическое заболевание, которое меньше всего претендует на особую конституцию и в связи с этим легче всего может быть приобретено в любом возрасте.

Можно легко выделить одну существенную особенность тревожных истерий. Тревожная истерия все больше развивается в фобию; в конце больной может быть избавлен от тревоги, но только за счет торможений и ограничений, которым он должен себя подвергнуть. При тревожной истерии происходит с самого начала продолжавшаяся психическая работа, чтобы снова психически связать ставшую свободной тревогу, но эта работа не может ни привести к обратному превращению тревоги в либидо, ни привязать ее к тем же самым комплексам, из которых происходит либидо. Ему не ос-

---

[1] [Это слово было добавлено в 1924 году, несомненно, для того, чтобы сделать этот тезис более ясным.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* Затронутый здесь вопрос, правда, далее не прослеживался. Однако в отношении тревожной истерии нет основания предполагать исключение из того правила, что в этиологии невроза задатки и переживания должны взаимодействовать. Похоже, свет на столь сильное предрасположение к тревожной истерии в детском возрасте проливает точка зрения Ранка на воздействие травмы рождения. [См., однако, более позднюю критику Фрейдом этого тезиса Ранка в восьмой главе работы ««Торможение, симптом и тревога» (1926*d*); *Studienausgabe*, т. 6, с. 276-277.]

тается ничего другого, как предупреждать любой из возможных поводов к развитию тревоги с помощью психической пристройки в форме осмотрительности, торможения, запрета, и эти защитные сооружения предстают перед нами в виде фобий и для нашего восприятия составляют сущность болезни.

Можно сказать, что лечение тревожной истерии до сих пор было абсолютно отрицательным. Опыт показал, что невозможно, более того, при некоторых обстоятельствах даже опасно, достигать излечения фобии насильственным способом, помещая больного в ситуацию, в которой он должен пережить освобождение от тревоги, после того как его лишили прикрытия. Так, его побуждают искать вынужденную защиту там, где, как ему кажется, он может ее найти, и выражают ему не имеющее никакого эффекта презрение из-за его «непонятной трусости».

Для родителей нашего маленького пациента с самого начала заболевания было ясно, что его нельзя ни высмеивать, ни вынуждать силой, а нужно психоаналитическим путем искать доступ к его вытесненным желаниям. Успех вознаградил чрезвычайные усилия его отца, сообщения которого дадут нам возможность проникнуть в структуру подобной фобии и проследить путь предпринятого анализа.

Я вполне допускаю, что из-за своей обширности и обстоятельности анализ стал для читателя несколько непонятным. Поэтому сначала я хочу вкратце повторить, как он протекал, опустив все ненужные мелочи и выделив результаты, которые можно шаг за шагом установить.

В первую очередь мы узнаем, что вспышка тревожного состояния не была такой неожиданной, как это казалось на первый взгляд. За несколько дней до этого ребенок проснулся от страшного сна, содержанием которого было, что мать ушла и теперь у него «нет мамы, чтобы к ней прильнуть» [с. 27]. Уже это сновидение указывает на опасный по своей интенсивности процесс вытеснения. Его объяснение, в отличие от многих страшных снов, не может гласить, что ребенок испытывал во сне тревогу, происходящую из тех или иных соматических источников, и теперь использовал ее для исполнения некоего интенсивно вытесненного желания из бессознательного (ср. «Толкование сновидений»[1]); это самое настоящее сно-

[1] [1900*a*, глава V, в конце раздела B. *Studienausgabe*, т. 2, с. 243. Ссылка на «Толкование сновидений», 8-е изд., с. 399, которая имеется в более ранних изданиях, по-видимому, является ошибкой.]

видение о наказании, порожденное вытеснением, при котором дает сбой и функция сновидения, поскольку ребенок в тревоге пробуждается ото сна. Сам процесс в бессознательном можно легко реконструировать. Мальчику снились ласки с матерью, что он спит у нее; все удовольствие претворилось в тревогу, а все содержание представления — в свою противоположность. Вытеснение добилось победы над механизмом сновидения.

Однако истоки этой психологической ситуации прослеживаются еще дальше. Еще летом у него возникали такие же тоскливо-тревожные настроения, во время которых он высказывал нечто подобное и которые приносили ему ту выгоду, что мать брала его к себе в постель. С этого времени мы могли бы предположить наличие у Ганса повышенного сексуального возбуждения, объектом которого является мать, интенсивность которого выражается в двух попытках соблазнения матери [с. 23 и с. 27] — последняя незадолго до вспышки тревоги, — и которое, кроме того, находит разрядку в ежевечернем онанистическом удовлетворении. Происходит ли затем превращение этого возбуждения спонтанно, или вследствие отказа матери, или благодаря случайному пробуждению прежних впечатлений при наличии «повода» к заболеванию, который нужно выяснить, — решить невозможно, пожалуй, это и не имеет значения, поскольку все три разных случая нельзя понимать как противоположности. Остается фактом превращение сексуального возбуждения в тревогу.

О поведении мальчика в первое время после того, как появилась тревога, мы уже слышали; слышали и том, что первое содержание, которое он дает этой своей тревоге, таково: его укусит *лошадь*. Здесь происходит первое вмешательство терапии. Родители указывают на то, что тревога — это следствие мастурбации, и пытаются его отучить от этой привычки [с. 27]. Я забочусь о том, чтобы ему основательно подчеркнули нежность к матери, которую ему хочется подменить страхом перед лошадьми [с. 30]. Незначительное улучшение, наступившее после этого первого воздействия, вскоре сходит на нет во время физического нездоровья. Состояние остается неизменным. Вскоре после этого Ганс выводит страх, что его укусит лошадь, из воспоминания об одном впечатлении в Гмундене [с. 31]. Уезжая, один отец предостерег тогда своего ребенка[1]: «Не подноси палец к лошади, а то она тебя укусит». Словесная форма, в которую

[1] [До 1924 здесь говорилось: «Один уезжавший отец предостерег тогда своего ребенка...»; см. примечание, с. 97.]

Ганс облекает предостережение отца, напоминает форму предупреждения от онанизма (подносить палец). Таким образом, родители скорее всего правы, полагая, что Ганс боится своего онанистического удовлетворения. Но взаимосвязь пока еще слабая, и, видимо, лошадь оказалась в своей устрашающей роли совершенно случайно.

Я высказал предположение, что его вытесненное желание могло бы быть теперь таково: он непременно хочет увидеть пипику матери. Поскольку его поведение по отношению к недавно принятой на работу служанке согласуется с этим, отец дает ему первое разъяснение: «У женщин нет пипики» [с. 33]. На это первое оказание помощи Ганс реагирует сообщением о своей фантазии: он видел, как мама показала свою пипику[1]. Эта фантазия и замечание, высказанное в разговоре, что его пипика все-таки выросла, позволяют впервые увидеть бессознательный ход мыслей пациента. Он действительно находился под возникшим впоследствии впечатлением от угрозы кастрации, высказанной матерью $1^1/_4$ года назад [с. 15, выше], ибо фантазия, что мать делает то же самое — обычный «ответный упрек» обвиняемых детей, — должна была послужить разрядке; она представляет собой оборонительную и защитную фантазию. Между тем мы должны себе сказать, что именно родители извлекли из действующего патогенного материала Ганса тему интереса к пипике. Он последовал за ними в этом направлении, но сам пока еще не включился в анализ. Терапевтический результат пока не наблюдается. Анализ ушел от лошадей, а сообщение, что у женщин нет пипики, по своему содержанию скорее было пригодно усилить его беспокойство о сохранении собственной пипики.

Но это не является терапевтическим результатом, к которому мы стремимся в первую очередь; прежде всего мы хотим сделать пациента способным сознательно осмыслять свои бессознательные желания-побуждения. Этого мы достигаем, когда, основываясь на намеках, которые он нам делает, с помощью нашего искусства толкования *своими словами* преподносим его сознанию бессознательный комплекс. Частица подобия между тем, что он услышал, и тем, к чему он стремится, тем, что само, несмотря на все сопротивления, хочет протиснуться в сознание, позволяют ему найти бессознательное. Врач несколько об-

---

[1] Из контекста можно добавить: и при этом до нее дотрагивалась (с. 33). Ведь он не может показать свою пипику, до нее не дотронувшись. [Эта сноска была добавлена Фрейдом в 1924 году. До этого в тексте вместо «показала» стояло «дотронулась».]

гоняет его в понимании; пациент идет вслед за ним своими собственными путями, пока они не встретятся у намеченной цели. Обычно новички в психоанализе сливают воедино два этих обстоятельства, а момент, в который им стал известен бессознательный комплекс больного, считают также моментом, когда его осмысляет больной. Они слишком многого ожидают, когда хотят излечить больного сообщением этого вывода, в то время как он может использовать его лишь для того, чтобы с его помощью отыскать бессознательный комплекс в его бессознательном, — *там, где он закреплен.* Первого успеха подобного рода мы достигаем теперь у Ганса. После частичного преодоления комплекса кастрации он теперь в состоянии сообщить свои желания по отношению к матери, и он делает это в пока еще искаженной форме в виде *фантазии о двух жирафах,* из которых один тщетно кричит, в то время как Ганс овладевает другим [с. 37]. Овладение он изображает в виде того, что он на него садится. Отец распознает в этой фантазии воспроизведение сцены, разыгравшейся утром в спальне между родителями и ребенком, и не упускает возможности очистить желание от все еще присущего ему искажения. Двумя жирафами являются он и мать. Облачение в фантазию о жирафах во многом детерминирована посещением этих больших животных в Шёнбрунне за несколько дней до этого, рисунком жирафа, который отец сохранил из более ранних времен, возможно, также бессознательным сравнением, связанным с длинной и тугой шеей жирафа[1]. Заметим, что жираф как большое и интересное своей пипикой животное мог бы стать конкурентом лошади в ее устрашающей роли; а то, что отец и мать предстают в виде жирафов, дает нам пока еще не использованное указание для истолкования внушающих страх лошадей.

Две менее значительные фантазии, которые Ганс рассказывает непосредственно после выдумки про жирафов, что он в Шёнбрунне пробирается в запретное место и что он в поезде разбивает окно [с. 40, выше], при этом оба раза подчеркивается наказуемость поступков, а отец предстает соучастником, к сожалению, не поддаются толкованию отца. Поэтому их сообщение не приносит никакой пользы и Гансу. Но все, что осталось непонятым, появляется снова; оно, словно неприкаянный дух, не находит покоя, пока не получает разгадки и избавления.

Понимание обеих преступных фантазий не доставляет нам никаких трудностей. Они относятся к комплексу овладения матерью.

---

[1] С этим согласуется последующее восхищение Ганса шеей своего отца. [Вероятно, это представляет собой сгущение эпизодов, описанных на с. 39 и 50.]

У ребенка словно пробивается некое смутное представление о том, что он мог бы сделать с матерью, в результате чего он овладел бы ею, и для непостижимого он находит определенные образные представительства, общим для которых является насильственное, запретное, а содержание которых, похоже, удивительно хорошо согласуется со скрытой действительностью. Мы можем только сказать, что это — символические фантазии о коитусе, и отнюдь не является второстепенным, что в них участвует отец: «Мне хочется что-то сделать с мамой, что-то запретное, не знаю, что именно, но знаю, что ты это тоже делаешь».

Фантазия о жирафах подкрепила мое убеждение, возникшее еще при словах маленького Ганса: «В комнату придет лошадь» [с. 27], — и я счел этот момент подходящим, чтобы сообщить ему часть его бессознательных побуждений, постулируемую как очень важную: его страх перед отцом из-за своих ревнивых и враждебных желаний по отношению к нему. Этим я отчасти истолковал ему страх лошадей: отец — это, должно быть, лошадь, которой он боится, имея на то веское внутреннее обоснование. Определенные детали, как-то: чернота возле рта и у глаз (усы и очки как привилегии взрослого мужчины), перед которыми Ганс проявлял страх, казались мне непосредственно перенесенными от отца на лошадей [с. 41].

Этим объяснением я устранил самое действенное сопротивление осознанию бессознательных мыслей у Ганса, поскольку сам отец играл роль его врача. Отныне пик состояния был преодолен, материал поступал в изобилии, маленький пациент проявлял мужество, рассказывая в подробностях о своей фобии, и вскоре стал самостоятельно вмешиваться в ход анализа[1].

Только теперь становится ясно, какие объекты и впечатления вызывают у Ганса страх. Не только лошади и то, что лошади его покусают (он вскоре утихнет), но и телеги, мебельные фургоны и омнибусы, общим для которых оказывается их большая нагрузка, лошади, которые приходят в движение, лошади, которые выглядят тяжелыми и большими, лошади, которые быстро скачут. Смысл этих

[1] Страх перед отцом в качестве сопротивления репродукции бессознательного патогенного материала играет важнейшую роль также в анализах, которые врач проводит с посторонними людьми. Эти сопротивления отчасти имеют характер [стереотипных] «мотивов»; кроме того, как в данном примере, часть бессознательного материала *с точки зрения содержания* может служить торможению репродукции другой части. [Очевидно, затронутая в этой сноске проблема имеет аналогию с вопросом, может ли психическое содержание «первичных фантазий» передаваться наследственным образом. См. примечание на с. 15–16.]

определений указывает сам Ганс; он боится, что лошади *упадут*, и, таким образом, делает содержанием своей фобии все то, что может облегчить лошади это падение [с. 44–45].

Совсем не редкость, что истинное содержание фобии, правильное словесное обозначение навязчивого импульса и т. п. удается услышать только после некоторой части психоаналитической работы. Вытеснение затронуло не только бессознательные комплексы, оно постоянно направляется также еще и против их потомков и мешает больным воспринимать сами продукты своей болезни. Здесь возникает странное положение, когда врач обращается за помощью к болезни, чтобы привлечь к ней внимание[1], но только тот, кто совершенно не разбирается в сущности психоанализа, будет подчеркивать эту фазу усилий и из-за этого ожидать вреда от анализа. Истина в том, что жители Нюрнберга никого не вешают, не заполучив его прежде в свои руки, и что требуется определенная работа, чтобы завладеть болезненными образованиями, которые хотят разрушить.

В замечаниях, сопровождающих историю болезни [с. 48], я уже упоминал, что весьма поучительно углубляться в детали фобии и получать надежное впечатление о вторично созданных отношениях между тревогой и ее объектами. Отсюда своеобразно диффузный, а затем, с другой стороны, столь строго обусловленный характер фобии. Материал для этих частных разгадок наш маленький пациент, очевидно, получал из впечатлений, который вследствие расположения квартиры напротив главной таможни он в течение дня мог иметь перед глазами. Также в этой взаимосвязи он выдает заторможенное тревогой побуждение, подобно уличным мальчишкам, играть с нагруженными телегами, поклажей, бочками и ящиками.

На этой стадии анализа он снова находит несущественное само по себе переживание, которое непосредственно предшествовало вспышке болезни и которое, пожалуй, можно рассматривать как повод для этой вспышки. Он гулял с мамой и увидел, как лошадь, запряженная в омнибус, упала и стала брыкаться [с. 47]. Это произвело на него большое впечатление. Он сильно испугался, подумал, что лошадь умерла; отныне все лошади могут упасть. Отец указывает ему на то, что, увидев падение лошади, тот подумал о нем, об отце, и, должно быть, пожелал, чтобы он так же упал и умер. Ганс не противится этому толкованию; несколько позже посредством игры,

---

[1] [Аналогично обстоит дело при неврозах навязчивости; см. случай «Крысина» (1909*d*), часть II, «О теории», ближе к началу раздела А; *Studienausgabe*, т. 7, с. 84–85.]

в которую он играет, кусая отца, он принимает идентифицирует отца с внушающей страх лошадью [с. 49] и с тех пор ведет себя по отношению к отцу свободно и без страха, более того, даже несколько заносчиво. Но страх перед лошадьми все еще сохраняется, и нам по-прежнему не ясно, вследствие какой взаимосвязи падающая лошадь взбудоражила его бессознательные желания.

Подытожим то, что было выявлено до сих пор: за выраженным страхом, что лошадь его укусит, был раскрыт более глубоко расположенный страх, что лошади упадут, и обе лошади, кусающая и падающая, — это отец, который накажет его, поскольку он вынашивает злые желания. Между в анализе мы отдалились от матери.

Совершенно неожиданно и, несомненно, без участия отца Ганс теперь начинает заниматься «комплексом люмпфа» и проявлять отвращение к вещам, которые напоминают ему об испражнении [с. 51–52]. Отец, который идет здесь за Гансом лишь с большой неохотой, в самой середине продолжает анализ так, ему бы это хотелось, и напоминает Гансу одно переживание в Гмундене, впечатление от которого скрывалось за падающей лошадью, запряженной в омнибус. Фриц, его любимый товарищ по играм, возможно, также его конкурент у многочисленных подруг, во время игры в лошадку споткнулся о камень, упал и разбил до крови ногу [с. 54]. Переживание с упавшей лошадью в омнибусе напомнило об этом несчастном случае. Примечательно, что Ганс, который в то время был занят другими вещами, сначала отрицает падение Фрица, которое создает взаимосвязь, и признает его только на более поздней стадии анализа [с. 74]. Но для нас, пожалуй, интересно отметить, каким образом превращение либидо в тревогу проецируется на главный объект фобии — на лошадь. Лошади были для Ганса самыми интересными большими животными, игра в лошадку — самой любимой игрой с его товарищами-детьми. Предположение, что отец сперва служил ему лошадкой, подтверждается сообщением отца, и, таким образом, когда произошел несчастный случай в Гмундене, отец мог быть заменен Фрицем. После наступившего переворота, вызванного вытеснением, он теперь стал испытывать страх перед лошадьми, с которыми прежде у него было связано так много удовольствия.

Но мы уже говорили, что этим последним важным объяснением действенности повода к заболеванию мы обязаны вмешательству отца. Ганс остается при своем интересе к люмпфу, и в конечном счете мы должны следовать за ним. Мы узнаем, что раньше он имел обыкновение навязываться матери в качестве сопровождающего в клозет [с. 58] и что он это повторял с тогдашней заместительни-

цей матери, со своей подружкой Бертой, пока это не стало известным и не запретили [с. 56]. Удовольствие, получаемое при наблюдении за естественными отправлениями, любимого человека, соответствует также «скрещению влечения», пример которого мы уже отмечали у Ганса [с. 93]. В конце концов также и отец детально останавливается на символике люмпфа и признает аналогию между тяжело нагруженной телегой и отягощенным каловыми массами животом, между тем, как из ворот выезжает телега, и тем, как из живота высвобождается кал, и т. п. [с. 60–62].

Но позиция Ганса в анализе по сравнению с более ранними стадиями существенно изменилась. Если раньше отец мог заранее предсказать, что будет, пока Ганс, следуя указаниям, плелся за ним, то теперь он уверенным шагом спешит вперед, и отцу нелегко за ним угнаться. Ганс неожиданно преподносит новую фантазию: слесарь или водопроводчик отвинтил ванну, в которой находится Ганс, а затем своим большим буравом ударил его в живот [с. 60]. С этого момента наше понимание не поспевает за материалом. Лишь позже мы можем догадаться, что это представляет собой искаженную тревогой переработку *фантазии о зачатии*. Большая ванна, в которой Ганс сидит в воде, — это утроба матери; «бурав», который уже отцу кажется большим пенисом, обязан своим упоминанием зарождению. Конечно, это звучит очень странно, если мы дадим фантазии такое истолкование: «Своим большим пенисом ты меня "пробуравил" (породил) и помести меня в утробу матери». Но пока фантазия не поддается истолкованию и служит Гансу только привязкой для продолжения своих сообщений.

Перед купанием в большой ванне Ганс проявляет тревогу [с. 60], которая опять-таки имеет сложный состав. Одна ее часть пока от нас ускользает, другая вскоре становится ясной благодаря отношению к купанию маленькой сестры. Ганс признается в желании, чтобы во время купания малышки мать ее уронила и та умерла [с. 65]; его собственный страх при купании представлял собой страх перед возмездием за это дурное желание, перед наказанием, что именно это с ним учинят. Он оставляет тут тему люмпфа и непосредственно переходит к теме маленькой сестры. Но мы можем догадаться, что означает эта очередность. Только то, что маленькая Ханна сама является люмпфом, что все дети — люмпфы и рождаются, как люмпф. Теперь мы понимаем, что все мебельные фургоны, омнибусы и грузовые телеги — это лишь повозки с ящиками аиста, представляли для него интерес только как символические представительства беременности и что в падении ломовой или тяжело нагруженной ло-

шади он не мог видеть ничего другого, кроме родов, разрешения от бремени[1]. Стало быть, падающая лошадь означала не только умирающего отца, но и рожающую мать.

И тут Ганс преподносит сюрприз, к которому мы действительно не были подготовлены. Он обратил внимание на беременность матери, закончившуюся рождением малышки, когда ему было $3^1/_2$ года, и сконструировал себе — во всяком случае после родов — верное положение вещей, наверное, никому этого не высказывая и возможно, не будучи способным этого сделать; тогда можно было только наблюдать, что сразу после родов он очень скептически относился ко всем признакам, которые должны были указывать на присутствие аиста [с. 17]. *Но то, что в бессознательном и в полную противоположность своим официальным заявлениям он знал, откуда взялся ребенок и где он пребывал раньше,* вне всякого сомнения подтверждается этим анализом; возможно это самая незыблемая его часть.

Убедительным доказательством этому служит упорно отстаиваемая, приукрашенная многочисленными деталями фантазия, что Ханна еще летом, до своего рождения, была с ними в Гмундене, как она туда приехала, и что тогда она могла делать больше, чем год спустя, после своего рождения [с. 63–64]. Дерзость, с которой Ганс преподносит эту фантазию, постоянная несуразная ложь, которую он в нее вплетает, отнюдь не бессмысленны; все это должно служить его мести отцу, на которого он сердится за его обман в виде сказки об аисте. Как будто он хотел сказать: «Если ты считал меня таким глупым и требовал от меня, чтобы я думал, будто Ханну принес аист, то и я взамен могу от тебя потребовать, чтобы ты принял мои выдумки за правду. В очевидной взаимосвязи с этим актом мести маленького исследователя своему отцу теперь добавляется фантазия о том, как он дразнит и бьет лошадей [с. 71]. Она опять-таки обустроена двояким образом: с одной стороны, она опирается на подтрунивание над отцом, а с другой стороны, она вновь обнаруживает те темные садистские желания по отношению к матери, которые вначале, когда еще они для нас были непонятными, выражались в фантазиях о запретных поступках. Он также осознанно признается в желании ударить маму [с. 72].

Теперь нам уже не приходится ожидать многих загадок. Смутная фантазия о пропущенном поезде [с. 73], по-видимому, является предшественницей последующего размещения отца у бабушки в Лайнце,

---

[1] [См. примечание на с. 85, выше. Дальнейшие рассуждения об этом специфическом символообразовании содержатся в конце статьи «Детское воспоминание из "Вымысла и правды" (1917*e*); *Studienausgabe*, т. 10, с. 265, а также прим. 1 и 2.]

поскольку в ней речь идет о поездке в Лайнц и в ней присутствует бабушка. Другая фантазия, в которой мальчик дает кондуктору 50000 гульденов, чтобы ему разрешили проехать в вагончике [с. 74], звучит чуть ли не как план откупить мать у отца, сила которого отчасти заключена в его богатстве. Затем он признается в желании устранить отца и в его обосновании: потому что тот мешает его близости с матерью, — с откровенностью, с какой он до сих пор этого еще не делал [с. 74]. Мы не должны удивляться, что те же самые желания-побуждения неоднократно появляются во время анализа; собственно говоря, монотонность возникает только из-за опирающихся на них толкований; для Ганса это не простые повторения, а поступательное развитие от скромного намека до полностью сознательной, свободной от всякого искажения ясности.Все, что теперь следует, — это лишь претворение Гансом в жизнь аналитических результатов, ставших уже несомненными для нашего толкования. В недвусмысленном симптоматическом действии, которое он слегка маскирует перед служанкой, но не перед отцом, он показывает, как представляет себе деторождение [с. 75]; но если мы посмотрим внимательнее, то оказывается, что он показывает нечто большее, указывает на нечто такое, чего в анализе больше не обсуждается. Через круглое отверстие в резиновом теле куклы он просовывает внутрь принадлежащий матери маленький ножичек, а затем делает так, чтобы он выпал оттуда, оторвав ей ноги. Последовавшее за этим разъяснение родителей [с. 78], что дети действительно растут в животе матери и выводятся оттуда, как люмпф, приходит слишком поздно; оно не может сказать ему ничего нового. Благодаря другому, как будто случайно происходящему симптоматическому действию он признается, что желал отцу смерти: он роняет, то есть опрокидывает, лошадь, с которой играет, в тот момент, когда отец говорит об этом желании смерти. Он подтверждает словами, что тяжело нагруженные телеги для него представляют беременность матери и что падение лошади было таким, как когда рожают ребенка. С превосходным подтверждением в этой взаимосвязи, доказательством того, что дети — «люмпфы», через изобретение имени «Лоди» для своего любимого ребенка мы знакомимся лишь с опозданием, ибо слышим, что он уже давно играет с этим «колбасным» ребенком [с. 83][1].

---

[1] Вначале кажущаяся странной мысль гениального рисовальщика Т. Т. Гейне, который на одном из листов в «Симплициссимусе» изображает, как ребенок колбасника попадает в колбасную машину, а затем его в виде колбаски оплакивают родители, как его отпевают и он улетает на небо, благодаря эпизоду с Лоди в нашем анализе находит свое объяснение в инфантильных корнях.

Обе заключительные фантазии Ганса, вместе с которыми его выздоровление становится полным, мы уже разобрали. Одна, о водопроводчике, который приделывает ему новую и, как догадывается отец, бóльшую пипику [с. 86], все же не является простым повторением более ранней фантазии, в которой шла речь о водопроводчике и ванне. Это — торжествующая фантазия-желание, и она содержит преодоление страха кастрации. Вторая фантазия, подтверждающая желание быть женатым на матери и иметь с нею много детей [с. 86–86], не исчерпывает просто содержания тех бессознательных комплексов, которые пробудились при виде падающей лошади и вызвали тревогу, — она также корректирует то, что в тех мыслях было решительно неприемлемым; вместо того чтобы убить отца, он обезвреживает его женитьбой на бабушке. С этой фантазией болезнь и анализ обоснованно завершаются.

Во время анализа случая болезни нельзя получить наглядного впечатления о структуре и развитии невроза. Это дело синтетической работы, за которую нужно взяться потом. Если мы произведем этот синтез для фобии нашего маленького Ганса, то начнем с описания его конституции, его ведущих сексуальных желаний и его переживаний вплоть до рождения сестры, которое мы дали на предыдущих страницах этой статьи.

Появление на свет этой сестры принесло ему много такого, что отныне не оставляло его в покое. Прежде всего некоторая доля лишения: вначале временное разлучение с матерью, а позднее затем — постоянное уменьшение ее заботливости и внимания, которые ему пришлось привыкать разделять с сестрой. Во-вторых, оживление его приятных переживаний, связанных с уходом, которое было вызвано всем тем, что в его присутствии мать совершала с маленькой сестрой. В результате обоих влияний произошло усиление его эротических потребностей, которым начало недоставать удовлетворения. Потерю, которую ему принесла сестра, он возмещает фантазией, что у него самого есть дети, и пока он (во время своего второго пребывания)[1] в Гмундене действительно мог играть с этими детьми, его нежность в достаточной мере находила себе отвод. Но вернувшись в Вену, он снова был одиноким, все свои притязания направил на мать и претерпел новое лишение, когда в возрасте $4^1/_2$ лет[2] его

---

[1] [Эта вставка была добавлена в 1924 году.]

[2] [В более ранних изданиях — «4»; в 1924 году это число было заменено на «$4^1/_2$». См., однако, замечание отца Ганса (3) на с. 87. Возможно, кровати были переставлены при переезде на новую квартиру (с. 21).]

изгнали из спальни родителей. Его повышенная эротическая возбудимость проявлялась в фантазиях, которые привносили летних товарищей в его одиночество, и в регулярном аутоэротическом удовлетворении посредством онанистического раздражения гениталий.

В-третьих, однако, рождение сестры дало ему толчок к мыслительной работе, которая, с одной стороны, не могла быть доведена до конца, а с другой стороны, впутывала его в конфликты чувств. Перед ним возникла большая загадка, откуда берутся дети, — возможно, первая проблема, решение которой потребовало напряжения умственных сил ребенка[1] и которую, вероятно, лишь в искаженном виде воспроизводит загадка фиванской Сфинкс. Предложенное ему объяснение, что Ханну принес аист, он отверг. Однако он заметил, что за несколько месяцев до рождения малышки у матери появился большой живот, что потом она лежала в кровати, во время родов стонала, а затем встала с постели стройной. Таким образом, он сделал вывод, что Ханна была в животе матери, а затем вышла из него, как люмпф. Это рождение он мог представить себе как исполненный удовольствием, опираясь на собственные самые ранние ощущения удовольствия при испражнении, а потому мог с двойной мотивацией желать самому иметь детей, чтобы с удовольствием их рожать, а потом (словно с удовольствием от воздаяния) за ними ухаживать. Во всем этом не было ничего, что привело бы его к сомнению или к конфликту.

Но тут было еще нечто иное, что не давало ему покоя. Какое-то отношение к *рождению* маленькой Ханны должен был иметь и отец, ибо он утверждал, что Ханна и он сам, Ганс, — его дети. Но, разумеется, не он произвел их на свет, а мама. Этот отец стоял у него на пути в отношениях с матерью. В присутствии отца он не мог спать у матери, а когда мать хотела взять Ганса в постель, отец ругался. Ганс узнал, как хорошо могло бы быть в отсутствие отца, и желание устранить отца было вполне обоснованным. Теперь эта враждебность получила подкрепление. Отец рассказал ему неправду про аиста и тем самым сделал для него невозможным попросить у него разъяснения по поводу этих вещей. Он не только не давал ему лежать у мамы в постели, но и утаил от него также знание, к которому Ганс стремился. Он обделил его в обоих направлениях, и все это, очевидно, ради своей собственной выгоды.

---

[1] [Это воззрение, в той части, в которой оно касалось девочек, Фрейд скорректировал в примечании к своей работе «Некоторые психические последствия анатомического различия полов» (1925*j*); *Studienausgabe*, т. 5, с. 261, прим. 1.]

То, что он теперь должен был ненавидеть как конкурента того же самого отца, которого любил с давних пор и которого должен бы продолжать любить дальше, что тот был для него образцом, его первым товарищем по играм и вместе с тем его воспитателем впервые годы жизни, — все это создало первый, вначале неразрешимый эмоциональный конфликт. Благодаря тому, как развивался характер Ганса, любовь должна была пока одержать победу и подавить ненависть, не имея возможности ее упразднить, ибо она снова и снова подпитывалась любовью к матери.

Но отец не только знал, откуда берутся дети; он и сам делал что-то, о чем Ганс мог только смутно догадываться. Какое-то отношение к этому, должно быть, имеет пипика, возбуждение которой сопровождало все эти мысли, причем большая, больше, чем та, что Ганс нашел у себя. Если следовать намекам от ощущений, которые тут возникали, то речь должна была идти о насилии, совершенным над мамой, о разбитии, создании бреши, проникновении в закрытое пространство, импульс к которым ребенок мог ощущать в себе; но хотя он был на пути к тому, чтобы, основываясь на своих ощущениях от пениса, постулировать вагину, он все же не мог решить загадку, ибо подобного рода знанием, как: для чего здесь нужна пипика, — он ведь не обладал; более того, на пути решения стояла убежденность в том, что мама владеет такой же пипикой, как у него. Попытка решить вопроса, что нужно сделать с матерью, чтобы у нее появились дети, погрязла в бессознательном, и оба активных импульса — враждебный против отца, а также нежно-садистский по отношению к матери — остались без применения; один — по причине любви, имеющейся рядом с ненавистью, другой — в силу беспомощности, возникшей в результате инфантильных сексуальных теорий.

Только таким образом, опираясь на результаты анализа, я сумел сконструировать бессознательные комплексы и желания-побуждения, вытеснение и пробуждение которых произвело на свет фобию маленького Ганса. Я знаю, что тем самым предъявляются большие требования к мыслительным способностям ребенка в возрасте между четырьмя и пятью годами, но я позволю себе руководствоваться тем, что мы недавно узнали, и не считаю себя связанным предубеждениями, обусловленными нашим незнанием. Наверное, можно было бы использовать страх перед «шумом, производимым ногами», чтобы восполнить еще несколько пробелов в порядке представления нами доказательств. Хотя Ганс говорил, что это напоминает ему то, как он сучит ногами, когда его заставляют прервать

игру, чтобы сделать люмпф, а потому этот элемент невроза оказывается связан с проблемой, как мама получает детей: с охотой или только под принуждением, — но у меня нет впечатления, что этим дано полное объяснение «шума, производимого ногами». Мое предположение, что у ребенка пробудилось воспоминание об увиденном им в спальне половом сношении родителей, отец подтвердить не сумел. Поэтому будем довольствоваться тем, что узнали.

Благодаря какому влиянию в изображенной ситуации у Ганса произошло изменение, превращение либидинозного стремления в тревогу, с какого конца здесь началось вытеснение, — это трудно сказать и можно было бы, пожалуй, решить только путем сравнения со многими подобными анализами. Вызвала ли вспышку интеллектуальная неспособность ребенка разрешить трудную проблему зачатия детей и использовать развившиеся при приближении к разгадке агрессивные импульсы, или к перемене должна была привести соматическая неспособность, нетерпимость его конституции к регулярно достигавшемуся онанистическому удовлетворению, или просто продолжительность столь интенсивного сексуального возбуждения, — этот вопрос я оставлю открытым, пока нам не придет на помощь дальнейший опыт.

Приписать случайному поводу слишком большое влияние на возникновение болезни запрещают временные условия, ибо признаки тревожности имелись у Ганса задолго до того, как он наблюдал, как на улице упала лошадь, впряженная в омнибус.

Тем не менее невроз возник непосредственно вслед за этим случайным событием и сохранил его след, возведя лошадь в объект тревоги. «Травматической силы» само по себе это впечатление не имеет; только прежнее значение лошади как предмета особого пристрастия и интереса и связь с более подходящим в травматическом отношении переживанием в Гмундене, когда во время игры в лошадку упал Фриц, а также простой ассоциативный путь от Фрица к отцу наделили случайно увиденный несчастный случай столь большой действенной силой. Более того, вероятно, и этих отношений было бы недостаточно, если бы благодаря гибкости и многозначности ассоциативных связей то же самое впечатление не оказалось пригодным также и для того, затронуть второй из комплексов, затаившихся в бессознательном Ганса, — роды беременной матери. Отныне путь к возвращению вытесненного был открыт, и он был пройден таким образом, что *патогенный материал оказался переработан (транспонирован) в комплекс лошади, а сопутствующие аффекты единообразно преобразовались в тревогу.*

Примечательно, что нынешнему содержанию представления фобии пришлось еще подвергнуться искажению и замещению, прежде чем с ним ознакомилось сознание. Первая формулировка страха, которую высказал Ганс, была следующая: «Лошадь укусит меня»; она происходит из другой сцены в Гмундене, которая, с одной стороны, имеет отношение к враждебным желаниям, направленным против отца, с другой стороны, напоминает о предупреждении по поводу онанизма. Здесь дало о себе знать отвлекающее влияние, которое, вероятно, исходило от родителей; я не уверен, записывались ли тогда сообщения о Гансе достаточно тщательно, чтобы решить для себя, дал ли он это выражение своей тревоге *до или только после того,* как мать потребовала его к ответу в связи с мастурбацией. В противоположность описанию истории болезни я склонен предположить последнее [см. с. 27]. Впрочем, является несомненным, что враждебный комплекс, направленный против отца, повсюду скрывает у Ганса чувственный комплекс по отношению к матери; также и в анализе он был раскрыт и устранен первым.

В других случаях болезни нашлось бы гораздо больше данных, чтобы сказать о структуре невроза, его развитии и распространении, но история болезни нашего маленького Ганса слишком короткая; сразу после своего начала она сменяется историей лечения. Когда затем во время лечения фобия, казалось, продолжала развиваться, вовлекала в свой круг новые объекты и новые условия, самостоятельно лечивший отец был, разумеется, достаточно благоразумен, чтобы увидеть в этом лишь проявление уже готовой, а не новой продукции, которую можно было бы поставить в вину лечению. На такое благоразумие не всегда можно рассчитывать в других случаях лечения.

Прежде чем объявить этот синтез завершенным, я должен оценить еще и другую точку зрения, встав на которую, мы столкнемся со множеством трудностей в понимании невротических состояний. Мы видим, как нашего маленького пациента охватывает приступ вытеснения, затрагивающий как раз его господствующие сексуальные компоненты[1]. Он отказывается от онанизма, с отвращением отметает от себя то, что напоминает экскременты и присутствие при естественных отправлениях. Но это не те компоненты, которые возбуждаются

---

[1] Отец даже наблюдал, что одновременно с этим вытеснением у Ганса наступает частичная сублимация. С появлением тревожности он обнаруживает повышенный интерес к музыке и развивает свой наследованный музыкальный дар.

при поводе к болезни (при виде падающей лошади) и которые поставляют материал для симптомов, содержание фобии.

Таким образом, здесь есть повод установить принципиальное различие. Вероятно, более глубокого понимания случая болезни можно достичь, если обратиться к тем другим компонентам, которые отвечают обоим вышеупомянутым условиям. У Ганса это — побуждения, которые уже раньше были подавлены и которые, насколько мы знаем, никогда не могли проявиться свободно: враждебно-ревнивые чувства к отцу и садистские, соответствующие смутному представлению о коитусе, влечения к матери. Возможно, в этих ранних подавлениях и состоит предрасположение к последующему заболеванию. Эти агрессивные склонности у Ганса не нашли выхода, и как только в период лишения и возросшего сексуального возбуждения, усилившись, они хотят прорваться, разгорается та борьба, которую мы называем «фобией». При этом часть вытесненных представлений в качестве содержания фобии, искаженная и переписанная на другой комплекс, проникает в сознание; но нет сомнений, что это жалкий успех. Победа остается за вытеснением, *которое при этой возможности перебрасывается на другие — неактуальные — компоненты*. Это ничего не меняет в том, что сущность болезненного состояния остается полностью связанной с природой отвергаемых компонентов влечения. Целью и содержанием фобии является значительное ограничение свободы действий; стало быть, она представляет собой мощную реакцию против темных двигательных импульсов, которые хотели обратиться прежде всего против матери. Для мальчика лошадь всегда была примером удовольствия, получаемого от движения («Я молодая лошадь», — говорит Ганс, носясь перед домом [см. с. 54]), но так как двигательное удовольствие включает в себя импульс коитуса, невроз его ограничивает, а лошадь возводится в символ ужаса. Похоже на то, что вытесненным влечениям в неврозе не остается ничего, кроме чести доставлять в сознание поводы для тревоги. Но какой бы ясной ни была победа сексуального отвержения в фобии, компромиссная природа болезни все же не допускает того, чтобы вытесненное добилось чего-то другого. Фобия лошади — это все-таки снова препятствие выходу на улицу, и она может служить средством, позволяющим оставаться дома с любимой матерью. В этом победоносно утвердила себя его нежность к матери; любовник из-за фобии цепляется за свой любимый объект, но, разумеется, следит и за тем, чтобы остаться невредимым. В этих обоих воздействиях проявляется истинная природа невротического заболевания.

Недавно А. Адлер в одной богатой идеями работе[1], из которой я заимствовал термин «скрещение влечения», написал, что тревога возникает в результате подавления влечения, названного им «агрессивным», и во всеобъемлющем синтезе отвел этому влечению главную роль «в жизни и в неврозе». Если бы мы пришли к выводу, что в нашем случае фобии тревогу следует объяснять вытеснением тех агрессивных наклонностей — враждебных в отношении отца и садистских в отношении матери, — то, наверное, мы получили бы блестящее подтверждение воззрения Адлера. И все же я не могу согласиться с эти воззрением, которое считаю вводящим в заблуждение обобщениям. Я не могу решиться признать наличие особого агрессивного влечения наряду и на равных правах с известными нам влечениями к самосохранению и сексуальными влечениями[2]. Мне кажется, что Адлер неправомерно гипостазировал общий и непременный характер всех влечений, а именно то «влекущее», напористое в них, что мы можем описать как способность давать толчок двигательной сфере, в некое особое влечение. В таком случае после того как у других влечений «агрессивным влечением» отбирается отношение к средствам достижения цели, у них не осталось бы ничего, кроме отношения к этой цели; несмотря на всю ненадежность и неясность нашей теории влечений, я хотел бы пока придерживаться привычного представления, которое оставляет за каждым влечением его собственную способность становиться агрессивным[3], и в обоих влечениях, достигающих у нашего Ганса вытеснения, я бы признал давно известные компоненты сексуального либидо.

---

[1] [1908] См.выше. [С. 93 и с. 108.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* Содержащееся в тексте было написано в то время, когда Адлер, казалось, еще стоял на почве психоанализа, до выдвижения им мужского протеста и до своего отрицания вытеснения. С тех пор мне также пришлось ввести понятие «агрессивное влечение», которое не совпадает с понятием Адлера. Я предпочитаю называть его «деструктивным влечением или влечением к смерти» («По ту сторону принципа удовольствия» [1920*g*], «Я и Оно» [1923*b*]). Его противоположность либидинозным влечениям выражается в известной полярности любви и ненависти. Также остается в силе и мое возражение против утверждения Адлером, которое умаляет общий характер влечений в целом в угоду одному-единственному. [Более подробное описание различий между Фрейдом и Адлером содержится в третьей части его очерка «Об истории психоаналитического движения» (1914*d*). По поводу его более поздних представлений о деструктивном влечении см. также работу «Недомогание культуры» (1930*a*), особенно начиная с главы V, и 32-ю лекцию «Нового цикла»; *Studienausgabe*, т. 1, с. 536–543.]

[3] [В более ранних изданиях в этом месте стояли также слова «не направляясь на объект». Они были вычеркнуты в 1924 году.]

3

Прежде чем теперь приступить к предположительно краткому обсуждению того, что можно извлечь ценного из фобии маленького Ганса для детской жизни и детского воспитания в целом, я должен ответить на давно отложенное возражение, которое напоминает нам, что Ганс — невротик, отягощен наследственностью, дегенерат, то есть ненормальный ребенок, и выводы, сделанные на нем, нельзя переносить на других детей. Мне уже заранее огорчительно думать, как все приверженцы учения о «нормальном человеке» будут третировать нашего бедного маленького Ганса, узнав, что у него действительно можно доказать наследственную отягощенность. Его красивой матери, которая стала невротической, пережив конфликт своего девичьего возраста, я тогда оказал помощь, и это даже положило начало моим отношениям с его родителями. Я осмелюсь лишь со всей робостью привести кое-какие доводы в его защиту.

Прежде всего Ганс совсем не тот, кого после строгого наблюдения можно было бы представить дегенеративным, наследственно предопределенным к нервозности ребенком. Напротив, это физически хорошо развитый, веселый, любезный, с живым умом мальчишка, которому может порадоваться не только его собственный отец. Правда, в его раннем сексуальном развитии не приходится сомневаться, но для правильного суждения у нас нет достаточного сравнительного материала. Так, например, из результатов одного массового исследования, проведенного в Америке[1], я сделал вывод, что такой же ранний выбор объекта и любовные ощущения у мальчиков встречаются не так уж редко, а из истории детства людей, признанных позднее «великими», известно именно то, что и я склонен думать: раннее сексуальное развитие является редко отсутствующим коррелятом интеллектуального развития, и поэтому у одаренных детей оно встречается чаще, чем это можно было бы ожидать[2].

Далее, сознаваясь в моей пристрастности к маленькому Гансу, я выставляю как довод, что он — не единственный ребенок, который в тот или иной период своего детства заболевает фобиями. Как известно, эти заболевания встречаются необычайно часто,

---

[1] [Sanford Bell, 1902.]

[2] [Этот вопрос затрагивается в абзаце, озаглавленном «Ранняя зрелость», в конце «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*a*; *Studienausgabe*, т. 5, с. 142–143.]

в том числе и у тех детей, воспитание которых по строгости не оставляет желать ничего большего. Данные дети позднее либо становятся невротическими, либо остаются здоровыми. Их фобии заглушаются в детской комнате, потому что они недоступны лечению и, несомненно, доставляют множество неудобств. Затем в течение месяцев или лет они идут на убыль и кажутся излеченными; какие психические изменения обусловливает подобное излечение, какие изменения характера с ними связаны, — этого никто не знает. Если потом однажды принимаешься за психоаналитическое лечение взрослого невротика, у который, допустим, заболел только в зрелые годы, то обычно узнаешь, что его невроз связан с той детской тревогой, представляет собой ее продолжение и что, стало быть, начиная с тех детских конфликтов, всю жизнь продолжалась непрерывная, но и вместе с тем безмятежная психическая работа, независимо от того, оставался ли постоянным их первый симптом или он отступил под давлением обстоятельств. Поэтому я думаю, что наш Ганс был болен, наверное, не сильнее многих других детей, которых не клеймят как «дегенератов»; но так как его воспитывали без запугивания, как можно бережнее и с как можно меньшим принуждением, без строгостей и с возможно малым принуждением, его тревога вела себя смелее. Ведь в воспитании детей мы хотим только чтобы нас оставили в покое, не хотим переживать трудностей, словом, растим послушного ребенка и обращаем очень мало внимания на то, полезен ли для ребенка такой ход развития. Таким образом, я мог бы представить себе, что для нашего Ганса было целительно продуцировать эту фобию, потому что она направила внимание родителей на неизбежные трудности, которые в процессе культурного воспитания доставляет ребенку преодоление врожденных компонентов влечения, и потому что это его нарушение повлекла за собой помощь отца. Возможно, теперь у него есть преимущество перед другими детьми из-за того, что он больше не носит в себе того зачатка вытесненных комплексов, который всякий раз должен что-то значить для будущей жизни, который, несомненно, в той или иной степени влечет за собой искажение характера, если не предрасположение к последующему неврозу. Я склонен так думать, но не знаю, разделят ли мое мнение также и многие другие, признает ли мою правоту опыт.

---

[1] [С этим, вероятно, также связана в среднем поистине большая интеллектуальная одаренность больных неврозом навязчивости.]

Я должен, однако, спросить: чем повредило Гансу выведение на свет комплексов, не только вытесняемых детьми, но и внушающих страх родителям? Разве мальчик начал серьезно относиться к своим притязаниям на мать, или место дурных намерений по отношению к отцу заняло рукоприкладство? Несомненно, этого будут бояться многие, которые недопонимают сущность психоанализа и думают, что можно усилить дурные влечения, если их сделать осознанными. Эти мудрецы только тогда поступают последовательно, когда во имя Господа Бога отговаривают заниматься дурными вещами, скрывающимися за неврозом. При этом, правда, они забывают, что они — врачи, и у них появляется фатальное сходство с шекспировским Кизилом в «Много шума из ничего», который посланной страже тоже дает совет держаться подальше от всякого соприкосновения с повстречавшимися ворами и разбойниками. Подобный сброд совсем не компания для честных людей[1].

Напротив, единственные последствия анализа заключаются в том, что Ганс выздоравливает, не боится больше лошадей и обращается с отцом скорее фамильярно, о чем тот сообщает с усмешкой. Но то, что отец теряет в почтении, он приобретает в доверии: «Я думал, что ты знаешь все, раз ты знал это о лошади». Собственно говоря, анализ не отменяет *результат* вытеснения; влечения, которые тогда были подавлены, остаются подавленными, но он достигает этого результата другим путем, заменяет процесс вытеснения, который является автоматическим и чрезмерным, сдержанным и целенаправленным преодолением с помощью высших душевных инстанций, словом: *он заменяет вытеснение осуждением*. Он кажется нам давно вынашиваемым доказательством того, что сознание имеет биологическую функцию, что с его вступлением в игру связана значительная выгода[2].

---

[1] [Шекспир, «Много шума из ничего», III, 3.] Я не могу здесь скрыть изумления и удержаться от вопроса: откуда эти противники моих воззрений берут свое знание, преподносимое с такой уверенностью, что вытесненные сексуальные влечения играют некую роль в этиологии неврозов и в чем состоит эта роль, если они закрывают пациентам рот, как только те начинают говорить о своих комплексах и их потомках? Ведь в таком случае единственным знанием, которое остается для них доступным, являются мои сообщения и сообщения моих последователей.

[2] *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* Тем самым я употребляю слово «сознание» в значении, которое позднее я избегал, — для нашего нормального способного к осознанию мышления. Мы знаем, что также и такие мыслительные процессы могут происходить предсознательно, и поступаем правильно, оценивая их «сознание» чисто феноменологически. Разумеется, это не противоречит ожиданию того, что и осознание тоже выполняет биологическую функцию. [См. «Я и Оно» (1923*b*), глава I.]

Если бы все зависело только от меня, то я бы рискнул дать ребенку еще одно разъяснение, которое от него скрыли родители. Я подтвердил бы его инстинктивные предчувствия, рассказав ему о существовании вагины и коитуса, тем самым еще в значительной степени уменьшил бы неразрешенный остаток и положил бы конец его неуемному любопытству. Я убежден, что вследствие этих разъяснений не пострадали бы ни его любовь к матери, ни его детский нрав, и он понял бы, что с занятиями этими важными, даже импозантными вещами нужно повременить, пока его желание стать большим не исполнится. Но педагогический эксперимент так далеко не зашел.

То, что между «нервными» и «нормальными» детьми и взрослыми нельзя провести четкой границы, что «болезнь» — это чисто практическое суммарное понятие, что предрасположение и переживание должны совпасть, чтобы переступить порог для достижения этой суммации, что вследствие этого многие индивиды постоянно переходят из категории здоровых в категорию нервнобольных, и гораздо меньшее число проделывает путь также и в обратном направлении, — все это вещи, о которых так часто говорилось и которые находили такой большой отклик, что я со своими утверждениями, несомненно, не одинок. То, что воспитание ребенка может оказать огромное влияние на пользу или во вред предрасположению к болезни, принимаемому во внимание при этой суммации, по меньшей мере весьма вероятно, но к чему должно стремиться воспитание и где оно должно вмешиваться, — это по-прежнему кажется очень спорным. До сих пор оно всегда ставило себе задачей обуздание, или, вернее, подавление влечений; результат не был удовлетворительным, а там, где его достигали, то это происходило к выгоде небольшого числа привилегированных людей, от которых подавления влечений и не требуется. Никто также не задавался вопросом, каким путем и с какими жертвами достигалось подавление неудобных влечений. Но если заменить эту задачу другой: с наименьшим ущербом для активности индивида сделать его культурным и социально приемлемым, — то полученные благодаря психоанализу сведения о происхождении патогенных комплексов и о ядре любого невроза, в сущности, притязают на то, чтобы быть воспринятыми воспитателем как неоценимую подсказку в его обращении с ребенком. Какие практические выводы из этого вытекают и насколько опыт может оправдать их ис-

пользование в наших социальных условиях, — это я уступаю другим для испытания и решения[1].

Я не могу расстаться с фобией нашего маленького пациента, не высказав предположения, которое делает для меня анализ, ведущий к излечению, особенно ценным. Строго говоря, из этого анализа я не узнал ничего нового, ничего такого, чего я уже раньше — зачастую менее отчетливым и не столь непосредственным образом — не мог разгадать у других пациентов, лечившихся в зрелом возрасте. А поскольку неврозы этих других больных каждый раз можно было свести к тем же самым инфантильным комплексам, которые раскрывались за фобией Ганса, я склонен считать этот детский невроз типичным и образцовым, словно разнообразие невротических явлений вытеснения и богатство патогенного материала не препятствуют выведению весьма немногочисленных процессов в одних и тех же комплексах представлений.

---

[1] [Фрейд вновь обращался к вопросу об отношении психоанализа и воспитания в своих предисловиях к книгам Пфистреа и Айххорна (Freud, 1913*b* и 1925*f*), а также в части II (3) своей статьи в сборнике «Scientia» (1913*j*). Он посвятил ему также несколько страниц в 34-й лекции своего «Нового цикла» (1933*a*).]

ПОСТСКРИПТУМ К АНАЛИЗУ МАЛЕНЬКОГО ГАНСА

(1922)

Несколько месяцев назад — весной 1922 года — мне представился один молодой человек и заявил, что он — «маленький Ганс», о детском неврозе которого я сообщил в 1909 году. Я был очень рад снова его увидеть, ибо примерно через два года после окончания его анализа он пропал из моего поля зрения, и я более десяти лет ничего не знал о его судьбе. Публикация этого первого анализа, проведенного с ребенком, вызвала большую шумиху и еще большее негодование, и бедному мальчику было напророчено большое несчастье, потому что его в столь нежном возрасте «лишили невинности» и сделали жертвой психоанализа.

Но ни одно из всех этих опасений не оправдалось. Теперь маленький Ганс был статным 19-летним юношей. Он утверждал, что вполне хорошо себя чувствует и не страдает никакими недугами или торможениями. Он не только без нарушений прошел через пубертат, но и с честью выдержал одно из самых тяжелых испытаний для его эмоциональной жизни. Его родители развелись и каждый из них заключил новый брак. Поэтому он живет один, но хорошо ладит с обоими родителями и лишь сожалеет, что из-за распада семьи оказался разделен со своей любимой младшей сестрой.

Одно сообщение маленького Ганса показалось мне особенно удивительным. Я также и не решаюсь дать ему объяснение. Когда он читал свою историю болезни, — рассказывал он, — ему все казалось чужим, он не узнавал себя, не мог ничего вспомнить, и только когда он наткнулся на поездку в Гмунден, у него забрезжило нечто сродни проблеску воспоминания: это мог быть он сам. Стало быть, анализ не уберег случившееся от амнезии, а сам подвергся амнезии. Нечто похожее иногда происходит во сне с человеком, знакомым с психоанализом. Его будит сновидение, он решает без промедления его проанализировать, вновь засыпает, довольный результатом своих усилий, а на следующее утро сновидение и анализ забываются[1].

---

[1] [Это явление Фрейд обсуждает в сделанном в 1911 году дополнении к своему «Толкованию сновидений» (1900*a*), глава VII, часть А; см. *Studienausgabe*, т. 2, с. 498–499.]

Из истории одного инфантильного невроза

[«Волков»]

(1918 [1914])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 578–717.
1918 *S. K. S. N.*, т. 5, 1–140.
1924 Лейпциг, Вена и Цюрих: Международное психоаналитическое издательство. 132 страницы.
1924 *G. S.*, т. 8, 437–567.
1931 *Neurosenlehre und Technik*, 37–171.
1947 *G. W.*, т. 12, 27–157.

В издании 1924 года Фрейдом было сделано лишь несколько изменений, касающихся в основном конкретных сведений; в конце было добавлено более обстоятельное примечание.

Это описание случая является самой подробной и, без сомнения, самой важной из всех историй болезни, изложенных Фрейдом. Пациент, богатый молодой русский, приехал к Фрейду в феврале 1910 года. Первый этап лечения, о котором сообщается в данной работе, начался в феврале 1910-го и окончился в июле 1914 года — к этому времени Фрейд считал анализ завершенным. Он начал описывать историю болезни в октябре и закончил ее в начале ноября 1914 года. (Эти сведения заимствованы из биографии Фрейда, написанной Эрнестом Джонсом, 1962, т. 2, с. 331, а Джонс в свою очередь опирался на переписку Фрейда. В примечании на с. 129 настоящего издания сам Фрейд говорит о зиме 1914–1915 годов.) Тем не менее на протяжении четырех лет Фрейд воздерживался от публикации. По его собственным словам (там же, прим.), в окончательном варианте он не внес каких-либо важных изменений; он лишь дополнил его двумя пассажами. Последующее течение болезни этого пациента после окончания первого этапа анализа Фрейд описывает в примечании, которое он добавил в издании 1924 года в конце своей работы (с. 230–231). Там же содержатся и некоторые более поздние сведения, отчасти основанные на материале, впоследствии опубликованном самим Фрейдом, отчасти на сообщениях, ставших известными после его смерти.

Фрейд упоминает случай «Волкова» во многих работах, опубликованных как до, так и после описания настоящего случая; здесь необходимо назвать по крайней мере самые важные из них. В своей работе «Материалы сказок в сновидениях» (1913*d*) он целиком пересказывает сновидение о волке; часть этой статьи Фрейд включил также и в данный текст (с. 149 и далее). В работе, посвященной *«fausse reconnaissance»* в психоаналитическом лечении (1914*a*), описывается другой эпизод, относящийся к лечению данного пациен-

та, который здесь также частично опубликован (с. 199). В метапсихологической работе «Вытеснение» (1915*d*), написанной после представленной здесь работы, но опубликованной до нее, содержится абзац о фобии волков, которой страдал пациент. По прошествии многих лет Фрейд еще раз вернулся к этому случаю, а именно в работе «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*), в главах IV и VII; в ней фобия волков пациента сравнивается с фобией лошадей «маленького Ганса» (см. другую работу, включенную в этот том).

Особое значение, которое имела для Фрейда эта история болезни к моменту ее публикации, несомненно, состояло в том, что она предоставляла ему доказательства для критики Адлер и прежде всего Юнга. Здесь он имел в руках убедительные аргументы, с помощью которых мог отмести всякие сомнения в наличии детской сексуальности. Но в результате этого лечения выявились еще и многие другие моменты, значение которых невозможно переоценить, например, связь между «первичной сценой» и «первичными фантазиями», что прямым путем вело к ответу на неясный вопрос, может ли психическое содержание первичных фантазий быть врожденным. В 23-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917) этот вопрос разбирается еще раз — в пассажах, добавленных на с. 174 и далее и на с. 208 и далее. В дальнейшем Фрейд использовал содержательный материал части VII, в котором речь идет об анальной эротике пациента, в своей статье «О превращениях влечения» (1917*c*).

Еще важнее было то, что анализ «Волкова» проливал свет на более раннюю оральную организацию либидо, которая весьма подробно обсуждается на с. 217–219. Вероятно, выявленный в этом анализе»каннибальский» материал сыграл существенную роль в разработке некоторых важнейших теорий, которыми Фрейд занимался в то время: речь идет о взаимосвязи между интернализацией, идентификацией, образованием Я-идеала, чувством вины и патологическими состояниями депрессии. Некоторые из этих теорий Фрейд уже сформулировал в последней статье работы «Тотем и табу» (1912–1913) и в своей статье «О введении понятия "нарцизм"» (1914*c*); другие появлялись в работе «Печаль и меланхолия» (1917*e*), которая была завершена в 1915 году.

Пожалуй, самым важным выявленным клиническим фактом стало доказательство причинной роли, которые в неврозе этого пациента играли *первичные* женские побуждения. Присущая ему явно выраженная бисексуальность служила подтверждением представлений, которые Фрейд развивал еще задолго до этого в период своей дружбы с Флиссом. Однако в своих последующих работах Фрейд делал теперь акцент скорее на бисексуальности, нежели на *всеобъемлющем* существовании и проявлении «обратного», или «негативного», эдипова комплекса. Наиболее четко эта теория изложена при обсуждении «полного» эдипова комплекса в третьей главе работы «Я и Оно» (1923*b*).

I
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Случай болезни, о котором я здесь сообщу[1] — опять-таки лишь фрагментарным образом, — отличается множеством особенностей, которые необходимо подчеркнуть до его описания. Он касается одного молодого человека, который на восемнадцатом году своей жизни после гонорейной инфекции обессилел от тяжелой болезни и, когда по прошествии многих лет приступил к психоаналитическому лечению, был полностью зависим от других и нежизнеспособен. Первые десять своей юности до момента заболевания он прожил в целом нормальным образом и без особых помех закончил среднюю школу. Но его более ранние годы были отмечены тяжелым невротическим расстройством, которое разразилось перед самым днем рождения, когда ему должно было исполниться четыре года, в виде тревожной истерии (фобии животных), превратившейся затем в невроз навязчивости с религиозным содержанием, отголоски которого сохранялись вплоть до десятилетнего возраста[2].

Только этот инфантильный невроз будет предметом моих сообщений. Несмотря на непосредственное требование пациента, я отказался описать всю историю его заболевания, лечения и выздоровления, поскольку расценил эту задачу как технически неосу-

---

[1] Эта история больного была написана вскоре после завершения лечения зимой 1914–1915 годов под свежим тогда еще впечатлением от новых истолкований, которые К. Г. Юнг и А. Адлер пожелали дать психоаналитическим результатам. Таким образом, она примыкает к опубликованной в «Ежегоднике психоанализа» (VI, 1914) статье «Об истории психоаналитического движения» и дополняет содержащуюся там — по большей части личную — полемику объективной оценкой аналитического материала. Первоначально она была предназначена для следующего тома «Ежегодника», но поскольку его появление отложено до неопределенного времени из-за тягот [первой] великой войны, я решился включить ее в подготовленный новым издателем [Хеллером вместо Дойтике] сборник [S. K. S. N., т. 4]. Между тем кое-что из того, что я должен был бы высказать впервые, мне довелось обсудить в моих прочитанных в 1916–1917 годах «Лекциях по введению в психоанализ». Текст первого варианта не претерпел каких-либо существенных изменений; дополнения выделены квадратными скобками. [Имеются лишь два таких дополнения, а именно на с. 174–177 и 208–210. Впрочем, в данной работе, как и в остальных сочинениях, вошедших в «Учебное издание», все ссылки издателей выделены квадратными скобками.]

[2] [В изданиях до 1924 года говорилось «восьмилетнего».]

ществимую и социально непозволительную. Тем самым отпадает также возможность показать связь между его инфантильным и последующим окончательным заболеванием. По поводу последнего я могу только сообщить, что из-за него больной провел много времени в немецких санаториях, и самым компетентным учреждением[1] тогда оно было классифицировано как случай «маниакально-депрессивного помешательства». Этот диагноз, несомненно, был правильным в отношении отца пациента, жизнь которого, богатая интересами и деятельностью, нарушалась возобновлявшимися приступами тяжелой депрессии. У самого сына при многолетнем наблюдении мне не довелось обнаружить смену настроения, которая по интенсивности и условиям своего проявления превосходила бы видимую психическую ситуацию. У меня сложилось представление, что этот случай, равно как и многие другие, в которых клиническая психиатрия ставит разнообразные и меняющиеся диагнозы, надо понимать как последствие спонтанно протекавшего и окончившегося дефектом невроза навязчивости.

Стало быть, в моем описании речь пойдет об инфантильном неврозе, который был проанализирован не тогда, когда он имелся в наличии, а только через пятнадцать лет после его окончания. Такая ситуация имеет как свои преимущества, так и свои недостатки по сравнению с другими. Анализ, который проводят с самим невротическим ребенком, с самого начала будет казаться достойным большего доверия, но он может оказаться не очень содержательным; ребенку приходится подсказывать слишком много слов и мыслей[2], и все же самые глубокие слои могут оказаться непроницаемыми для сознания. Анализ детского заболевания посредством воспоминаний у взрослого и духовно зрелого человека избавлен от этих ограничений; но необходимо считаться с искажением и прилаживанием, которым подвержено собственное прошлое при взгляде назад из более позднего времени. В первом случае получаются, пожалуй, более убедительные результаты, во втором — гораздо более поучительные.

Во всяком случае, мы вправе утверждать, что анализы детских неврозов могут претендовать на особенно большой теоретический интерес. Для правильного понимания неврозов у взрослых они дают примерно столько же, сколько детские сны для сновидений взрос-

---

[1] [Согласно Эрнесту Джонсу, среди психиатров, консультировавших пациента, были такие величины, как Циен из Берлина и Крепелин из Мюнхена.]

[2] [Ценность детского анализа как доказательства Фрейд обсуждал в истории болезни «маленького Ганса», с. 13–14 и 89 и далее в данном томе.]

лых. Дело не в том, что их легче понять или что они беднее элементами; сложность проникновения в душевную жизнь ребенка делает их даже особенно трудной частью работы врача. Но в них отпадает так много более поздних наслоений, что ядро невроза проявляется со всей очевидностью. Как известно, сопротивление результатам психоанализа в нынешней фазе борьбы за психоанализ приняло новые формы. Прежде довольствовались тем, что оспаривали реальность полученных благодаря анализу фактов, для чего лучшим техническим приемом казалось избегание перепроверок. Этот метод, похоже, постепенно себя исчерпывает; теперь идут по иному пути — факты признают, но выводы, которые из них получаются, сводят на нет с помощью новых истолкований и тем самым вновь защищаются от предосудительных новшеств. Изучение детских неврозов доказывает полную несостоятельность этих поверхностных или насильственных попыток новых истолкований. Оно выявляет огромное по важности участие столь охотно отрицаемых сил либидинозного влечения в формировании невроза и позволяет распознать отсутствие несвойственных стремлений к культурным целям, о которых ребенку пока еще ничего не известно и которые поэтому ничего не могут для значить.

Другая особенность, на которую сообщаемый здесь анализ предлагает обратить внимание, связана с тяжестью заболевания и продолжительностью его лечения. Анализы, за короткий срок приводящие к благоприятному исходу, будут ценны для тщеславия терапевта и покажут врачебное значение психоанализа; для продвижения научного познания они, как правило, несущественны. На них ничему новому не научишься. Они удались так быстро лишь потому, что все, что было необходимо для их проведения, уже было известно. Новое можно узнать только из анализов, обнаруживающих особые трудности, для преодоления которых требуется тогда много времени. Только в этих случаях удается спуститься в самые глубокие и примитивные слои душевного развития и там получить решения проблем более поздних образований. Тогда говоришь себе, что, строго говоря, только тот анализ, который проник так далеко, заслуживает такого названия. Разумеется, один отдельный случай не научит всему, что хотелось бы знать. Правильнее сказать, он мог бы научить всему, если бы только человек был способен все понимать, а не вынуждался бы довольствоваться малым из-за необученности собственного восприятия.

Что касается таких плодотворных трудностей, то описываемый здесь случай болезни не оставляет желать ничего лучшего. Первые

годы лечения едва ли принесли изменение. По счастливому стечению обстоятельств, несмотря на все внешние условия, терапевтическую попытку удалось продолжить. Могу легко допустить, что при менее благоприятных условиях через некоторое время лечение было бы прекращено. Относительно позиции врача я могу только сказать, что в таком случае он должен вести себя точно так же «вне времени», как и само бессознательное[1], если хочет что-то узнать и чего-то достичь. В конечном счете он это осуществляет, если способен отказаться от недальновидного терапевтического честолюбия. На ту меру терпения, уступчивости, понимания и доверия, которая требуется от больного и его родных, можно рассчитывать в немногочисленных других случаях. Но аналитик вправе себе сказать, что результаты, которые он получил в одном случае после такой долгой работы, теперь помогут ему значительно сократить продолжительность лечения следующего, такого же тяжелого заболевания и, таким образом, постепенно преодолеть «вневременность» бессознательного после того, как он подчинился ему в первый раз.

Пациент, которым я здесь занимаюсь, долгое время оставался недоступным, окопавшись за установкой послушной безучастности. Он внимательно слушал, понимал, но ничего не принимал близко к сердцу. Его безупречная интеллигентность была словно отрезана от сил влечений, господствовавших над его поведением в немногочисленных оставшихся у него в наличии жизненных отношениях. Потребовалось длительное воспитание, чтобы подвигнуть его принять самостоятельное участие в работе, и когда вследствие этих усилий наступило первое облегчение, он тут же прекратил работу, чтобы предотвратить дальнейшие изменения и комфортно пребывать в создавшейся ситуации. Его боязнь самостоятельного существования была столь велика, что уравновешивала все тяготы, связанные с нездоровьем. Нашелся один-единственный способ, чтобы ее преодолеть. Мне пришлось ждать до тех пор, пока привязанность к моей персоне стала достаточно сильной, чтобы создать ей противовес, и тогда я использовал этот фактор против другого. Руководствуясь верными признаками своевременности, я решил, что лечение должно быть завершено к определенному сроку независимо от того, насколько далеко оно продвинулось. Я был полон решимости соблюсти этот срок; в конце концов пациент поверил в серьезность моего намерения. Под неумолимым давлением этого установленного срока его сопротивление, его фиксация на нездоро-

[1] [Ср. «Бессознательное» (1915*e*), часть V.]

вье пошли на убыль, а анализ в несоразмерно короткое время предоставил теперь материал, который сделал возможным ослабление его торможений и устранение его симптомов. Из этого последнего периода работы, в котором сопротивление временно исчезло и больной производил впечатление просветленности, обычно достигаемой лишь в гипнозе, происходят также и все объяснения, позволившие мне понять его инфантильный невроз[1].

Таким образом, ход этого лечения иллюстрирует уже давно признанное аналитической техникой положение, что длина пути, который должен пройти анализ с пациентом, и обилие материала, которое необходимо на этом пути одолеть, не имеют значения в сравнении с сопротивлением, встречающимся во время работы, и они принимаются во внимание лишь постольку, поскольку они неизбежно пропорциональны сопротивлению. Это точно такой же процесс, как и тогда, когда теперь неприятельская армия тратит недели и месяцы, чтобы пройти расстояние, которое обычно в мирное время проезжают за несколько часов скорым поездом и которое незадолго до этого собственная армия прошла за несколько дней. Третья особенность описываемого здесь анализа лишь осложнила намерение о нем сообщить. Его результаты в целом вполне совпали с нашими прежними знаниями или хорошо с ними согласовались. Но некоторые детали мне самому показались столь удивительными и невероятными, что у меня возникло сомнение, что сумею добиться доверия к ним у других. Я требовал от пациента строжайшей критики в отношении своих воспоминаний, но он не находил ничего невероятного в своих высказываниях и не желал от них отказываться. Во всяком случае читатели могут быть убеждены в том, что сам я лишь сообщаю то, с чем я столкнулся, как независимое переживание без какого-либо влияния со стороны моих ожиданий. Таким образом, мне не остается ничего другого, как вспомнить мудрое изречение, что между небом и землей происходят такие вещи, какие и не снились нашим мудрецам[2]. Тот, кто сумел бы еще основательней исключить предвзятые убеждения, несомненно, смог бы обнаружить еще больше таких вещей[3].

---

[1] [Установление конечного срока в анализе было техническим новшеством, которое Фрейд ввел в данном случае.]

[2] [Ср. «Гамлет», акт I, 5-я сцена.]

[3] [Очень сложная хронология данного случая станет понятнее, если обратиться за сведениями к примечанию на с. 230–231.]

II
ОБЗОР УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ

Историю моего пациента я не могу писать ни чисто исторически, ни чисто прагматически; не могу дать ни истории лечения, ни истории болезни, а вынужден комбинировать друг с другом оба способа изложения. Как известно, пути, позволяющего каким-то образом передать вытекающее из анализа убеждение при его воспроизведении, пока не найдено. Исчерпывающие протокольные записи событий во время аналитических сеансов, несомненно, ничем бы этому не способствовали; да и составление их исключено техникой лечения. Поэтому такие анализы не публикуют с целью убедить тех, кто до сих пор все отвергал и проявлял недоверие. Можно ожидать дать что-нибудь новое только таким исследователям, которые уже пришли к определенному убеждению благодаря собственному опыту работы с больными.

Начну с того, что опишу мир ребенка и сообщу из истории его детства то, что можно было узнать без особых усилий и что за многие годы не стало более полным и ясным.

Рано женившиеся родители, еще живущие в счастливом браке, первую тень на который вскоре бросают их заболевания: болезни нижней части живота у матери и первые приступы дурного настроения у отца, повлекшие за собой его отлучки из дома. Разумеется, болезнь отца пациент начинает понимать лишь гораздо позднее, но с болезненностью матери знакомится уже в ранние детские годы. Из-за нее она сравнительно мало занималась детьми. Однажды, совершенно точно до того, как ему исполнилось четыре года[1], он слышит, как мать, которая ведет ее за руку, провожая из дома врача, жалуется тому, и запоминает ее слова, чтобы позднее использовать их для себя [ср. с. 192]. Он не единственный ребенок; у него есть сестра, старше его на два года, живая, одаренная и рано испорченная, которой достается важная роль в его жизни.

---

[1] [См. с. 192, прим. В изданиях до 1924 года говорилось: «возможно, на шестом году жизни».]

Насколько он помнит, за ним ухаживает няня, необразованная пожилая женщина из народа, которая относится к нему с неисчерпаемой нежностью. Он становится для нее заменой собственного рано умершего сына. Семья живет в поместье, которое летом сменяется на другое. Большой город находится недалеко от обоих имений. В его детстве есть целый период, когда родители продают поместья и переезжают в город. Часто в течение долгого времени в том или другом имении проживают близкие родственники, братья отца, сестры матери и их дети, дедушка и бабушка со стороны матери. Летом родители имеют обыкновение уезжать на несколько недель. Одно покрывающее воспоминание рисует ему картину, как он со своей няней смотрит вслед экипажу, увозящему отца, мать и сестру, а затем спокойно возвращается домой. Наверное, он был тогда очень маленьким[1]. Следующим летом сестру оставили дома, и была нанята английская гувернантка, которой было назначено следить за детьми.

В более поздние годы ему много рассказывали о его детстве[2]. Многое он знал сам, но, разумеется, без временнуй или содержательной взаимосвязи. Одно из этих преданий, бесчисленное множество раз пересказанное ему впоследствии по случаю его заболевания, знакомит нас с проблемой, решение которой будет нас занимать. Сначала он, видимо, был очень кротким, послушным и скорее спокойным ребенком, и поэтому часто говорили, что ему надо было быть девочкой, а старшей сестре — мальчишкой. Но однажды, когда родители вернулись из летней поездки, они обнаружило, что он изменился. Он стал недовольным, раздражительным, вспыльчивым, обижался по любому поводу, тогда он бушевал и кричал, как дикарь, так что родители, когда это состояние продолжалось, высказывали опасение, что впоследствии будет невозможно послать его в школу. Это было в то лето, когда появилась английская гувернантка, оказавшаяся глупой, несносной особой, к тому же пре-

---

[1] $2^1/_2$ года. Почти все сроки впоследствии удалось надежно установить.

[2] Сообщения подобного рода, как правило, можно использовать как материал, обладающий неограниченной достоверностью. Поэтому напрашивается мысль, не прикладывая особого труда, восполнить пробелы в воспоминаниях пациента расспросами старших членов семьи, однако я бы довольно решительно не советовал использовать эту технику. То, что рассказывают родственники, когда их об этом просят или расспрашивают, подлежит всякого рода критическому сомнению, которое необходимо учитывать. Всегда сожалеешь, что приходится зависеть от этих сведений, при этом нарушается доверие к анализу, и над ним оказывается поставлена другая инстанция. То, что вообще можно вспомнить, проявляется в ходе дальнейшего анализа.

дававшейся пьянству. Поэтому мать была склонна связать изменение характера мальчика с влиянием этой англичанки и предположила, что та привела его в раздражение своим обращением. Проницательная бабушка, проведшая лето с детьми, придерживалась мнения, что раздражительность мальчика вызвана ссорами между англичанкой и няней. Англичанка не раз называла няню ведьмой, вынуждала ее покинуть комнату; малыш открыто принимал сторону любимой «нани» и выражал гувернантке свою ненависть. Как бы то ни было, вскоре после возвращения родителей англичанку спровадили, но в капризном характере ребенка ничего не изменилось.

Воспоминание об этом тяжелом времени сохранилось у пациента. Он считает, что первую из своих сцен он устроил, когда однажды на рождество он не получил двойного подарка, как ему причиталось, поскольку день рождества одновременно был и днем его рождения. Своими претензиями и обидами он не щадил и любимую «наню», более того, мучил ее, возможно, безжалостнее всего. Но эта фаза изменения характера в его воспоминании неразрывно связана со многими другими странными и болезненными явлениями, которые он не может упорядочить во времени. Все, о чем теперь должно быть сообщено, чего не могло быть одновременно и что полно содержательного противоречия, он относит к одному и тому же промежутку времени, которое обозначает как «еще в первом имении». Он полагает, что они покинули это имение, когда ему было пять лет[1]. Он может рассказать, что страдал страхом, чем пользовалась его сестра, чтобы его помучить. У него была известная книга с картинками, в которой был изображен волк, широко шагающий на задних лапах. Когда он видел эту книгу, он начинал неистово кричать; он боялся, что придет волк и его съест. Но сестра умела всегда так устраивать, что ему приходилось видеть эту картинку, и потешалась его испугом. Между тем он боялся также других животных, больших и маленьких. Однажды он погнался за крупной красивой бабочкой с крыльями в желтую полоску и заостренным кончиком, чтобы ее поймать. (Наверное, это был махаон[2].) Внезапно его охватил жуткий страх перед бабочкой, и, заревев, он оставил

---

[1] [При этом пациент, видимо, имел в виду имение, в котором семья обычно проводила бульшую часть года (ср. с. 135). По прошествии некоторого времени оба семейных имения были проданы и было приобретено новое поместье, как Фрейд сообщил своим английским переводчикам, Аликс и Джеймсу Стрейчи (ср. с. 206).]

[2] [Здесь и в начале раздела VIII, ниже, в изданиях до 1924 года говорилось «адмирал».]

преследование. Он испытывал страх и отвращение также перед жуками и гусеницами. Однако он сумел вспомнить, что в то же время мучил жуков и разрезал гусениц; также и лошади вызывали у него чувство тревоги. Когда били лошадь, он вскрикивал и из-за этого однажды был вынужден покинуть цирк. В других случаях он сам любил бить лошадей. Но действительно ли эти противоположные формы поведения по отношению к животным проявлялись одновременно или же, наоборот, они сменяли друг друга, а если да, то в какой очередности и когда, — этого по его воспоминаниям решить было нельзя. Он не мог также сказать, сменился ли этот его тяжелый период фазой болезни или он продолжался в ее течение. Во всяком случае его последующие сообщения давали основание предполагать, что в те детские годы он перенес явное выраженное заболевание неврозом навязчивости. Он рассказывал, что долгое время был очень набожным. Перед тем как лечь спать, он должен был долго молиться и бесконечно осенять себя крестным знамением. Он также имел обыкновение по вечерам, взобравшись на кресло, обходить по кругу все иконы, висевшие в комнате, и благоговейно целовать каждую по отдельности. С этим благочестивым церемониалом очень плохо — или, быть может, наоборот, очень хорошо — вязалось то, что он вспоминал богохульные мысли, которые приходили ему в голову как наваждение дьявола. Он должен был думать: Бог — свинья или Бог — дерьмо. Однажды во время поездки на немецкий курорт он страдал от того, что навязчиво думал о святой троице, увидев на улице три кучки навоза или других экскрементов. Тогда же он соблюдал своеобразный церемониал, если видел людей, которых ему становилось жаль: нищих, калек, старцев. Он должен был с шумом выдохнуть воздух, чтобы не стать таким, как они, при определенных других условиях — также втягивать с силой воздух. Мне казалось естественным предположить, что эти явные симптомы невроза навязчивости относились к несколько более позднему времени и периоду развития, чем проявления страха и жестокие поступки по отношению к животным.

Более зрелые годы пациента были отмечены его очень неблагоприятными отношениями со своим отцом, который после неоднократных приступов депрессии уже не мог тогда скрывать болезненных сторон своего характера. В первые детские годы эти отношения были очень нежными, и воспоминания о них сохранились в памяти сына. Отец его очень любил и с удовольствием с ним играл. С малых лет мальчик гордился отцом и всегда говорил, что хочет быть таким господином, как тот. «Наня» ему сказала, что сес-

тра — ребенок матери, а он — ребенок отца, чем он был очень доволен. На исходе детства между ним и отцом появилась отчужденность. Отец, несомненно, отдавал предпочтение сестре, и он был этим очень сильно обижен. Позднее доминирующим стал страх перед отцом.

Примерно в восемь лет все явления, которые пациент причисляет к фазе жизни, начавшейся вместе с «плохостью», исчезли. Они исчезли не сразу, а несколько раз возвращались снова, но в конце концов отступили, как думает больной, под влиянием учителей и воспитателей, которые затем заняли место воспитателей женского пола. Таковы в самых общих чертах загадки, решить которые было поручено анализу: чем обусловлено внезапное изменение характера мальчика, что означали его фобия и его извращенности, каким образом он пришел к своей навязчивой набожности и как связаны между собой все эти феномены? Еще раз напоминаю о том, что наша терапевтическая работа касалась последующего нового невротического заболевания и что разъяснение тех более ранних проблем могло быть получено только тогда, когда анализ в своем течении на какое-то время отступал от настоящего и заставлял нас идти окольным путем через детскую доисторическую эпоху.

III
СОВРАЩЕНИЕ И ЕГО БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Первое подозрение естественным образом пало на английскую гувернантку, в присутствие которой у мальчика произошла перемена. У него сохранились два относившихся к ней непонятных покрывающих воспоминания. Однажды, когда шла впереди, она сказала следовавшим за ней: «Посмотрите же на мой хвостик!» В другой раз во время езды, к великому удовлетворению брата и сестры, у нее улетела шляпа. Это указывало на комплекс кастрации и позволило создать конструкцию, что некая ее угроза, адресованная мальчику, во многом способствовала возникновению его ненормального поведения. Высказывать анализируемому такие конструкции совершенно безопасно, они никогда не вредят анализу, если оказываются ошибочными, и их никто не высказывает, если не видит шансов с их помощью так или иначе приблизиться к реальным фактам. В качестве ближайшего воздействия этого предположения появились сновидения, толкование которых в полной мере не удалось, но которые, по-видимому, всегда разыгрывались вокруг одного и того же содержания. Насколько их можно было понять, речь в них шла об агрессивных поступках мальчика по отношению к сестре или гувернантке и об энергичных нагоняях и наказаниях за них. Как будто он... после купания... обнажить сестру... покрывала... или одеяла... хотел сорвать и тому подобное. Но из толкования не удалось получить достоверного содержания, и когда создалось впечатление, что в этих сновидениях все время по-разному перерабатывается один и тот же материал, стало ясно, как следует понимать эти мнимые воспоминания. Речь могла идти лишь о фантазиях о своем детстве, которые когда-то, вероятно, в пубертатном возрасте, возникли у сновидца и которые теперь вновь проявились в столь трудно узнаваемой форме.

Они стали сразу понятны, когда пациент вдруг вспомнил тот факт, что сестра, «когда он был еще очень маленький, в первом имении», соблазнила его на сексуальные действия. Сначала появилось воспоминание, что в уборной, которой дети часто

пользовались вместе, она предложила: «Давай покажем друг другу попу», — а за словом последовало и дело. Впоследствии вспомнилось более существенное в соблазнении со всеми подробностями, связанными с временем и местом. Это было весной, в то время, когда отец отсутствовал; дети играли на полу в одной комнате, а мать занималась своими делами в соседней. Сестра взяла его член, стала с ним играть и при этом словно в объяснение сказала непонятные вещи про няню. Няня делает то же самое со всеми людьми, например с садовником; она ставит его на голову, а затем хватает его гениталии.

Тем самым стали понятны ранее угаданные фантазии. Они должны были стереть воспоминание о событии, которое впоследствии казалось предосудительным для мужского самолюбия пациента, и достигли этой цели, заменив историческую правду противоположным желанием. Согласно этим фантазиям, он не играл пассивную роль по отношению к сестре; напротив, он был агрессивным, хотел видеть сестру обнаженной, был отвергнут, наказан и поэтому впал в гнев, о котором так много рассказывала домашняя традиция. В этот вымысел было целесообразно вплести также и гувернантку, которой мать и бабушка приписывали главную вину в его приступах ярости. Стало быть, эти фантазии в точности соответствовали сложению легенд, которыми будущая великая и гордая нация пытается скрыть слабость и невзгоды в начале своей истории[1].

На самом деле в совращении и его последствиях гувернантка могла принимать лишь весьма отдаленное участие. Сцены с сестрой случились весной того же самого года, в летние месяцы которого появилась гувернантка в качестве замены отсутствующих родителей. Скорее всего, враждебность мальчика к гувернантке возникла иным образом. Ругая бонну и обзывая ее ведьмой, она для него пошла по стопам сестры, которая первой рассказала те чудовищные вещи про бонну и, таким образом, позволила ему проявить по отношению к ней антипатию, которая, как мы узнаем, вследствие совращения развилась к сестре.

Однако совращение сестрой, несомненно, фантазией не было. Его достоверность была подтверждена никогда не забывавшимся сообщением в более позднем, зрелом возрасте. Двоюродный брат, старший более чем на десять лет, в одном разговоре о сестре сказал

---

[1] [Более подробное обсуждение этого момента см. в очерке Фрейда о Леонардо да Винчи (1910*c*; в начале главы II; *Studienausgabe*, т. 10, с. 110–111).]

ему, что очень хорошо помнит, какой излишне любопытной и чувственной крошкой она была. Ребенком четырех или пяти лет она как-то села ему на колени и расстегнула штаны, чтобы взять его член.

Мне хотелось бы здесь прервать историю детства моего пациента, чтобы поговорить об этой сестре, ее развитии, дальнейшей судьбе и о ее влиянии на него. Она была старше его на два года и всегда во всем его опережала. Ребенком она была по-мальчишески шаловливой, затем пошла по пути блестящего интеллектуального развития, отличалась острым реалистичным умом, в своих занятиях предпочитала естественные науки, но также сочиняла стихи, которые высоко оценивались отцом. Умственно она значительно превосходила своих многочисленных первых ухажеров и имела обыкновение насмехаться над ними. Но с наступлением двадцатилетнего возраста у нее начало портиться настроение; она жаловалась, что недостаточно красива, и стала избегать всякого общества. Ее отправили путешествовать в сопровождении хорошо знакомой пожилой дамы; вернувшись домой, она рассказывала совершенно невероятные вещи, как с нею жестоко обращалась ее спутница, но явно оставалась фиксированной на мнимой мучительнице. Во время вскоре последовавшего второго путешествия она отравилась и умерла вдали от дома. Вероятно, ее нарушение соответствовало началу dementia praecox. Она явилась одним из доказательств значительной невропатической наследственности в семье, но отнюдь не единственным. Один дядя, брат отца, умер после долгих лет затворнического существования с рядом признаков, свидетельствовавших о тяжелом неврозе навязчивости; значительное число родственников по боковой линии страдало и страдает более легкими нервными нарушениями.

Для нашего пациента сестра была в детстве — не считая соблазнения — неудобным конкурентом в борьбе за авторитет у родителей, беспощадно демонстрируемое превосходство которого было для него очень тягостным. Особенно он завидовал ей из-за того уважения, которое отец выражал по поводу ее умственных способностей и интеллектуальных достижений, тогда как он, будучи интеллектуально заторможенным с тех пор, как у него развился невроз навязчивости, был вынужден довольствоваться низкой оценкой. После того как ему исполнилось четырнадцать лет, отношения между братом и сестрой начали улучшаться; сходные духовные задатки и общая оппозиция родителям настолько их сблизили, что они общались между собой, как лучшие приятели. Испытывая сильнейшее

сексуальное возбуждение в пубертатный период, он отважился совершить попытку вступить с ней в интимные отношения. Когда же она ему отказала столь же решительно, как и умело, он тут же обратился к молоденькой крестьянской девушке, прислуживавшей в доме и носившей то же имя, что и сестра. Этим он совершил шаг, определивший его гетеросексуальный выбор объекта, ибо все девушки, в которых он затем влюблялся — зачастую при самых явных симптомах навязчивости, — тоже были прислугой и значительно уступали ему в образованности и умственном развитии. Если все эти объекты любви были заменами недоступной для него сестры, то нельзя отрицать, что его выбор объекта предопределила тенденция к унижению сестры, к упразднению ее интеллектуального превосходства, которое когда-то так его тяготило[1].

Мотивам этого рода, происходящим от воли к власти, влечения индивида к самоутверждению, Адлер подчинил, как и все остальное, также и сексуальное поведение людей. Не отрицая значимости таких мотивов власти и привилегии, я никогда не был убежден в том, что они могут играть приписываемую им доминирующую и исключительную роль. Если бы я не довел анализа моего пациента до конца, то наблюдаемый случай должен был бы стать поводом для меня к корректировке моего предубеждения в духе Адлера. Неожиданным образом окончание этого анализа принесло новый материал, из которого в свою очередь стало понятно, что эти мотивы власти (в нашем случае тенденция к унижению) определили выбор объекта только в значении определенного вклада и рационализации, тогда как настоящая, более глубокая детерминация позволила мне продолжать придерживаться моих прежних убеждений[2].

Когда пришло известие о смерти сестры, — рассказывал пациент, — он едва ли ощутил даже намек на душевную боль. Он заставлял себя проявлять признаки печали и с полным душевным спокойствием мог радоваться тому, что остался теперь единственным наследником имущества. Когда это случилось, он уже несколько лет находился во власти своей нынешней болезни. Но я должен признаться, что это сообщение на какое-то время лишило меня уверенности в правильной диагностической оценке этого случая. Хотя

---

[1] [Ср. более раннюю разработку Фрейдом этой темы (1912*d*).]

[2] См. ниже, с. 207. [Более подробное обсуждение взглядов Адлера содержится в части III работы Фрейда «Об истории психоаналитического движения» (1914*d*).]

можно было предположить, что выражение скорби из-за потери самого любимого члена его семьи будет заторможено из-за продолжающей действовать ревности к ней и примешивания ставшей бессознательной инцестуозной влюбленности, я все же не мог отказаться от мысли, что для не проявившейся вспышки страдания должна быть какая-нибудь замена. Таковая в конце концов нашлась в другом, оставшемся ему непонятным проявлении чувств. Через несколько месяцев после смерти сестры он сам отправился в путешествие в местность, где она умерла, посетил там могилу великого поэта, бывшего тогда его идеалом, и пролил горячие слезы на этой могиле. Эта реакция была странной и для него самого, ибо ему было известно, что после смерти почитаемого поэта прошло больше, чем два поколения. Он понял ее только тогда, когда вспомнил, что отец имел обыкновение сравнивать стихи покойной сестры со стихами великого поэта. Другое указание на правильное понимание этого почитания, якобы адресованного поэту, он дал мне благодаря ошибке в своем рассказе, которую я смог извлечь в этом месте. Прежде он не раз говорил, что сестра застрелилась, а затем должен был поправляться, что она приняла яд. Поэт же был застрелен во время дуэли на пистолетах[1].

Теперь возвращаюсь к истории брата, часть которой, однако, с этого места я должен буду изложить прагматически. Оказалось, что возраст мальчика, когда сестра начала свои совращающие действия, составлял $3^1/_4$ года[2]. Как уже говорилось, это случилось весной того же года, осенью которого родители по своем возвращении обнаружили в нем столь существенную перемену. Напрашивается мысль связать это изменение с произошедшим тем временем пробуждением его сексуальности.

Как среагировал мальчик на искушения старшей сестры? Ответ гласит: отказом, но отказ относился к лицу, а не к делу. Сестра как сексуальный объект была ему неприятна, вероятно, потому, что отношение к ней уже было враждебным из-за соперничества за любовь родителей. Он ее избегал, и ее приставания тоже вскоре закончились. Но он попытался вместо нее найти другого, более приемлемого человека, и рассказы самой сестры, ссылавшейся на пример няни, направили его выбор на нее. Он начал поэтому играть перед няней своим членом, что, как и во многих других случаях, когда дети не скрывают онанизма, должно пониматься как попытка

---

[1] [По утверждению самого Волкова: Лермонтов.]

[2] [В изданиях до 1924 года здесь говорилось: «$3^1/_4$–$3^1/_2$ года».]

соблазнения. Няня разочаровала его, она сделала серьезное лицо и заявила, что так делать нехорошо. Дети, которые так делают, в этом месте получают «рану».

Влияние этих слов, которые походили на угрозу, можно проследить в разных направлениях. Благодаря им ослабла его привязанность к няне. Он мог бы на нее разозлиться; позднее, когда начались его приступы ярости, оказалось также, что он действительно был на нее рассержен. Но для него было характерно, что любую позицию либидо, от которой он должен был отказаться, он сначала упорно отстаивал против новой. Когда на сцене появилась гувернантка и стала поносить няню, прогнала из комнаты, пыталась подорвать ее авторитет, он, напротив, преувеличил свою любовь к той, кому угрожали, и повел себя неприязненно и своенравно по отношению к нападающей гувернантке. Тем не менее он втайне начал искать другой сексуальный объект. Соблазнение дало ему пассивную сексуальную цель — желание ощутить прикосновение к своим гениталиям; мы узнаем, от кого он хотел этого добиться и какие пути вели его к этому выбору.

В полном соответствии с нашими ожиданиями мы узнаем, что с первыми генитальными возбуждениями начались его сексуальные исследования и что вскоре он столкнулся с проблемой кастрации. В это время он имел возможность наблюдать при мочеиспускании двух девочек, свою сестру и ее подругу. Его проницательность могла бы ему помочь при виде этого понять истинное положение вещей, но при этом он повел себя так, как это известно нам о других детях мужского пола. Он отверг мысль, что видит здесь подтверждение раны, которой угрожала няня, и дал себе объяснение, что это — «передняя попа» девочек. Такое решение не помогло покончить с темой кастрации; из всего, что он слышал, он извлекал новые намеки на нее. Когда однажды детям раздали окрашенные сахарные палочки, гувернантка, которая была склонна к беспутным фантазиям, заявила, что это куски разрезанных змей. Тут он вспомнил, что однажды во время прогулки отец встретил на тропинке змею и разрубил ее на куски своей палкой. Он слышал прочитанную вслух историю (из «Рейнеке-Лиса»), как волк зимой захотел ловить рыбу и использовал в качестве приманки свой хвост, при этом хвост замерз во льду и оторвался. Он узнавал разные названия, которыми обозначают лошадей в зависимости от невредимости их полового органа. Стало быть, его занимали мысли о кастрации, но он пока еще в нее

не верил и ее не боялся. Другие сексуальные проблемы возникали для него из сказок, которые стали ему известны в это время. В «Красной Шапочке» и в «Семерых козлятах» детей вытаскивали из живота волка. Означало ли это, что волк был женским существом, или мужчины тоже могли иметь в животе детей? Тогда это еще не было решено. Впрочем, во время этого исследования он еще не знал страха перед волком.

Одно из сообщений пациента проложит нам путь к пониманию изменения характера, произошедшее у него в отсутствие родителей в отдаленной связи с совращением. Он рассказывает, что после отказа и угрозы няни он очень скоро отказался от онанизма. *Таким образом, начинающаяся сексуальная жизнь под руководством генитальной зоны подверглась внешнему торможению и под его воздействием была отброшена на более раннюю фазу догенитальной организации*. Вследствие подавления онанизма сексуальная жизнь мальчика приняла анально-садистский характер. Он стал раздражительным, склонным к мучительству, удовлетворял себя таким образом с людьми и животными. Его главным объектом была любимая няня, которую он истязал до тех пор, пока она не начинала рыдать. Так он ей мстил за пережитый отказ и вместе с тем удовлетворял свое сексуальное желание в форме, соответствующей регрессивной фазе. Он начал проявлять жестокость к маленьким животным, ловить мух, чтобы отрывать им крылья, давить жуков; в своей фантазии он также любил бить крупных животных, лошадей. Таким образом, это всегда были активные, садистские проявления; об анальных побуждениях этого времени речь пойдет в дальнейшем.

Очень ценно, что в воспоминании пациента одновременно всплывали фантазии совершенно иного рода, с тем содержанием, что наказывали и били мальчиков, в особенности били по пенису; а для кого эти анонимные объекты служили мальчиками для битья, можно легко догадаться из других фантазий, которые рисовали ему картины того, как престолонаследника запирают в карцер и бьют. Престолонаследником, очевидно, был он сам; стало быть, садизм обратился в фантазии против собственной персоны и перешел в мазохизм. Та деталь, что наказанию подвергается сам половой член, позволяет сделать вывод, что в этом превращении уже было задействовано сознание вины, относившееся к онанизму[1].

---

[1] [Относительно темы фантазий о побоях см. Freud, 1919*e*.]

В анализе не оставалось сомнения, что эти пассивные стремления появились одновременно или очень скоро после активно-садистских[1]. Это соответствует необычайно отчетливой, интенсивной и стойкой *амбивалентности*[2] больного, которая здесь впервые проявилась в равномерном развитии пар противоположных парциальных влечений. И в дальнейшем это поведение оставалось для него таким же характерным, как и другая черта, которая заключалась в том, что, собственно говоря, ни одна из сформированных когда-либо позиций либидо не упразднялась полностью более поздней. Она продолжала существовать наряду со всеми другими и позволяла ему непрерывно колебаться, что было несовместимым с приобретением фиксированного характера.

Мазохистские стремления мальчика приводят к другому пункту, упоминание о котором я оставил для себя на потом, потому что его можно установить только путем анализа следующей фазы развития пациента. Я уже упоминал, что после отказа, полученного от няни, он уже не связывал свои либидинозные ожидания с нею и наметил для себя в качестве сексуального объекта другого человека. Этим человеком был отсутствовавший тогда отец. К этому выбору, несомненно, его привело совпадение ряда моментов, в том числе случайных, как-то: воспоминание о расчленении змеи; но, главное, этим он обновил свой первый и самый ранний выбор объекта, который в соответствии с нарцизмом маленького ребенка был осуществлен посредством идентификации[3]. Мы уже слышали, что отец был для него образцом, которым он восхищался, что на вопрос о том, кем он хочет быть, он имел обыкновение отвечать: «Господином, как отец». Этот объект идентификации его активного течения стал теперь сексуальным объектом пассивного течения в анально-садистской фазе. Создается впечатление, что совращение сестрой оттеснило его в пассивную роль и дало ему пассивную сексуальную цель. Под продолжающимся влиянием этого переживания он описал теперь путь от сестры через няню к отцу, от пассивной установки по отношению к женщине к такому же отношению к мужчине и при

---

[1] Под пассивными стремлениями я понимаю стремления с пассивной сексуальной целью, но при этом имею в виду не превращение влечения, а только превращение цели.

[2] [В данном случае термин «амбивалентность» используется необычно; как правило, Фрейд применял его в значении колебания чувств между любовью и ненавистью.]

[3] [Более подробное обсуждение темы идентификации содержится в главе VII «Психологии масс» (1921*c*).]

этом все же нашел привязку к своей более ранней спонтанной фазе развития. Теперь отец снова был его объектом; соответственно более высокому уровню развития идентификация сменилась выбором объекта; превращение активной установки в пассивную было результатом и признаком случившегося тем временем совращения. Осуществить в садистской фазе активную установку по отношению к могущественному отцу было бы, разумеется, не так-то просто. Когда отец вернулся поздним летом или осенью, приступы ярости и буйные сцены ребенка получили новое применение. По отношению к няне они служили активно-садистским целям; по отношению к отцу они преследовали мазохистские намерения. Демонстрацией того, какой он плохой, он хотел заставить отца прибегнуть к наказанию и побоям, то есть хотел получить от него желанное мазохистское сексуальное удовлетворение. Стало быть, его приступы крика представляли собой прямо-таки попытки совращения. Соответственно мотивации мазохизма при таком наказании он нашел бы также удовлетворение своего чувства вины. У него сохранилось воспоминание, как во время такой сцены плохого поведения он усиливает свой крик, как только к нему подходит отец. Но отец его не бьет, а пытается успокоить, играя перед ним, как мячом, подушками кроватки.

Я не знаю, как часто родители и воспитатели, столкнувшись с необъяснимым плохим поведением ребенка, имели бы повод вспомнить об этой типичной взаимосвязи. Ребенок, который ведет себя столь необузданно, сознается в своей вине и хочет спровоцировать наказание. Вместе с тем в наказании он стремится успокоить сознание своей виновности и удовлетворить свое мазохистское сексуальное стремление[1].

Дальнейшим разъяснением нашего случая мы обязаны появившемуся с большой уверенностью воспоминанию, что все симптомы тревоги присоединились к признакам изменения характера только после одного события. До этого тревоги не было, а непосредственно после события тревога проявилась в мучительной форме. Дату этого превращения можно указать абсолютно точно, это случилось перед самым днем рождения, когда ему исполнилось четыре года. Период детства, которым мы хотели заняться, благодаря этой отправной точке распадается на две фазы: первая — пло-

---

[1] [Ср. описание Фрейдом «преступника из сознания своей виновности», составляющее раздел III его работы «Некоторые типы характера из психоаналитической практики» (1916*d*).]

хого поведения и извращенности — от совращения в $3^1/_4$ года до дня рождения, и более продолжительная последующая, в которой преобладают признаки невроза. Но событие, позволяющее провести такое деление, не было внешней травмой; это был сон, от которого он пробудился с тревогой.

IV
СНОВИДЕНИЕ И ПЕРВИЧНАЯ СЦЕНА[1]

Этот сон из-за содержащегося в нем сказочного материала я уже опубликовал в другом месте[2] и сначала повторю то, о чем там сообщалось.

«*Мне снилось, что — ночь, и я лежу в моей кровати (моя кровать стояла изножьем к окну; перед окном находился ряд старых ореховых деревьев. Я знаю, что была зима, когда я видел этот сон, и ночное время). Вдруг окно само распахивается, и я вижу, испытывая сильный страх, что на большом ореховом дереве перед окном сидит несколько белых волков. Их было шесть или семь штук. Волки были совершенно белые и скорее выглядели, как лисицы или овчарки, ибо у них были большие хвосты, как у лисиц, а их уши стояли, как у собак, когда они настороже. Испытывая сильный страх, очевидно, что волки меня съедят, я закричал* и проснулся. Моя няня поспешила к моей кроватке, чтобы посмотреть, что со мною случилось. Прошло много времени, прежде чем я убедился, что это был только сон, — так естественно и ясно предстала передо мной картина, как открывается окно, а на дереве сидят волки. Наконец я успокоился, почувствовал себя так, как будто избавился от какой-то опасности, и снова заснул.

Единственным действием в сновидении было распахивание окна, ибо волки сидели совершенно спокойно безо всякого движения на ветках дерева, справа и слева от ствола, и глядели на меня. Было похоже на то, что все свое внимание они сосредоточили на мне. Я думаю, что это был мой первый страшный сон. Мне было тогда три, четыре, самое большее — пять лет. До одиннадцати или двенадцати лет я с тех пор всегда боялся увидеть что-нибудь страшное во сне».

Затем он дает еще рисунок дерева с волками, подтверждающий его описание [рис. 5]. Анализ сновидения выявляет нижеследующий материал.

---

[1] [См. ниже с. 158, прим. 2.]

[2] «Сказочный материал в сновидениях» (1913*d*).

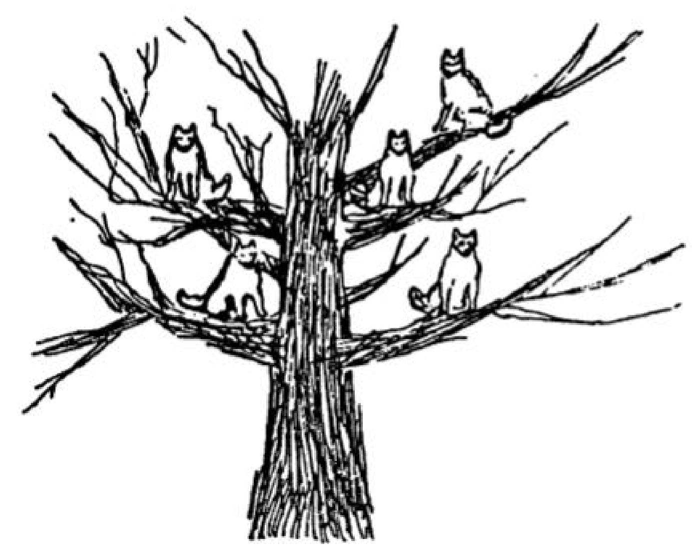

Рис. 5.

Это сновидение он всегда связывал с воспоминанием о том, что в эти детские годы он обнаруживал неимоверный страх перед изображением волка в одной книжке сказок. Старшая, намного превосходившая его сестра имела обыкновение его дразнить, показывая ему под тем или иным предлогом именно эту картинку, после чего он в ужасе начинал истошно кричать. На этой картинке волк стоял вертикально, широко ступая задними лапами, вытянув вперед передние и навострив уши. Он думает, что эта картинка в качестве иллюстрации относилась к сказке о Красной Шапочке.
Почему волки белые? Это наводит его на мысль об овцах, большие стада которых держали поблизости от имения. Отец иногда брал его с собой посещать эти стада, и тогда каждый раз он был очень горд и счастлив. Позднее — по наведенным справкам вполне может быть, что незадолго до этого сновидения — среди овец разразилась эпидемия. Отец пригласил одного ученика Пастера, который вакцинировал животных, но после прививки они погибали в еще большем количестве, чем прежде.
Как волки попали на дерево? В этой связи ему приходит на ум история, которую он слышал от дедушки. Он не может

вспомнить, до или после сновидения, но ее содержание определенно свидетельствует о первом. История гласит: «Один портной сидит в своей комнате за работой, как вдруг распахивается окно и в комнату впрыгивает волк. Портной бьет его аршином, нет — поправляется он, — хватает его за хвост и его отрывает, так что перепуганный волк мчится прочь. Через какое-то время портной идет по лесу и вдруг видит приближающуюся стаю волков, от которых спасается на дереве. Сначала волки не знают, что делать, но искалеченный волк, который находится среди них и хочет отомстить портному, предлагает, пусть один волк залезет на другого, пока последний не доберется до портного. Сам он — крепкий матерый волк — составит основание этой пирамиды. Волки так и делают, но портной узнал наказанного посетителя и вдруг закричит, как и тогда: "Ловите серого за хвост". При этом воспоминании бесхвостый волк пугается, убегает, а все остальные летят вниз кувырком».

В этом рассказе имеется дерево, на котором в сновидении сидят волки. Но он содержит также недвусмысленную привязку к комплексу кастрации. *Старого* волка портной лишил хвоста. Лисьи хвосты у волков в сновидении, видимо, являются компенсацией этого отсутствия хвоста.

Почему шесть или семь волков? Похоже, на этот вопрос нельзя было ответить, пока я не выразил сомнения, действительно ли его страшная картинка относится к сказке о Красной Шапочке. Эта сказка дает повод только к двум иллюстрациям: к встрече Красной Шапочки с волком в лесу и к сцене, когда волк лежит в чепчике бабушки в ее кровати. За воспоминанием о картинке должна, стало быть, скрываться какая-то другая сказка. Тогда он скоро признал, что это может быть только история о волке и семерых козлятах. Здесь тоже есть число семь, но также и шесть, ибо волк съедает только шестерых козлят, а седьмой прячется в корпусе стоячих часов. В этой истории встречается также и белый цвет, ибо волк велит пекарю выбелить себе лапу, после того как при его первом визите козлята узнали его по серой лапе. Впрочем, обе сказки имеют много общего. В обеих имеет место пожирание, вспарывание живота, извлечение съеденных, замена их тяжелыми камнями, и, наконец, в обеих злой волк погибает. В сказке о козлятах имеется также и дерево. После обеда волк ложится под дерево и храпит.

Этим сном ввиду одного его особого обстоятельства я должен буду заняться еще в другом месте, и тогда я разберу его и истолкую более подробно. Это первый страшный сон, сохранившийся в памяти из детства, содержание которого в связи с другими сновидениями, последовавшими вскоре после него, и с известными событиями в детстве сновидца вызывает интерес совершенно особого рода. Здесь мы ограничимся отношением сновидения к двум сказкам, имеющим много общего, к «Красной Шапочке» и к «Волку и семерым козлятам». Впечатление от этих сказок выразилось у маленького сновидца в форме настоящей фобии животных, которая отличается от других сходных случаев только тем, что животное, внушающее страх, не было легко доступным для восприятия объектом (таким, как лошадь и собака), а было знакомо лишь из рассказа и книжки с картинками.
В другой раз я изложу, какое объяснение имеют эти фобии животных и какое значение им причитается. Забегая вперед, я только отмечу, что это объяснение очень хорошо согласуется с главной особенностью невроза сновидца в более позднем возрасте. Страх перед отцом был сильнейшим мотивом его заболевания, и амбивалентное отношение к любому, кто замещал отца, определяли его жизнь, равно как и его поведение во время лечения.
Если у моего пациента волк был лишь первым заменителем отца, то возникает вопрос, имеют ли сказки о волке, который съедает козлят, и о Красной Шапочке своим тайным содержанием нечто иное, чем инфантильный страх «перед отцом»[1]. Впрочем, отец моего пациента обладал особенностью *«ласковой брани»*, которую столь многие люди проявляют в общении со своими детьми, и, наверное, в первые годы, когда впоследствии ставший строгим отец имел обыкновение играть и ласково болтать с сыночком, шутливая угроза: «Я тебя съем» — произносилась не один раз. Одна из моих пациенток рассказала мне, что оба ее ребенка так и не смогли полюбить дедушку, потому что, ласково играя с ними, он имел обыкновение их пугать, что разрежет им живот.

Оставим в стороне все, что в этой статье предвосхищает использование сновидения, и вернемся к его ближайшему толкованию.

---

[1] Ср. подчеркнутое О. Ранком сходство этих двух сказок с мифом о Кроносе (1912).

Хочу заметить, что это толкование представляло собой задачу, решение которой растянулось на нескольких лет. Пациент рассказал сновидение очень рано и вскоре проникся моим убеждением, что за ним скрывается причина его инфантильного невроза. В ходе лечения мы часто возвращались к сновидению, но только в последние месяцы терапии нам удалось понять его полностью, причем благодаря спонтанной работе пациента. Он всегда подчеркивал, что наибольшее впечатление на него произвели два момента сновидения: во-первых, полное спокойствие и неподвижность волков и, во-вторых, напряженное внимание, с которым все они на него смотрели. Ему также казалось заслуживающим внимания неослабное чувство реальности, в которое вылился сон.

С этого последнего мы и хотим начать. Мы знаем из опыта толкования сновидений, что это чувство реальности имеет определенное значение. Оно убеждает нас, что в латентном материале сновидения нечто претендует на действительность в воспоминании, то есть что сновидение относится к событию, которое действительно произошло, а не просто было выдумано[1]. Разумеется, речь может идти только о реальности чего-то неизвестного; например, убеждение, что дедушка действительно рассказал историю про портного и волка, или что ему действительно прочитали сказки про Красную Шапочку и про семерых козлят, никогда не могло бы быть заменено чувством реальности, длящимся дольше, чем сновидение. Сновидение, казалось, указывало на событие, реальность которого особо подчеркивается в противоположность нереальности сказок.

Если за содержанием сна предполагать такую неизвестную, то есть уже забытую ко времени сновидения сцену, то она должна была произойти очень рано. Сновидец так и говорит: «Когда мне приснился сон, мне было три, четыре, самое большее — пять лет». Мы можем добавить: «И сновидение напомнило мне о чем-то таком, что должно было относиться к еще более раннему времени».

К содержанию этой сцены должно было вести то, что сновидец выделил из явного содержания сновидения, — моменты внимательного разглядывания и неподвижности. Мы, естественно, ожидаем, что этот материал в том или ином искажении воспроизводит неизвестный материал сцены, возможно, даже в искажении до противоположности.

---

[1] [Ср. «Толкование сновидений» (1900*a*), гл. VI, Д, раздел 9: «Чувство действительности и изображение повторения»; *Studienausgabe*, т. 2, с. 365–366.]

Из сырого материала, полученного в результате первого анализа с пациентом, можно было также сделать несколько выводов, которые следовало включить в искомую взаимосвязь. За упоминанием об овцеводстве можно было поискать доказательства его сексуального исследования, интересы которого он мог удовлетворять во время своих посещений с отцом, но при этом должны были также иметься указания на страх смерти, ибо большей частью овцы погибли от эпидемии. То, что в сновидении было наиболее важным — волки на дереве, — напрямую вело к рассказу дедушки, в котором едва ли могло быть что-то еще стимулирующее сновидение и захватывающее, кроме привязки к теме кастрации.

Из первого неполного анализа сновидения мы далее заключили, что волк выступает заменой отца, а потому в этом первом страшном сне проявился страх перед отцом, который отныне должен был господствовать в его жизни. Правда, сам этот вывод пока еще не был обязательным. Но если в качестве результата предварительного анализа мы сопоставим то, что вытекает из материала, предоставленного сновидцем, то для реконструкции у нас имеются следующие фрагменты.

Действительное событие — из очень раннего времени — разглядывание — неподвижность — сексуальные проблемы — кастрация — отец — что-то страшное.

Однажды пациент продолжил толкование сновидения. Место сновидения, сказал он, в котором говорится: «Вдруг окно само распахивается», — не совсем прояснено в отношении окна, у которого сидит портной и через которое в комнату попадает волк. Это должно означать: вдруг открываются глаза. То есть я сплю и вдруг просыпаюсь, при этом что-то вижу: дерево с волками. Против этого ничего нельзя было возразить, но это допускало дальнейшее уточнение. Он проснулся и мог что-то увидеть. Внимательное разглядывание, которое приписывается в сновидении волкам, скорее нужно сместить на него самого. Тут в важном пункте произошла инверсия, которая, впрочем, проявляется через другую инверсию в явном содержании сновидения[1]. Инверсией было также и то, что волки сидели на дереве, тогда как в рассказе дедушки они находились внизу и не могли влезть на дерево.

---

[1] [Ср. «Толкование сновидений» (1900*a*), гл. VI, А, раздел II (*Studienausgabe*, т. 2, с. 290), об инверсии в содержании сновидения.]

А если и другой момент, выделенный сновидцем, был искажен посредством инверсии или обращения в противоположность? Тогда неподвижность (волки сидят совершенно неподвижно, глядят на него, но не шевелятся) должна была бы означать самое бурное движение. Стало быть, он вдруг проснулся и увидел перед собой сцену бурного движения, на которую он смотрел с напряженным вниманием. В одном случае искажение состояло бы в замене субъекта объектом, активности пассивностью, быть рассматриваемым вместо рассматривать, в другом случае — в превращении в противоположность: спокойствие вместо подвижности.

Еще одним шагом вперед в понимании сновидения явилась внезапно возникшая мысль: дерево это — рождественская елка. Теперь он знал, что сон приснился незадолго до рождества в ожидании сочельника. Так как день рождества был также и днем его рождения, можно было точно установить дату сновидения и обусловленного им изменения. Это было накануне его четвертого дня рождения. Стало быть, он заснул в напряженном ожидании дня, который должен был ему принести двойные подарки. Мы знаем, что при таких условиях ребенок легко предвосхищает во сне исполнение своих желаний. Таким образом, в сновидении уже наступило рождество, содержанием сновидения была раздача рождественских подарков, а на дереве висели предназначенные для него подарки. Но вместо подарков оказались волки, и сон закончился тем, что им овладел страх быть съеденным волком (вероятно, отцом), и он устремился к няне. Знание его сексуального развития до сновидения позволяет нам восполнить пробел в сновидении и объяснить превращение удовлетворения в страх. Среди желаний, образующих сновидение, в качестве самого сильного должно было проявить себя стремление к сексуальному удовлетворению, которое он жаждал тогда получить от отца. Силе этого желания удалось освежить давно забытый след воспоминания о сцене, которая могла ему показать, как выглядит сексуальное удовлетворение, доставляемое отцом, и результатом явился испуг, ужас от мысли об исполнении этого желания, вытеснение побуждения, выразившегося в этом желании, и поэтому бегство прочь от отца к более безопасной няне.

Значение этой рождественской даты сохранилось в мнимом воспоминании, что первый приступ ярости возник у него из-за того, что он был неудовлетворен рождественскими подарками [с. 136]. Воспоминание собрало вместе верное и ложное; оно не могло быть истинным без видоизменения, ибо, согласно часто повторявшимся

высказываниям родителей, его плохое поведение бросилось в глаза уже после их возвращения осенью, а не на рождество, но самое существенное в отношениях между недостаточным любовным удовлетворением, яростью и рождественскими днями сохранилось в воспоминании.

Но какой образ мог вызвать сексуальную, действующую ночною порою тоску, который оказался способен так интенсивно отпугнуть от желанного удовлетворения? Судя по материалу анализа, этот образ должен был отвечать одному условию: он должен был быть пригоден для того, чтобы обосновать убежденность в существовании кастрации. В таком случае движущей силой превращения аффекта стал страх кастрации.

Тут наступает момент, когда я должен оставить ход анализа. Боюсь, что это будет также моментом, когда меня оставит вера читателя.

Тем, что активировалось в ту ночь из хаоса бессознательных следов впечатлений, была картина коитуса между родителями при не совсем обычных и не особенно благоприятных для наблюдения обстоятельствах. Постепенно на все вопросы, которые могли быть связаны с этой сценой, удалось получить удовлетворительные ответы, поскольку тот первый сон повторялся в ходе лечения в бесчисленных модификациях и новых вариантах, которым анализ давал желанные объяснения. Так, прежде всего выяснился возраст ребенка во время этого наблюдения — примерно $1^1/_2$ года[1]. Он тогда страдал малярией, приступ которой повторялся каждый день в определенное время[2]. С десятилетнего возраста он был подвержен периодически возникавшему депрессивному настроению, которое появлялось после полудни и достигало своего пика к пяти часам. Этот симптом сохранился и к началу аналитического лечения. Повторяющаяся депрессия заменила тогдашний приступ лихорадки или слабости; пятый час был либо временем наивысшего подъема температуры либо временем наблюдения за коитусом, если оба времени не совпадают[3]. Вероятно, именно по причине этой болезненного состояния он находился в комнате родителей. Это заболевание,

---

[1] Наряду с этим с гораздо меньшей вероятностью речь могла бы идти о едва допустимом, по сути, возрасте в $^1/_2$ года.

[2] Ср. последующие превращения этого момента в неврозе навязчивости. В сновидениях во время лечения — замена сильным ветром. *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* (*aria* = воздух).

[3] С этим можно связать то, что для иллюстрации своего сна пациент нарисовал только *пять* волков, хотя в тексте сновидения говорится о шести или семи.

подтвержденное непосредственной передачей сведений, позволяет нам отнести это событие к лету и тем самым предположить, что возраст ребенка, родившегося на рождество, составлял n + 1½ года[1]. Итак, он спал в комнате родителей в своей кроватке и проснулся — скажем, вследствие повышающейся температуры — после полудни, возможно, около пяти часов, отмеченных в дальнейшем депрессией. Это согласуется с предположением о жарком летнем дне, когда наполовину раздетые[2] родители удалились для послеобеденного сна. Когда он проснулся, он стал свидетелем трижды повторившегося[3] *coitus a tergo*, мог видеть гениталии матери и член отца и понял как то, что произошло, так и его значение[4]. В конце концов он помешал общению родителей неким способом, о котором пойдет речь в дальнейшем [с. 195].

В том, что молодые супруги, лишь несколько лет состоящие в браке, после послеобеденного сна в жаркую летнюю пору предается нежному общению и при этом не обращают внимания на присутствие полуторагодовалого малыша, спящего в своей кровати, в сущности, нет ничего чрезвычайного, и это не производит впечатления продукта необузданной фантазии. Напротив, я думаю, что это было чем-то совершенно банальным, обыденным, да и предполагаемое положение при коитусе не может ничего поменять в этом суждении. В особенности, если из обличительного материала не следует, что коитус каждый раз совершался в положении сзади. Ведь одного-единственного раза было бы достаточно, чтобы дать зрителю возможность произвести наблюдения, которые были бы затруднены или исключены при другом положении любящих. Стало быть, содержание самой сцены не может быть аргументом против ее достоверности. Сомнение в ее правдоподобии будет связано с тремя другими моментами: с тем, что ребенок

---

[1] [Еще точнее было бы, наверное, «n + Vf». Поскольку день рождения пациента от лета отделяют шесть месяцев, ко времени сновидения ему должно было быть 0 лет + 6 месяцев или 1 год + 6 месяцев, 2 года + 6 месяцев и т. д. Однако возраст 0 лет + 6 месяцев Фрейд уже исключил в примечании 1 на с. 156.]

[2] В белом белье, *белые* волки.

[3] Почему трижды? Однажды он вдруг стал утверждать, что эту деталь я выяснил путем толкования. Но это не так. Это была спонтанная, лишенная дальнейшей критики мысль, которую он, по своему обыкновению, приписал мне и благодаря этой проекции сделал ее достойной доверия.

[4] Я думаю, что он понял произошедшее к тому времени, когда приснился сон, в четыре года, а не во время своего наблюдения. В 1½ года он получил впечатления, последующее понимание которых для него стало возможным ко времени сновидения благодаря своему развитию, своему сексуальному возбуждению и своему сексуальному исследованию.

в столь нежном возрасте, в $1^1/_2$ года, был способен воспринять такое сложное событие и с такой точностью сохранить его в своем бессознательном; во-вторых, с тем, что последующая приводящая к пониманию переработка полученных впечатлений возможна в четыре года, и, наконец, что с помощью какого-либо метода может удаться довести до сознания подробности такой сцены, пережитой и понятой при таких обстоятельствах, связным и убедительным образом[1].

В дальнейшем я тщательно проверю эти и другие сомнения; уверяю читателя, что я не менее критично, чем он, отношусь к предположению о подобном наблюдению, произведенным ребенком, и прошу его решиться вместе со мной *на время* поверить в реальность этой сцены. Прежде всего мы хотим продолжить изучение отношения этой ***«первичной сцены»***[2] к сновидению, к симптомам и к истории жизни пациента. Мы проследим по отдельности, какое действие оказали главное содержание сцены и одно из ее зрительных впечатлений.

Под последним я понимаю увиденные им позы родителей, вертикальную — у мужчины и звероподобную, согнутую — у женщины. Мы уже слышали [с. 150], что в то время, когда он испытывал страх, сестра имела обыкновение пугать его картинкой из книги сказок, на которой волк был изображен в вертикальном положении, с выставленной задней лапой, протянутыми передними конечностями и навостренными ушами. Во время лечения он не пожалел сил на то, чтобы отыскать в антикварных магазинах сказки с картинками из своего детства, и он узнал пугавшую его картинку в иллюстрации к истории о волке и семерых козлятах. Он думал, что поза волка поможет ему вспомнить позу отца во время сконструированной первичной сцены. Во всяком случае эта картинка стала исходным пунктом дальнейших воздействий страха. Когда на седьмом или восьмом

---

[1] Первую из этих трудностей нельзя устранить допущением, что ко времени наблюдения ребенок, вероятно, был на год старше, то есть что ему было $2^1/_2$ года, когда он, возможно, уже умел говорить. Такое смещение времени для моего пациента в силу всех побочных обстоятельств его случая было почти исключено. Впрочем, нужно принять во внимание, что подобные сцены наблюдения за коитусом родителей раскрываются в анализе отнюдь не редко. Но их условием является именно то, что они приходятся на самое раннее детство. Чем старше ребенок, тем тщательней на известном социальном уровне родители будут оберегать его от возможности делать подобные наблюдения.

[2] [Это, по-видимому, самое раннее использование в публикации этого термина. Однако Фрейд уже употреблял его примерно в этом же смысле в письме Флиссу от 2 мая 1897 года (1950*a*, письмо 61).]

году жизни он однажды узнал, что завтра к нему придет новый учитель, ему в этой же ночью приснился этот учитель в образе льва, который, громко рыча, приближался к его кровати в позе волка на той картинке, и он снова в страхе проснулся. Фобия волка была тогда уже преодолена, поэтому он был волен выбрать себе новое страшное животное, и в этом позднем сновидении он признал в учителе замену отца. В его более позднем детском возрасте каждый учитель играл ту же самую отцовскую роль и наделялся отцовским влиянием как с хорошей, так и с плохой стороны.

Во время учебы в гимназии судьба даровала ему своеобразный повод освежить свою фобию волка, а лежавшую в ее основе взаимосвязь сделать исходным пунктом тяжелых торможений. Учителя, который вел в его классе занятия по латыни, звали *Вольф*[1]. Он с самого начала стал его бояться, однажды навлек на себя его резкую брань из-за того, что в латинском переводе допустил глупейшую ошибку, и с тех пор уже не мог избавиться от парализующего страха перед этим учителем, который вскоре распространился и на других учителей. Однако нельзя сказать, что повод, при котором он оступился в переводе, ни с чем не соотносился. Он должен был перевести латинское слово *filius*[2] и сделал это, употребив французское *fils* вместо соответствующего слова на родном языке. Волк по-прежнему был отцом[3].

Первый из «преходящих симптомов»[4], который продуцировал пациент во время лечения, все еще восходил к фобии волка и к сказке о семерых козлятах. В комнате, где проводились первые сеансы, напротив пациента, который, отвернувшись от меня, лежал на диване, находились большие стенные часы. Я обратил внимание, что время от времени он поворачивал ко мне лицо, смотрел на меня очень дружелюбно, словно хотел меня умилостивить, а затем пере-

---

[1] [В переводе с немецкого — Волк. — *Примечание переводчика.*]

[2] [Сын. — *Примечание переводчика.*]

[3] После этой ругани со стороны учителя Вольфа он узнал общее мнение коллег, что учитель для примирения ждет от него денег. К этому мы вернемся позднее [с. 188 и далее]. Могу себе представить, какое облегчение означало бы это для рационалистического рассмотрения такой истории детства, если бы можно было предположить, что весь страх перед волком в действительности происходил от учителя латинского языка с такой фамилией, что он был спроецирован обратно в детство и в связи с иллюстрацией к сказке вызвал фантазию о первичной сцене. Но это является безосновательным: временной приоритет фобии волка и ее перенесение в детские годы жизни в первом имении неопровержимо доказаны. И как быть со сновидением в четыре года?

[4] Ferenczi (1912).

водил взгляд на часы. Тогда я думал, что этим он выражает свое желание закончить сеанс. По прошествии долгого времени пациент напомнил мне об этой мимике и дал мне ее объяснение, напомнив о том, что самый младший из семерых козлят спрятался в коробе стенных часов, тогда как шесть остальных его братьев и сестер были съедены волком. Стало быть, он хотел тогда сказать: «Будь добр со мной. Должен ли я тебя бояться? Не съешь ли ты меня? Не надо ли мне, как самому младшему из козлят, спрятаться от тебя в коробе от часов?»

Волком, которого он боялся, несомненно, был отец, но страх волка был связан с условием вертикального положения. Его воспоминание с большой уверенностью утверждало, что изображения волка, идущего на всех четырех лапах или, как в сказке «Красная Шапочка», лежащего в кровати, его бы не испугали. Не меньшее значение имела принятая женщиной поза, в которой, согласно нашей конструкции первичной сцены, он ее видел; но это значение осталось ограниченным сексуальной сферой. Самым странным явлением в его любовной жизни по наступлении зрелости были приступы навязчивой чувственной влюбленности, которые возникали и вновь исчезали в загадочной последовательности, высвобождали в нем колоссальную энергию даже в периоды заторможенности и были полностью лишены его контроля. Полную оценку этих навязчивых влюбленностей я должен пока отложить из-за их ценной взаимосвязи с другими моментами [см. с. 205 и далее], но здесь я могу указать, что они были связаны с определенным, для его сознания скрытым условием, узнать о котором удалось только во время лечения. Женщина должна была принять позу, которую мы приписываем в первичной сцене матери. Крупные, бросающиеся в глаза ягодицы он с пубертатного возраста воспринимал как самый сильный раздражитель у женщины; коитус, отличный от коитуса сзади, едва ли доставлял ему наслаждение. Правда, критическое рассуждение позволяет здесь возразить, что такое сексуальное предпочтение задних частей тела является общей особенностью лиц, склонных к неврозу навязчивости, и не дает основание выводить его из особого впечатления в детском возрасте. Оно входит в структуру анально-эротического предрасположения и относится к тем архаичным чертам, которые отличают данную конституцию. Ведь совокупление сзади — *more ferarum* — можно рассматривать как филогенетически более древнюю форму. Мы вернемся к этому пункту в последующем обсуждении, когда добавим материал, относящийся к его бессознательному условию любви. [Ср. с. 173 и с. 206.]

Продолжим теперь обсуждение отношений между сновидением и первичной сценой. В соответствии с нашими прежними ожиданиями сон должен был показать ребенку, радующемуся исполнению своих желаний на рождество, картину сексуального удовлетворения отцом, какую он увидал в той первичной сцене, в качестве прототипа собственного удовлетворения, которое он желал получить от отца. Но вместо этой картины появляется материал истории, незадолго до этого рассказанный дедушкой: дерево, волки, отсутствие хвоста в форме сверхкомпенсации посредством пушистых хвостов у мнимых волков. Здесь нам недостает взаимосвязи, ассоциативного мостика, ведущего от содержания первичной истории к истории о волке. Эта связь опять-таки создается позой и только ею одной. В рассказе дедушки бесхвостый волк предлагает другим *на него взобраться*. Благодаря этой детали пробудилось воспоминание о картине первичной сцены, этим путем материал первичной сцены мог замениться материалом истории о волке, при этом одновременно двое родителей желательным образом заменены несколькими волками. Следующее превращение содержание сновидения претерпело тогда, когда материал истории о волке был приноровлен к содержанию сказки о семерых козлятах, заимствовав у нее число семь[1].

Превращение материала: первичная сцена — история о волке — сказка о семерых козлятах — является отражением развития мыслей во время образования сновидения: стремление к сексуальному удовлетворению отцом — понимание связанного с ним условия кастрации — страх перед отцом. Я думаю, что страшный сон четырехлетнего ребенка только теперь прояснен без остатка[2].

---

[1] В сновидении говорится 6 или 7: 6 — это число съеденных детей, седьмой спасается в коробе для часов. Строгий закон толкования сновидений остается в силе: каждая деталь находит свое объяснение.

[2] После того как нам удался синтез этого сновидения, я хочу попытаться наглядно представить отношение явного содержания сновидения к его скрытым мыслям.

Ночь, я лежу в своей кровати. Последнее является началом репродукции первичной сцены. «Ночь» — это искажение: «Я спал». Замечание: «Я знаю, что была зима, когда я видел этот сон, и ночное время», — относится к воспоминанию о сновидении и не входит в его содержание. Оно является верным: это была одна из ночей перед днем рождения, соответственно перед рождеством.

Вдруг окно само распахивается. Переведем: вдруг я сам просыпаюсь, воспоминание о первичной сцене. История о волке, в которой волк впрыгивает в окно, оказывает свое модифицирующее воздействие и превращает непосредственное выражение в образное. Вместе с тем введение окна служит помещению следующего содержания сновидения в настоящее время. В сочельник двери неожиданно открываются, и появляется елка с подарками. Здесь, стало быть, проявляется

На патогенном воздействии первичной сцены и на изменении, которое вызывает ее воскрешение в его сексуальном развитии, после всего, о чем до сих пор уже говорилось, я могу остановиться вкратце. Мы проследим лишь то воздействие, которому дает выражение сновидение. Позднее мы должны будем пояснить, что от первичной сцены исходило не одно-единственное сексуальное течение, а имелся целый ряд таковых, произошло прямо-таки расщепление либидо. Далее мы будем иметь в виду, что активация этой сцены (я намеренно избегаю слова «воспоминание») имеет такой же эффект, как если бы это было недавнее переживание. Сцена оказывает

влияние актуального рождественского ожидания, которое также включает в себя сексуальное удовлетворение.

Большое ореховое дерево. Заместитель елки, то есть относится к актуальному; кроме того, дерево из истории о волке, на котором скрывается преследуемый портной, под которым поджидают волки. Высокое дерево является также, как я мог не раз убедиться, символом наблюдения, вуайеризма. Сидя на дереве, можно видеть все, что происходит внизу, а самого тебя не видят. Ср. известную историю Боккаччо и аналогичные байки.

Волки. Их число: *шесть* или *семь*. В истории о волке их целая стая без указания числа. Указание числа свидетельствует о влиянии сказки о семерых козлятах, из которых шестерых съедают. Замена числа два в первичной сцене множеством, которое в первичной сцене было бы абсурдным, желательна сопротивлению как средство искажения. В рисунке, сделанном к сновидению, сновидец изобразил число 5, вероятно, корректирующее указание: «Была ночь».

Они сидят на дереве. Прежде всего они заменяют висящие на дереве рождественские подарки. Но они также помещены на дерево потому, что это может означать: они глядят. В истории дедушки они располагаются под деревом. Стало быть, их отношение к дереву в сновидении инвертировано, из чего можно заключить, что в содержании сновидения имеются и другие инверсии латентного материала.

Они совершенно белые. Эта сама по себе несущественная, но особо подчеркнутая в рассказе сновидца черта обязана своей интенсивностью значительному слиянию элементов из всех слоев материала, она объединяет несущественные детали других источников сновидения с более важной частью первичной сцены. Эта последняя детерминация, наверное, происходит из белизны постельного и нательного белья родителей; сюда же относится белый цвет овечьих стад, овчарок как намек на его сексуальные исследования животных, белый цвет в сказке о семерых козлятах, в которой мать узнают по белизне ее руки. Позднее нам станет понятно, что белое белье является также намеком на смерть. [На самом деле в дальнейшем этот пункт специально не комментируется. Возможно, существует связь с эпизодом с саваном (с. 211).]

Они сидят неподвижно. Этим выражается противоречие с самым бросающимся в глаза содержанием увиденной сцены; взволнованность, вызванная позой, устанавливает связь между первичной сценой и историей о волке.

У них хвосты, как у лисиц. Это должно противоречить результату, который был получен от воздействия первичной сцены на историю о волке и который надо признать самым важным выводом сексуального исследования: стало быть, кастрация действительно существует. Испуг, с которым воспринимается этот результат мыслительной работы, в конечном счете пробивает себе дорогу в снови-

свое действие по прошествии времени, и между тем — в интервале между полутора и четырьмя годами — нисколько не утратила своей свежести. Возможно, в дальнейшем мы найдем еще одно основание, чтобы считать, что определенные воздействия она оказывала уже с момента ее восприятия, то есть начиная с $1^1/_2$ лет.

Когда пациент погрузился в ситуацию первичной сцены, он обнаружил следующее самонаблюдение: раньше он полагал, что увиденное событие представляет собой акт насилия, но этому не соответствовало выражение удовольствия, которое он видел на лице матери; он вынужден был признать, что речь идет об удовлетворении[1].

дении и приводит к его окончанию.

Страх быть съеденным волками. Он казался сновидцу не мотивированным содержанием сновидения. Он сказал, что не должен был бояться, ибо волки, скорее, были похожи на лисиц или на собак, они также на него не набрасывались, чтобы укусить, а были очень спокойными и совсем не страшными. Мы видим, что работа сновидения какое-то время старалась обезвредить мучительные содержания, обращая их в противоположность. (Они не шевелятся, у них прекраснейшие хвосты.) Но в конце концов это средство отказывает, и прорывается страх. Он находит свое выражение с помощью сказки, в которой детей-козлят съедает отец-волк. Возможно, это содержание сказки само по себе напомнило о шутливых угрозах отца, когда он играл с ребенком, так что страх быть съеденным волком точно так же мог быть реминисценцией, как и заменой посредством смешения.

Мотивы желаний этого сновидения очевидны; к поверхностным желаниям дня, чтобы уже наступило Рождество (сон, обусловленный нетерпением), присоединяется более глубокое, перманентное в это время желание получить сексуальное удовлетворение от отца, которое вначале заменяется желанием снова увидеть то, что тогда было столь захватывающим. Затем психический процесс протекает от исполнения этого желания в воскрешенной в памяти первичной сцене до ставшего теперь неизбежным отказа от этого желания и вытеснения.

Обстоятельность и детальность изложения, к которым вынудило меня стремление предоставить читателю какой-нибудь эквивалент взамен доказательной силы самостоятельно проведенного анализа, возможно, заставит его отказаться от требования публиковать анализы, тянувшиеся несколько лет.

[1] Наверное, высказывание пациента будет понято нами наиболее точно, если предположить, что предметом его наблюдения сначала был коитус в нормальной позиции, который должен произвести впечатление садистского акта. Только после этого позиция сменилась, и поэтому он получил возможность для других наблюдений и суждений. Но это предположение не было подтверждено, да я и не думаю, что без него нельзя обойтись. Мы не хотим из-за сокращенного изложения текста оставлять без внимания действительную ситуацию, а именно, что впечатления и побуждения, относившиеся к четырехлетнему возрасту, анализируемый в 25 лет облек в слова, которые в то время он бы не нашел. Если пренебречь этим замечанием, то легко можно счесть комичным и неправдоподобным, что четырехлетний ребенок был способен высказывать такие профессиональные суждения и ученые мысли. Это просто второй случай *действия, совершенного задним числом*. В $1^1/_2$ года ребенок получает впечатление, на которое не может удовлетворительно отреагировать, начинает его понимать только в четыре года, когда он оказывается захваченным им при его оживлении, и только через два десятилетия во время анализа

Существенно новым, что дало ему наблюдение над половым актом родителей, было убеждение в реальности кастрации, возможность которой уже раньше занимала его мысли. (Вид двух мочащихся девочек, угроза няни, истолкование гувернанткой сахарных палочек, воспоминание о том, как отец разрубил на куски змею.) Ибо теперь он увидел собственными глазами рану, о которой говорила няня, и понял, что ее наличие было условием полового акта с отцом. Он уже не мог ее спутать с попой, как при наблюдении за маленькими девочками[1].

Исходом сновидения явился страх, от которого он успокоился не раньше, чем рядом с ним оказалась его няня. Стало быть, от отца он сбежал к ней. Страх представлял собой отказ от желания сексуального удовлетворения отцом, стремление к которому ему внушило сновидение. Его выражение: быть съеденным отцом — явилось, как мы узнаем, лишь регрессивным превращением желания, чтобы отец совершил с ним коитус, то есть желания получить удовлетворение, как мать. Его последняя сексуальная цель, пассивная установка к отцу, подверглась вытеснению, ее место занял страх перед отцом в форме фобии волка.

Какова же движущая сила этого вытеснения? Судя по всему, ею могло быть только нарциссическое генитальное либидо, из опасения за его мужской член воспротивившееся удовлетворению, необходимым условием которого представлялся отказ от этого члена. Из оказавшегося под угрозой нарцизма он черпал мужественность, с помощью которой он оборонялся от пассивной установки к отцу.

Теперь мы обратим внимание на то, что в этом пункте изложения должны изменить нашу терминологию. Во время сновидения он достиг новой фазы в развитии своей сексуальной организации. До сих пор сексуальные противоположности были представлены у него как *активное* и *пассивное*. После совращения его сексуальная цель была пассивной, ему хотелось, чтобы дотрагивались до его гениталий; затем в результате регрессии на более раннюю ступень аналь-

---

он может с помощью сознательной мыслительной деятельности понять то, что тогда в нем происходило. Анализируемый справедливо не считается с этими тремя временными фазами и помещает свое нынешнее Я в давно минувшую ситуацию. Мы следуем в этом за ним, ибо при правильном самонаблюдении и толковании эффект должен оказаться таким, как будто дистанцией между второй и третьей временной фазами можно было бы пренебречь. У нас также нет других средств описать события во второй фазе.

[1] Как он затем справился с этой частью проблемы, мы узнаем позднее [с. 192 и далее] при прослеживании его анальной эротики.

но-садистской организации превратилась в мазохистскую — в желание подвергнуться порке, быть наказанным. Ему было безразлично, с чьей помощью — мужчины или женщины — он должен был достичь этой цели. Не считаясь с половыми различиями, он переметнулся от няни к отцу, требовал от няни, чтобы она прикоснулась к члену, хотел спровоцировать отца на наказание. При этом гениталии во внимание не принимались; в фантазии, что его бьют по пенису, выразилась взаимосвязь, скрытая пока по причине регрессии. Активирование первичной сцены в сновидении вернуло его теперь к генитальной организации. Он открыл вагину и биологическое значение мужского и женского. Он понял теперь, что активное равнозначно мужскому, а пассивное — женскому. Его пассивная сексуальная цель должна была бы теперь превратиться в женскую, получить выражение: отец должен совершить с ним коитус, вместо: отец должен ударить его по гениталиям или по попе. Эта женская цель подверглась теперь вытеснению и должна была замениться страхом перед волком.

Здесь мы должны прервать обсуждение его сексуального развития, пока из более поздних стадий его истории не прольется новый свет на эти более ранние. Для оценки фобии волка мы также добавим, что отец и мать, оба, стали волками. Мать изображала кастрированного волка, который предлагал другим влезть на себя, отец — влезающего. Но мы слышали, как он уверял, что его страх относился только к стоящему волку, то есть к отцу. Далее, нам должно броситься в глаза, что страх, которым окончилось сновидение, имел прототип в рассказе дедушки. Ведь в нем кастрированного волка, который предлагает другим влезть на себя, охватывает страх, как только ему напоминают о факте отсутствия у него хвоста. Таким образом, похоже на то, что в процессе сновидения он идентифицировался с кастрированной матерью и теперь воспротивился этому результату. В более правильном, надо надеяться, переводе: «Если ты хочешь получить удовлетворение от отца, то должен, как мать, смириться с кастрацией; но я этого не хочу». Итак, явный протест со стороны мужественности! Впрочем, мы отдаем себе отчет в том, что сексуальное развитие пациента, которое мы здесь прослеживаем, имеет для нашего исследования серьезный изъян, ибо не протекает спокойно. Сначала на него решающее влияние оказывает совращение, а затем оно отклоняется в сторону из-за увиденной сцены коитуса, которая воздействует задним числом как повторное совращение.

V
НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ

Говорят, что белый медведь и кит не могут между собой воевать, так как они, ограниченные своей стихией, не могут сойтись друг с другом. Точно так же и мне невозможно дискутировать с работниками в области психологии или невротических заболеваний, не признающими гипотез психоанализа и считающими его результаты артефактами. Наряду с этим в последние годы появилась оппозиция в лице других авторов, которые, во всяком случае по их собственному мнению, стоят на почве анализа, не оспаривают его технику и результаты и лишь считают себя вправе из того же самого материала делать иные выводы и иначе его трактовать.

Но теоретическое расхождение в большинстве случаев непродуктивно. Как только начинаешь отдаляться от материала, которым приходится пользоваться, возникает опасность увлечься собственными утверждениями и в конечном счете отстаивать мнения, которым противоречило бы всякое наблюдение. Поэтому мне кажется гораздо целесообразней бороться с отличающимися воззрениями, подвергая их испытанию на отдельных случаях и проблемах.

Выше (с. 157–158) я отмечал, что, несомненно, многие сочтут невероятным, «что ребенок в столь нежном возрасте, в $1^1/_2$ года, был способен воспринять такое сложное событие и с такой точностью сохранить его в своем бессознательном; во-вторых, с тем, что последующая приводящая к пониманию переработка полученных впечатлений возможна в четыре года, и, наконец, что с помощью какого-либо метода может удаться довести до сознания подробности такой сцены, пережитой и понятой при таких обстоятельствах, связным и убедительным образом».

Последний вопрос — чисто фактический. Кто берет на себя труд с помощью предписанной техники проводить анализ на такой глубине, тот убеждается, что это вполне возможно; кто этого не делает и прерывает анализ в каком-нибудь более высоком слое, тот не может об этом судить. Но понимание того, что получено глубинным анализом, этим не определяется.

Два других сомнения опираются на недооценку ранних детских впечатлений, которые не считают способными оказывать столь длительное воздействие. Причину неврозов желают искать чуть ли не исключительно в серьезных конфликтах более поздней жизни и предполагают, что значимость детства лишь мистифицируется нами в анализе из-за склонности невротиков выражать свои нынешние интересы в реминисценциях и символах далекого прошлого. При такой оценке инфантильного фактора отпадает многое из того, что принадлежит к самым интимным особенностям анализа, правда, также и многое, что порождает ему сопротивление и подрывает доверие посторонних.

Итак, мы приступаем к обсуждению мнения, что такие ранние инфантильные сцены, которые выявляет исчерпывающий анализ неврозов, как, например, в нашем случае, представляют собой не репродукции реальных событий, которым можно приписать влияние на то, как складывается дальнейшая жизнь, и на формирование симптомов, а продукты фантазии, которые заимствуют свои стимулы из периода зрелости, предназначены для символического — в известной степени — замещения реальных желаний и интересов и обязаны своим возникновением регрессивной тенденции, отстранению от задач настоящего времени. Если дело обстоит именно так, то тогда, разумеется, можно обойтись без всех этих кажущихся странными предположений о душевной жизни и интеллектуальных способностях детей в самом раннем возрасте.

Этому воззрению, помимо общего для всех нас стремления к рационализации и упрощению трудной задачи, содействует и разнообразный фактический материал. Можно также сразу устранить сомнение, которое может возникнуть как раз у практикующего аналитика. Надо признать, что, если обсуждаемое понимание этих инфантильных сцен является верным, то в практическом осуществлении анализа пока ничего не меняется. Если уж у невротика есть дурная особенность отвлекать свое внимание от настоящего и устремлять его на такие регрессивные замещающие образования своей фантазии, то ничего другого не остается, как последовать за ним по этим путям и довести до его сознания эти бессознательные продукты, ибо какими бы малоценными они реально ни были, для нас они чрезвычайно ценны в качестве нынешних носителей и обладателей интереса, который мы хотим освободить, чтобы направить его на задачи настоящего времени. Анализ должен был бы вестись точно так же, как и то, который в наивной вере принимает такие фантазии за правду. Только в конце анализа, после раскрытия этих фантазий,

появилось бы различие. Тогда мы бы сказали больному: «Ну, ладно; ваш невроз протекал так, как будто в свои детские годы вы восприняли подобные впечатления и продолжили фантазировать. Но вы, наверное, понимаете, что этого быть не может. Это были продукты деятельности вашей фантазии, которые должны были отвлечь вас от стоявших перед вами реальных задач. Теперь позвольте исследовать нам, какие это были задачи и какие соединительные пути существовали между ними и вашими фантазиями». После того как с этими инфантильными фантазиями будет покончено, можно было бы приступить ко второй части лечения, обращенной к реальной жизни.

Сокращение этого пути, то есть изменение проводившегося до сих пор психоаналитического лечения, в техническом отношении было бы непозволительным. Если не довести до сознания больного эти фантазии в их полном объеме, то он не сможет распоряжаться по своему усмотрению с ними связанным интересом. Если его от них отвлечь, как только появляется догадка об их существовании и общих контурах, то этим только поддерживается работа вытеснения, благодаря которой они стали неприкосновенными для всех усилий больного. Если преждевременно их для него обесценить, скажем, открыв ему, что речь идет лишь о фантазиях, которые реального значения не имеют, то с его стороны никогда не встретишь содействия, чтобы подвести их к сознанию. Поэтому при правильном образе действий аналитическая техника не должна подвергаться никаким изменениям, как бы ни оценивали эти инфантильные сцены.

Я упоминал, что при понимании этих сцен как регрессивных фантазий в его поддержку можно сослаться на некоторые фактические моменты. Прежде всего на следующий: эти инфантильные сцены — насколько богат мой нынешний опыт — не репродуцируются в ходе лечения в виде воспоминаний, а является результатом конструкции. Наверное, благодаря этому признанию кое-кому этот спор уже покажется разрешенным.

Мне не хочется быть неправильно понятым. Каждый аналитик знает и множество раз убеждался на опыте, что при удачном лечении пациент приводит большое количество спонтанных воспоминаний из своего детства, к появлению которых — возможно, к появлению в первый раз — врач чувствует себя совершенно непричастным, поскольку никакими попытками конструкции он не навязывал больному подобного содержания. Эти ранее бессознательные воспоминания отнюдь не должны всегда быть истинны-

ми; они могут быть таковыми, но зачастую они представляют собой искаженную правду, пронизаны вымышленными элементами, точно так же, как спонтанно сохранившиеся в памяти так называемые покрывающие воспоминания. Я хочу только сказать: сцены, такие, как у моего пациента, из столь раннего времени и с таким содержанием, которые затем претендуют на столь исключительное значение в истории случая, как правило, не репродуцируются как воспоминания, а их приходится с трудом и постепенно разгадывать и конструировать из суммы намеков. В качестве аргумента также будет достаточно, если добавлю, что такие сцены в случаях невроза навязчивости не осознаются в виде воспоминания, или ограничусь указанием на один этот случай, который мы здесь изучаем.

Я не считаю, что эти сцены обязательно должны быть фантазиями, потому что они не возвращаются в виде воспоминаний. Мне кажется совершенно равноценным воспоминанию, что они — как в нашем случае — заменятся сновидениями, анализ которых постоянно приводит к этой же самой сцене, которые в неустанной переработке репродуцируют каждую часть ее содержания. Видеть сны — это также и вспоминать, пусть и в условиях ночного времени и образования сновидений. Этим постоянным возвращением в сновидениях я объясняю себе, что у самих пациентов постепенно создается твердое убеждение в реальности этих первичных сцен, убеждение, которое ни в чем не уступает убеждению, основанному на воспоминании[1].

Правда, противникам незачем, отказываться от борьбы с этими доказательствами как от бесперспективной. Сны, как известно, податливы[2]. А убеждение анализируемого может быть следствием суггестии, для которой по-прежнему находится роль во взаимодействии сил аналитического лечения. Психотерапевт старого закала внушил бы своему пациенту, что тот здоров, преодолел свои торможения и т. п.; психоаналитик же внушает ему, что тот ребенком имел то

[1] Доказательством того, как рано я начал заниматься этой проблемой, может послужить одно место из первого издания моего «Толкования сновидений» (1900*a*). Там, на с. 126 [глава V, первое из «невинных» сновидений в конце раздела А.], в связи с анализом встречающегося в сновидении выражения: *«Этого больше нет»* — говорится: «Эти слова происходят от меня самого; несколько дней назад я объяснил ей, что самых ранних детских переживаний как таковых *больше нет*, — они заменяются в анализе "переносами" и сновидениями». [См. *Studienausgabe*, т. 2, с. 196.]

[2] На механизм сновидения повлиять нельзя, но содержанием сновидения можно частично командовать.

или другое переживание, которое, чтобы выздороветь, он теперь должен вспомнить. Вот и вся между ними разница.

Проясним для себя, что эта последняя попытка противников дать объяснение сводится к гораздо более основательному упразднению инфантильных сцен, чем заявлялось вначале. Они должны были быть не действительными событиями, а фантазиями. Теперь становится очевидным: фантазиями не больного, а самого аналитика, которые он в силу каких-то личных комплексов навязывает анализируемому. Правда, аналитик, который слышит этот упрек, для своего успокоения покажет, как постепенно возникла конструкция этой якобы им внушенной фантазии, насколько все же независимо от врачебного воздействия во многих пунктах она формировалась, как начиная с некоторой фазы лечения все, похоже, сходилось к ней и как теперь в синтезе от нее распространяются самые разные поразительные эффекты, как большие и самые маленькие проблемы и особенности истории больного находят свое разрешение в одном этом предположении, и выставит как довод, что не считает себя таким проницательным, чтобы придумать событие, которое одновременно отвечало бы всем этим требованиям. Но и эта защитная речь не повлияет на противоположную сторону, которая на собственном опыте не испытала анализа. Изощренный самообман — прозвучит с одной стороны, тупость суждения — с другой; вынести решение будет нельзя.

Обратимся к другому моменту, на которое опирается понимание противниками сконструированных инфантильных сцен. Он заключается в следующем: все процессы, которые привлекались для объяснения таких спорных образований, как фантазии, действительно существуют и они должны быть признаны очень важными. Отвращение интереса от задач реальной жизни[1], существование фантазий как замещающих образований для несовершённых действий, регрессивная тенденция, выражающаяся в этих творениях — регрессивная больше, чем в одном значении, поскольку одновременно происходит отход от жизни и возврат к прошлому, — все это соответствует действительности и регулярно подтверждается анализом. Следовало подумать, что было бы также достаточно объяснить мнимые ранние детские реминисценции, о которых идет речь, и в соответствии с экономическими принципами науки это объяснение имело бы преимуще-

---

[1] В силу веских причин я предпочитаю говорить: отвращение *либидо* от актуальных *конфликтов*.

ство перед другим, которое не может обойтись без новых и странных предположений.

Позволю себе в этом месте обратить внимание на то, что возражения в современной психоаналитической литературе обычно делаются по принципу *pars pro toto*[1]. Из очень сложного по своему составу ансамбля выхватывают часть действующих факторов, провозглашают их истиной и в пользу него отвергают другую часть и целое. Если присмотреться к тому, какой группе отдается это предпочтение, то оказывается, что именно той, которая содержит уже известное из других источников или ближе всего к нему прилегает. У Юнга, к примеру, это актуальность и регрессия, у Адлера — эгоистические мотивы. Оставленным же, отброшенным как заблуждение, оказывается как раз то, что в психоанализе является новым и составляет его своеобразие. Таким способом можно проще всего отразить революционные атаки неудобного психоанализа.

Нелишне подчеркнуть, что ни одному из моментов, которые привлекают противники для объяснения сцен детства, Юнгу не требовалось обучать как новшеству. Актуальный конфликт, отвращение от реальности, замещающее удовлетворение в фантазии, регрессия к материалу прошлого — все это, причем в той же самой компоновке, возможно, с незначительным изменением терминологии с давних пор являлось составной частью моего собственного учения. Это было не учением в целом, а лишь частью причин, ведущих в регрессивном направлении от реальности к образованию неврозов. Наряду с этим я оставил место для другого прогредиентного влияния, оказываемого детскими впечатлениями, которое указывает путь отступающему от жизни либидо и позволяет понять иначе необъяснимую регрессию к детству. Таким образом, по моему мнению, при образовании симптомов взаимодействуют оба момента, но более раннее взаимодействие кажется мне столь же важным. Я утверждаю, что *влияние детства становится ощутимым уже в начальной ситуации образования невроза, поскольку вместе с другими факторами оно решающим образом определяет, окажется ли индивид несостоятельным и в чем именно при решении реальных жизненных проблем*.

Спор, стало быть, идет о значении инфантильного момента. Задача состоит в том, чтобы найти случай, который, не допуская сомнений, может доказать это значение. Но таковым и является случай болезни, который мы здесь так подробно разбираем и кото-

---

[1] [Часть вместо целого (лат.). — *Примечание переводчика.*]

рый характеризуется тем, что неврозу в более поздней жизни предшествует невроз в ранние годы детства. Именно поэтому я выбрал для сообщения этот случай. Если кто-то захочет отвергнуть его, скажем, из-за того, что фобия животных кажется ему недостаточно важной, чтобы признать ее в качестве самостоятельного невроза, то я укажу ему на то, что к этой фобии сразу же присоединились навязчивый церемониал, навязчивые действия и мысли, о которых пойдет речь в следующих разделах этого сочинения.

Невротическое заболевание на пятом или четвертом году детства прежде всего доказывает, что инфантильные переживания сами по себе способны продуцировать невроз, не нуждаясь для этого в бегстве от поставленной в жизни задачи. Мне возразят, что и перед ребенком непрерывно встают задачи, которых, возможно, ему хочется избежать. Это верно, но жизнь ребенка дошкольного возраста легко обозреть, более того, можно исследовать, имеется ли в ней «задача», определяющая возникновение невроза. Но не обнаруживают ничего, кроме импульсов влечения, удовлетворение которых для ребенка невозможно, справиться с которыми ему не под силу, и источники, из которых они струятся.

Колоссальное сокращение интервала между вспышкой невроза и временем обсуждаемых детских переживаний, как и следовало ожидать, позволяет предельно уменьшить регрессивную часть причины болезни и обнаруживает в явном виде ее прогредиентную часть, влияние более ранних впечатлений. Как я надеюсь, эта история болезни даст ясную картину таких отношений. На вопрос о природе первичных сцен или самых ранних инфантильных переживаний, выявленных в анализе, детский невроз дает решающий ответ и по другим основаниям.

Допустим в качестве неоспоримого предположения, что такая первичная сцена в техническом отношении была разработана правильно, что она необходима для обобщающего решения всех загадок, которые задает нам симптоматика детского заболевания, что от нее исходят все влияния, точно так же как все нити анализа вели к ней; тогда с учетом ее содержания окажется невозможным, чтобы она представляла собой нечто иное, кроме репродукции пережитой ребенком реальности. Ибо ребенок, как и взрослый, может продуцировать фантазии лишь на основе где-то приобретенного материала; для ребенка пути этого приобретения частично (как, например, литература) закрыты, время, имеющееся в его распоряжении для приобретения, коротко и его можно легко исследовать в отношении подобных источников.

В нашем случае первичная сцена содержит картину полового акта между родителями в положении, особенно благоприятном для некоторых наблюдений. Если бы мы обнаружили эту сцену у больного, симптомы которого, то есть последствия сцены, проявились бы когда-нибудь в его более поздней жизни, то это отнюдь не доказывало бы реальности этой сцены. Такой больной мог в самые разные моменты длительного интервала приобрести впечатления, представления и знания, которые он затем превращает в образ фантазии, проецирует назад в свое детство и привязывает к своим родителям. Но если воздействия такой сцены проявляются на четвертом и пятом году жизни, то это значит, что ребенок должен был видеть эту сцену в еще более раннем возрасте. Тогда, однако, остаются в силе все кажущиеся странными выводы, которые мы получили в результате анализа инфантильного невроза. Разве что кому-нибудь захотелось бы предположить, что пациент не только бессознательно выдумал эту первичную сцену, но и придумал изменение своего характера, свой страх волка и свою религиозную навязчивость, но такой выход из положения противоречил бы его здравомыслию в остальном и непосредственной передаче сведений в его семье. Таким образом, приходится оставаться при том — другой возможности я не вижу, — что либо анализ, исходящий из его детского невроза, вообще является сумасбродством, либо все обстоит именно так, как мною было изложено выше.

Выше [с. 160] мы также сочли сомнительным, что пристрастие пациента к женским ягодицам и к коитусу в такой позе, в которой эти части особенно выделяются, по-видимому, должно происходить от увиденного коитуса родителей, поскольку такое предпочтение составляет общую особенность архаичных конституций, предрасположенных к неврозу навязчивости. Здесь имеется напрашивающийся выход из положения, разрешающий противоречие, в виде сверхдетерминации. Ведь человеком, у которого он наблюдал эту позицию при коитусе, был его родной отец, от которого он и мог унаследовать это конституционально обусловленное пристрастие. Этому не противоречит ни последующая болезнь отца, ни история семьи; брат отца, как уже упоминалось [с. 141], умер в состоянии, которое следует понимать как результат тяжелого недуга в виде навязчивых состояний.

В связи с этим мы вспоминаем, что сестра, совращая $3^1/_4$-летнего[1] мальчика, сказала про славную пожилую няню странную кле-

---

[1] [В изданиях до 1924 года здесь говорилось: «$3^1/_2$-летнего».]

вету, что та ставит всех на голову, а затем хватает их за гениталии (с. 140). Здесь невольно напрашивается мысль, что, быть может, и сестра тоже в таком же нежном возрасте увидела ту же самую сцену, что и позднее брат, и получила оттуда импульс к тому, чтобы «ставить на голову» при половом акте. Это предположение содержало бы также и указание на источник ее собственного преждевременного сексуального развития.

[Первоначально[1] у меня не было намерения продолжить здесь обсуждение реальной ценности «первичных сцен», но поскольку тем временем я был вынужден рассмотреть эту тему в моих «Лекциях по введению в психоанализ» [1916–1917, лекция XXIII] в более широком контексте и уже не с полемической целью, то могло бы привести к недоразумению, если бы я не попытался применить изложенную там важную точку зрения к представленному здесь случаю. Итак, я продолжаю с некоторыми дополнениями и исправлениями: возможно, однако, еще и другое понимание лежащей в основе сновидения первичной сцены, которое во многом меняет только что принятое решение и избавляет нас от многих трудностей. Учение, которое пытается низвести инфантильные сцены до регрессивных символов, даже при этой модификации ничего не приобретет; оно вообще кажется мне окончательно опровергнутым этим — как и любым другим — анализом детского невроза.

Я думаю, что положение вещей можно представить себе и следующим образом. От допущения, что ребенок наблюдал коитус, при виде которого он приобрел убеждение, что кастрация может быть не только пустой угрозой, мы отказаться не можем; также и значение, которое в дальнейшем приобретают позы мужчины и женщины для развития страха и в качестве условия любви, не оставляет нам другого выбора, как только прийти к заключению, что это должен был быть *coitus a tergo, more ferarum*. Но другой момент не столь обязателен, и его можно отбросить. Быть может, ребенок наблюдал коитус не родителей, а животных, а затем переместил его на родителей, как будто он пришел к выводу, что родители делали это точно так же.

В пользу этого мнения говорит в первую очередь то, что в сновидении волки являются, по существу, овчарками, да и на рисунке кажутся таковыми. Незадолго до сновидения отец не раз брал с собой мальчика на прогулку к стадам овец [с. 150], где он мог видеть

[1] [Квадратные скобки принадлежат самому Фрейду. См. конец примечания 1, выше, с. 129.]

таких больших белых собак и, вероятно, наблюдать за ними и при коитусе. Я хотел бы также отнести сюда число три, которое сновидец указал безо всякой дальнейшей мотивировки [с. 157, прим. 3], и предположить, что у него сохранилось в памяти, что он сделал три таких наблюдения над овчарками. В исполненном ожиданием состоянии возбуждения в ночь, когда приснилось его сновидение, затем добавился перенос недавно полученного образа воспоминания со *всеми* его деталями на родителей, в результате чего и стали возможными те мощные аффективные воздействия. Теперь появилось запоздалое понимание тех воспринятых, возможно, несколько недель или месяцев назад впечатлений, — процесс, который, быть может, каждый из нас испытал на себе. Перенос совокупляющихся собак на родителей произошел тут не посредством вывода, связанного со словами, а благодаря тому, что в памяти всплыла реальная сцена встречи родителей, которая слилась с ситуацией коитуса. Все детали сцены, выявленные в анализе сновидения, могут быть точно воспроизведены. Это действительно было летом после полудня, когда ребенок болел малярией, когда ребенок проснулся, присутствовали оба родителя в белой одежде, но сцена была невинной. Остальное потом на основе увиденного у собак добавило желание любознательного ребенка подглядеть также и за родителями во время их любовного общения, и теперь выдуманная таким образом сцена проявила все воздействия, которые мы ей приписали, те же самые, как если бы она была совершенно реальной, а не была склеена из двух составных частей — из более ранней, индифферентной, и более поздней, необычайно впечатляющей.

Сразу становится очевидным, насколько нам в это проще поверить. Нам уже не нужно предполагать, что родители совершили коитус в присутствии — пусть и очень маленького — ребенка, что для многих из нас является весьма нежелательным представлением. Значительно уменьшается величина последействия; оно относится теперь только к нескольким месяцам четвертого года жизни и вообще не распространяется на темные первые детские годы. В поведении ребенка, который совершает перенос с собак на родителей и боится волка вместо отца, едва ли остается что-либо странное. Он находится в фазе развития своего мировоззрения, которая в «Тотеме и табу» [1912–1913, статья IV] была охарактеризована как возвращение тотемизма. Учение, желающее объяснить первичные сцены неврозов возвращением в фантазиях в более раннее время, в нашем наблюдении, несмотря на нежный четырехлетний возраст, по-видимому, находит у нашего невротика веское подтверждение. Каким

бы юным он ни был, он все же сумел заменить впечатление из четвертого года жизни воображаемой травмой в 1¹/₂ года; но эта регрессия не кажется ни загадочной, ни тенденциозной. Сцена, которую требовалось создать, должна была отвечать определенным условиям, которые вследствие жизненных обстоятельств сновидца можно было найти только в этом раннем возрасте, как, например то обстоятельство, что он находился в кровати в спальне родителей.

Однако большинству читателей покажется прямо-таки решающим для правильности представленной здесь точки зрения то, что я могу добавить из аналитических результатов в других случаях. Сцена наблюдения за половым актом родителей в очень раннем детстве — будь то реальное воспоминание или фантазия — в анализах невротических людей в самом деле не редкость. Возможно, она так же часто встречается и у тех, кто не стал невротиком. Возможно, она входит в постоянный состав их — сознательных или бессознательных — воспоминаний. Но всякий раз, когда мне удавалось с помощью анализа выявить подобную сцену, она обнаруживала ту же особенность, которая озадачила нас и у нашего пациента: она относилась к коитусу *coitus a tergo*, который единственно предоставляет возможность зрителю разглядеть гениталии. Тут, пожалуй, не приходится далее сомневаться, что речь идет лишь о фантазии, толчок которой, наверное, регулярно дает наблюдение за половым сношением у животных. Более того; я уже отмечал [с. 157], что изображение мною «первичной сцены» осталось неполным, поскольку я решил оставить напоследок сообщение о том, каким образом ребенок мешает половому сношению родителей. Теперь я должен добавить, что также и способ, которым создается эта помеха, во всех случаях одинаков.

Могу себе представить, что теперь я навлек на себя серьезные подозрения у читателей этой истории болезни. Если в моем распоряжении имелись эти аргументы в пользу такого понимания «первичной сцены», то каким образом я вообще мог бы оправдать то, что вначале отстаивал другую позицию, кажущеюся столь абсурдной? Или, быть может, в интервале между первым изложением на бумаге истории болезни и этим дополнением я приобрел тот новый опыт, который вынудил меня к изменению моего первоначального мнения, и по каким-то мотивам не хотел в этом признаться? Вместо этого признаюсь в чем-то другом: в этот раз у меня есть намерение закончить дискуссию о реальной ценности первичной сцены, постановив: *«Non liquet»*[1]. Эта история болезни еще

---

[1] [Не ясно, не решено (лат.). — *Примечание переводчика.*]

не завершена; в ее дальнейшем течении возникнет момент, который нарушит уверенность, которой, как нам казалось, мы можем теперь наслаждаться. Тогда, пожалуй, не останется ничего другого, как сослаться на места в моих «Лекциях», где я обсуждал проблему первичных фантазий или первичных сцен.]

VI
НЕВРОЗ НАВЯЗЧИВОСТИ

Он в третий раз испытал влияние, которое решительным образом изменило его развитие. Когда ему было $4^1/_2$ года, а его состояние раздраженности и тревожности по-прежнему не улучшалось, мать решила познакомить его с Библией в надежде его отвлечь и поднять настроение. Это ей удалось: знакомство с религией положило конец прежней фазе, но привело к тому, что симптомы тревоги сменились симптомами навязчивости. Раньше он с трудом засыпал, потому что боялся увидеть во сне такие же скверные вещи, как в ту ночь перед рождество; теперь, прежде чем лечь в постель, он должен был поцеловать все иконы в комнате, прочитать молитвы и бесчисленное множество раз осенить себя и свою постель крестным знамением.

Его детство расчленяется наглядным для нас образом на следующие эпохи: во-первых, доисторическое время вплоть до совращения (в $3^1/_4$ года), на которое приходится первичная сцена, во-вторых, период изменения характера вплоть до страшного сна (в 4 года), в-третьих, фобия животного вплоть до знакомства с религией (в $4^1/_2$ года) и с этого времени вплоть до десяти лет — невроз навязчивости. Моментальная и гладкая замена одной фазы следующей не присуща ни природе отношений, ни сущности нашего пациента, для которого, наоборот, были характерны сохранение всего прошлого и сосуществование самых разных течений. Плохое поведение не исчезло, когда появился страх, и сохранялось, постепенно идя на убыль, в период набожности. Но о фобии волков в этой последней фазе речь уже не идет. Невроз навязчивости протекал с перерывами; первый приступ был самым продолжительным и интенсивным, другие возникли в восемь и десять лет, каждый раз после поводов, имевших явное отношение к содержанию невроза. Мать сама рассказывала ему священную историю и, кроме того, велела няне читать ему о ней книгу, украшенную иллюстрациями. Особое внимание, конечно же, уделялось при этом истории о страданиях Христовых. Няня, которая была очень набожной и суеверной, давала свои пояснения, но должна была

также выслушивать все возражения и сомнения маленького критика. И если сомнения, которые теперь начали его одолевать, в конце концов закончились победой веры, то это произошло не без влияния няни.

То, что он мне рассказал в качестве воспоминания о своих реакциях на знакомство с религией, вначале вызвало у меня решительное недоверие. Это, полагал я, никак не могло быть мыслями $4^1/_2$–5-летнего ребенка; вероятно, он отодвинул в это раннее прошлое то, что возникло из размышлений 30-летнего взрослого человека[1]. Но пациент и слышать не хотел об этой поправке; его не удалось переубедить, как и во многих других случаях расхождения во мнениях между нами; взаимосвязь между припомненными мыслями и рассказанными симптомами, а также их включение в его сексуальное развитие в конце концов заставили меня ему поверить. Тогда я себе также сказал, что такая критика учений религии, которую я не хотел допустить у ребенка, осуществляется лишь самым ничтожным количеством взрослых людей.

Теперь я приведу материал его воспоминаний и только потом попробую найти путь, ведущий к его пониманию.

Впечатление, которое он получил от рассказа священной истории, по его словам, вначале не было благоприятным. Первое время он возмущался страдальческим характером персоны Христа, а затем всей его историей в целом. Он направил свою недовольную критику против бога-отца. Если, мол, он всемогущий, то это его вина, что люди такие плохие и мучают других, за что потом попадают в ад. Он должен был бы сделать их добрыми; он сам ответствен за все плохое и все мучения. Он возмутился заповедью, если тебя ударили по щеке, подставлять другую, тем, что Христос на кресте[2] желал, чтобы сия чаша миновала его, но также и тем, что не свершилось никакого чуда, которое доказало бы, что он — божий сын. Таким образом, его острый ум уже пробудился и с неумолимой строгостью умел выведать все слабые стороны священного вымысла.

---

[1] Я также не раз делал попытку передвинуть историю больного по меньшей мере на один год вперед, то есть отнести совращение к возрасту $4^1/_4$ года, сновидение — к пятому дню рождения и т. д. Ведь в интервалах ничего получить было нельзя, однако пациент также и здесь оставался непреклонен, впрочем, не сумев окончательно избавить меня от сомнения в этом. Для впечатления, которое производит его история, и для всех связанных с нею рассуждений и выводов такая отсрочка на год, очевидно, значения не имела бы.

[2] [Конечно же, имелась в виду Елеонская гора. Фрейд указал своим английским переводчикам, что ошибка вкралась у самого пациента.]

Но очень скоро к этой рационалистической критике присоединились мудрствования и сомнения, которые выдают нам содействие тайных побуждений. Одним из первых вопросов, которые он задал няне, был: имелся ли у Христа зад. Няня ответила, что он был богом, но также и человеком. Как человек он имел и делал все, что и другие люди. Это его совершенно не удовлетворило, но он сумел сам себя утешить, сказав себе, что зад — это всего лишь продолжение ног. Едва ему удалось унять страх, что он вынужден принизить святую особу, как тот разгорелся снова, когда у него возник новый вопрос, испражнялся ли Христос тоже. Он не решился задать этот вопрос благочестивой няне, а сам нашел лазейку, лучше которой она не смогла бы ему подсказать. Раз Христос сделал вино из ничего, то он мог бы также превратить и пищу в ничто и, таким образом, избавиться от надобности в дефекации.

Мы приблизимся к пониманию этих умствований, если оттолкнемся от ранее рассмотренной части его сексуального развития. Мы знаем, что его сексуальная жизнь после отказа няни [с. 143–144] и с ним связанного подавления начинающейся генитальной активности развивалась в направлениях садизма и мазохизма. Он мучил, истязал небольших животных, фантазировал о нанесении ударов лошадям, с другой стороны, о том, как бьют престолонаследника[1]. В садизме он сохранил в силе давнишнюю идентификацию с отцом, в мазохизме избрал его своим сексуальным объектом. Он полностью находился в фазе догенитальной организации, в которой я усматриваю предрасположение к неврозу навязчивости[2]. Благодаря воздействию того сновидения, из-за которого он попал под влияние первичной сцены, он мог бы сделать шаг вперед к генитальной организации и превратить свой мазохизм по отношению к отцу в женственное к нему отношение, в гомосексуальность. Но к такому результату сновидение не привело, оно окончилось страхом. Отношение к отцу, которое от сексуальной цели — быть им телесно наказанным — должно было бы привести к следующей цели — совершить, как женщина, коитус с отцом, — из-за отпора со стороны его нарциссической мужественности было отброшено на еще более примитивную ступень и в результате смещения на замену отца отщепилось в виде страха быть съеденным волком, но этим способом с ним отнюдь не было по-

---

[1] Особенно об ударах по пенису (с. 145 [и с. 165]).

[2] [См. работу Фрейда на эту тему (1913*i*), которую он написал незадолго до настоящей.]

кончено. Скорее, мы сможем воздать должное кажущемуся таким сложным положению вещей только в том случае, если будем придерживаться идеи о сосуществовании трех нацеленных на отца сексуальных стремления. С тех пор как приснился сон, он был в бессознательном гомосексуален, в неврозе — находился на уровне каннибализма; господствующей же оставалась более ранняя мазохистская установка. Все три течения имели пассивные сексуальные цели; речь шла об одном и том же объекте, о том же самом сексуальном побуждении, но произошло их расщепление на три разных уровня.

Знание священной истории предоставило ему теперь возможность сублимировать господствующую мазохистскую установку к отцу. Он стал Христом, что было ему особенно облегчено благодаря общему дню рождения. Тем самым он стал чем-то большим и, кроме того — чему пока еще не придавалось достаточного значения, — мужчиной. В сомнении, может ли Христос иметь зад, просвечивает вытесненная гомосексуальная установка, ибо эти раздумья не могли означать ничего другого, кроме вопроса, может ли отец использовать его как женщину, как мать в первичной сцене. Когда мы подойдем к разрешению других навязчивых идей, мы увидим, что это толкование подтверждается. Вытеснению пассивной гомосексуальности здесь соответствовала неприятная мысль о том, что постыдно связывать святую особу с такими предположениями. Заметно, как он старается оградить свою новую сублимацию от примеси, полученной ею из источников вытесненного. Но сделать это ему не удалось.

Мы еще не понимаем, почему он воспротивился пассивному характеру Христа и жестокому обращению со стороны отца и тем самым начал также отрицать свой прежний мазохистский идеал даже в его сублимированной форме. Мы можем предположить, что этот второй конфликт особенно был благоприятен для проявления уничижительных навязчивых мыслей из первого конфликта (между господствующим мазохистским и вытесненным гомосексуальным течением), ибо совершенно естественно, что все противоположные течения, даже происходящие из самых разных источников, суммируются в душевном конфликте. Мотив его сопротивления и вместе с тем критического отношения к религии мы узнаем из новых сообщений.

Из рассказов о священной истории извлекло выгоду также и его сексуальное исследование. До сих пор у него не было основания предполагать, что дети происходят только от женщины. Напротив,

няня заставила его поверить, что он — ребенок отца, а сестра — матери [с. 138], и это более близкое отношение к отцу было для него очень ценным. Теперь он узнал, что Марию звали богородицей. Стало быть, дети появились от женщины, и сведений няни уже не стоило больше придерживаться. Далее, благодаря рассказам он запутался, кто, собственно, был отцом Христа. Он был склонен считать им Иосифа, потому что слышал, что они всегда жили вместе, но няня сказала, что Иосиф был лишь *как бы* его отец, а настоящим отцом был бог. С этим он ничего не мог поделать. Он понял только то, что, если об этом вообще можно было говорить, то отношения между сыном и отцом не были такими близкими, как он всегда себе это представлял.

Мальчик в известной степени испытывал к отцу амбивалентность чувств, которая нашла отражение во всех религиях, и подверг нападкам свою религию из-за ослабления этих отношений с отцом. Разумеется, вскоре его оппозиция перестала проявляться в виде сомнения в истинности учения и вместо этого непосредственно обратилась против персоны бога. Бог сурово и жестоко обошелся со своим сыном, но он не лучше относился и к людям. Он принес своего сына в жертву и потребовал этого же от Авраама. Мальчик начал бояться бога.

Если он был Христом, то отец был богом. Но бог, навязываемый ему религией, не был настоящей заменой отца, которого он любил и которого он не хотел позволить у себя отнять. Любовь к этому отцу была источником его критической проницательности. Он защищался от бога, чтобы держаться за отца, при этом, собственно говоря, отстаивал старого отца против нового. Ему пришлось тут изрядно потрудиться, чтобы осуществить отделение от отца.

Итак, это была старая, ставшая очевидной в самом раннем детстве любовь к отцу, у которой он заимствовал энергию для борьбы с богом и остроту ума для критики религии. Но, с другой стороны, эта враждебность к новому богу не являлась первоначальным актом, она имела прототип во враждебном побуждении в отношении отца, возникшего под влиянием страшного сна, и, по существу, была лишь его возрождением. Оба противоположных эмоциональных импульса, которым было суждено управлять всей его дальнейшей жизнью, встретились здесь для амбивалентной борьбы, связанной с темой религии. То, что получилось в результате этой борьбы в виде симптома (богохульные мысли, навязчивость, заставлявшая его думать: бог — грязь, бог — свинья), было поэтому также самым настоящим

компромиссным решением, как нам покажет анализ этих идей во взаимосвязи с анальной эротикой.

Некоторые другие симптомы навязчивости менее типичного характера точно так же, вне всяких сомнений, ведут к отцу, но позволяют также увидеть связь невроза навязчивости с более ранними приступами.

К благочестивому церемониалу, с помощью которого он в конце искупал свое богохульство, относилось также требование — при известных условиях торжественным образом дышать. Осеняя себя крестным знамением, он должен был всякий раз делать глубокий вдох или с силой выдыхать. На его языке дыхание — то же самое, что и дух. Это, следовательно, была роль святого духа. Он должен был вдохнуть святой дух или выдохнуть злых духов, о которых слышал и читал[1]. Этим злым духам он приписывал также богохульные мысли, за которые должен был наложить на себя епитимью. Но он был вынужден выдыхать, когда видел нищих, калек, уродливых, старых, внушающих жалость людей, и он не мог соотнести эту навязчивость с духами. Сам себе он отдавал отчет только в том, что делает это, чтобы не стать таким, как они.

Затем анализ в связи с одним сном привел к объяснению, что он стал делать выдох при виде жалких людей на седьмом году жизни, и это имело отношение к отцу. Он многие месяцы не видел отца, когда мать однажды сказала, что поедет с детьми в город и покажет им нечто такое, что их очень обрадует. Она привезла их тогда в санаторий, в котором они вновь увидели отца; он плохо выглядел, и сыну было его очень жаль. Таким образом, отец был также прообразом всех калек, попрошаек и нищих, в присутствии которых он должен был выдыхать, подобно тому как он обычно является прототипом гримас, которых видят в состояниях страха, и карикатур, которых рисуют в насмешку. В другом месте [с. 202] мы узнаем еще, что это жалостливое отношение объясняется особой деталью первичной сцены, которая очень поздно проявилась в неврозе навязчивости.

Таким образом, намерение не стать таким, как они, мотивировавшее его выдыхание в присутствии калек, являлось старой идентификацией с отцом, преобразованной в негатив. И все же он копировал отца также и в позитивном смысле, ибо глубокое дыхание было подражанием шуму, который, как ему было слышно, при коитусе исходил от отца[2]. Святой дух был обязан своим происхож-

---

[1] Этот симптом, как мы узнаем, развился в шесть лет, когда он уже умел читать.
[2] При условии реальности первичной сцены!

дением этому признаку чувственного возбуждения у мужчины. Благодаря вытеснению это дыхание стало злым духом, для которого существовала еще и другая генеалогия, а именно малярия [с. 156], которой он страдал в то время, когда стал свидетелем первичной сцены.

Отвержение этих злых духов соответствовало несомненно аскетической черте, которая проявлялась еще и в других реакциях. Когда он услышал, что однажды Христос изгнал злых духов в свиней, которые затем упали в пропасть, он подумал о том, что сестра в первые годы своего детства, еще до того как он мог об этом помнить, скатилась со скалистой дорожки гавани на песчаный берег. Значит, она тоже была злым духом и свиньей; отсюда вел короткий путь к богу — свинье. Сам отец, как оказалось, тоже находился во власти чувственности. Когда он узнал историю первых людей, ему бросилось в глаза сходство его судьбы с судьбой Адама. В разговоре с няней он лицемерно удивился тому, что Адам позволил женщине навлечь на себя беду, и обещал няне, что никогда не женится. В это время отчетливо проявилось враждебное отношение к женщине из-за совращения сестрой. Оно довольно часто мешало ему и в его последующей любовной жизни. Сестра надолго стала для него воплощением искушения и греха. Исповедуясь, он мнил себя чистым и безгрешным. Но затем ему казалось, будто его подстерегает сестра, чтобы снова ввергнуть в грех, и не успевал опомниться, как провоцировал ссору с сестрой, из-за которой снова становился грешным. Так он оказывался вынужденным снова и снова репродуцировать факт совращения. Впрочем, в своих богохульных мыслях, как бы они его ни мучили, он никогда не признавался на исповеди.

Незаметно мы перешли к симптоматике более поздних лет невроза навязчивости и поэтому, перескочив через многое, что находится между этим, хотим рассказать о его исходе. Мы уже знаем, что он, помимо своего перманентного постоянства, временами усиливался, один раз, что нам пока еще не может быть понятным, когда на той же улице умер мальчик, с которым он мог идентифицироваться. Когда ему было десять лет, к нему был приглашен немец-гувернер, который очень скоро приобрел на него большое влияние. Весьма поучительно, что вся его огромная набожность исчезла и никогда больше не возрождалась, после того как он заметил и в поучительных беседах с учителем узнал, что этот заместитель отца не придавал никакого значения набожности и ничуть не верил в истинность религии. Набожность пропала вместе с за-

висимостью от отца, которого сменил новый, более обходительный отец. Это, правда, произошло не без последней вспышки невроза навязчивости, из которой ему особенно запомнилась навязчивость — думать о святой троице всякий раз, когда он видел на улице три лежащие вместе кучки помета. Он никогда не поддавался побуждению, не сделав попытки удержать обесцененное. Когда учитель отговорил его от жестокостей по отношению к маленьким животным, он покончил также и с этими злодеяниями, но сначала еще раз довольно основательно поупражнялся в разрезании гусениц. Он точно так же вел себя и во время аналитического лечения, проявляя преходящую «негативную реакцию»; после каждой вскрывающей симптом разгадки он на короткое время пытался отрицать ее действие посредством ухудшения разгаданного симптома. Известно, что дети в общем и целом ведут себя так же по отношению к запретам. Если их отругали за то, что они, например, производят невыносимый шум, то после запрета, прежде чем его прекратить, они повторяют его еще раз. При этом они добились того, что перестали шуметь якобы добровольно и пренебрегли запретом.

Под влиянием немецкого учителя возникла новая и лучшая сублимация его садизма, который в соответствии с приближавшимся тогда пубертатом взял верх над мазохизмом. Он начал увлекаться солдатской жизнью, обмундированием, оружием и лошадьми и непрерывно этим подпитывал дневные грезы. Таким образом, под влиянием мужчины он избавился от своих пассивных установок и первое время находился на нормальном в целом пути. Последствием зависимости от учителя, который вскоре после этого его покинул, было то, что в своей последующей жизни он отдавал предпочтение немецкому элементу (врачам, лечебницам, женщинам) перед родным (замещением отца), из чего извлек большую выгоду перенос во время лечения.

На время перед освобождением благодаря учителю приходится также сновидение, которое я упомяну, поскольку до своего появления в ходе лечения оно было забыто. Ему снилось, что он скачет на лошади, преследуемым огромной гусеницей. Он распознал в сновидении намек на более ранний сон, который относится к тому времени, когда учителя еще не было, и который мы давно истолковали. В этом более раннем сновидении он видел черта в черном одеянии и в вертикальном положении, которое в свое время так его напугало у волка и у льва. Вытянутым пальцем черт указывал на гигантскую улитку. Он вскоре догадался, что этот черт — демон из известного

поэтического произведения[1], а само сновидение является переработкой очень распространенной картины, изображающей демона в любовной сцене с девушкой. Улитка была вместо женщины в качестве превосходного женского сексуального символа. Руководствуясь указующим жестом демона, мы вскоре смогли в качестве смысла сновидения сказать, что сновидец тоскует по кому-то, кто дал бы ему последние, отсутствующие пока наставления о загадке полового сношения, как в свое время первые наставления дал ему отец в первичной сцене.

По поводу более позднего сновидения, в котором женский символ был заменен мужским, он вспомнил одно событие, случившееся незадолго до этого. Однажды он проезжал верхом по имению мимо спящего крестьянина, рядом с которым лежал его сын. Тот разбудил отца и ему что-то сказал, после чего отец выругался и начал преследовать всадника, и он поспешил удалиться на своей лошади. К этому добавилось второе воспоминание, что в том же имении росли деревья, совершенно белые от того, что были облеплены гусеницами. Мы понимаем, что он обратился в бегство также перед реализацией фантазии, что сын спит рядом с отцом, и что он привлек белые деревья, чтобы сделать намек на страшный сон о белых волках на ореховом дереве. Следовательно, это была непосредственная вспышка страха перед тем женственным отношением к мужчине, от которого сначала он вынужден был защищаться с помощью религиозной сублимации, а затем еще эффективней — посредством военной [с. 185].

Но было бы серьезной ошибкой предполагать, что после устранения симптомов навязчивости не осталось никаких перманентных последствий невроза. Процесс привел к победе благочестивой веры над критически исследующим протестом, а его предпосылкой явилось вытеснение гомосексуальной установки. Оба фактора оказались стойкими дефектами. После этого первого крупного поражения интеллектуальная деятельность осталась серьезно повреждена. У него не развилось прилежание в учебе и уже не проявлялся тот острый ум, который в свое время — в нежном пятилетнем возрасте — своей критикой подрывал устои религиозных учений. Вытеснение чрезмерной гомосексуальности, произошедшее во время того страшного сна, оставило это важное побуждение для бессознательного, тем самым удержало его на первоначальной целевой установке и лишилось всех сублимаций, для которых оно обычно предос-

[1] [«Демон» Лермонтова.]

тавляется. Поэтому у пациента отсутствовали социальные интересы, которые наполняют жизнь содержанием. Только когда благодаря аналитическому лечению его удалось освободить от этих оков гомосексуальности, положение вещей смогло измениться к лучшему, и было удивительно сопереживать, как — без прямого указания врача — каждая освобожденная часть гомосексуального либидо пыталась найти применение в жизни и приобщиться к великим общественным делам человечества.

VII
АНАЛЬНАЯ ЭРОТИКА И КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ

Я попрошу читателя вспомнить, что эту историю инфантильного невроза я получил, так сказать, в качестве побочного продукта во время анализа заболевания в более зрелом возрасте. Поэтому мне пришлось его составлять из еще меньших кусочков, чем те, какие обычно имеются в распоряжении для синтеза. Эта нетрудная по большей части работа имеет свои естественные пределы там, где речь идет о переводе многомерного образования на уровень описания. Таким образом, я вынужден довольствоваться представлением отдельных звеньев, которые читатель сумеет сам соединить в живое целое. Описанный невроз навязчивости, как неоднократно подчеркивалось, возник на почве анально-садистской конституции. Но до сих пор говорилось лишь об одном главном факторе — о садизме и его превращениях. Все, что касается анальной эротики, было с умыслом оставлено в стороне и теперь, будучи собранным вместе, должно быть здесь внесено дополнительно.

Аналитики уже давно единодушны в том, что многочисленные импульсы влечения, объединенные понятием анальной эротики, имеют чрезвычайное значение, которое невозможно переоценить, для построения сексуальной жизни и душевной деятельности в целом. Точно так же и в том, что одно из самых важных проявлений преобразованной эротики из этого источника состоит в обращении с деньгами[1] и что этот ценный материал в течение жизни привлек к себе психический интерес, который первоначально принадлежал фекалиям, продукту анальной зоны. Мы привыкли сводить интерес к деньгам, если он имеет либидинозный, а не рациональный характер, к удовольствию, получаемому от экскрементов, и требовать от нормального человека, чтобы в своем отношении к деньгам он был полностью свободен от либидинозных влияний и руководствовался реальными соображениями.

У нашего пациента к моменту его последующего заболевания это отношение было нарушено особенно сильно, и это сыграло от-

---

[1] [См. сочинение Фрейда «Характер и анальная эротика» (1908*b*).]

нюдь не самую незначительную роль в его несамостоятельности и неприспособленности к жизни. Благодаря наследству, полученному от отца и от дяди, он стал очень богатым, явно придавал большое значение тому, чтобы считаться богатым, и мог очень обидеться, если его в этом отношении недооценивали. Но он не знал, сколько имел, сколько тратил и сколько у него оставалось. Было трудно решить, каким его называть — скупым или расточительным. Он вел себя то так, то иначе, но никогда таким образом, который мог указать на последовательность намерений. Если судить по некоторым странным чертам, которые я приведу ниже, его можно было бы считать закоснелым толстосумом, усматривающем в богатстве наибольшее достоинство своей персоны и в сравнении с денежными интересами нисколько не считающимся с интересами чувств. Но других он не ценил по их богатству и во многих случаях проявлял себя, скорее, скромным, готовым помочь и сострадательным. Он не умел сознательно распоряжаться деньгами, и они значили для него что-то другое.

Я уже упоминал (с. 142), что счел весьма подозрительным то, как он утешал себя из-за потери сестры, ставшей в последние годы его лучшим товарищем, соображением: теперь ему не нужно будет делить с ней наследство родителей. Еще более странным, пожалуй, было спокойствие, с которым он об этом рассказывал, как будто не понимал своей черствости, в которой таким образом признавался. Хотя анализ его реабилитировал, показав, что страдание из-за сестры лишь подверглось смещению, но тут было совсем непонятным, что в обогащении он хотел найти замену сестры.

В другом случае его поведение показалось загадочным ему самому. После смерти отца оставшееся имущество было поделено между ним и матерью. Мать распоряжалась имуществом и, как он признал сам, шла навстречу его денежным требованиям щедрым и безупречным образом. Тем не менее каждое обсуждение денежных дел между ними заканчивалось самыми резкими упреками с его стороны, что она его не любит, что думает только о том, чтобы на нем сэкономить, и что ей, вероятно, больше всего хочется его видеть мертвым, чтобы одной распоряжаться деньгами. Мать тогда, плача, клялась в своем бескорыстии, он стыдился и мог по праву заверять, что совсем о ней не думает, но он был уверен, что та же самая сцена повторится, как только представится случай.

То, что фекалии задолго до анализа имели для него значение денег, следует из многих случаев, из которых я хочу сообщить только два. В то время, когда кишечник еще не был причастен к его

недугу, однажды он навестил в одном большом городе своего бедного кузена. Когда он ушел, он стал упрекать себя в том, что не поддержал этого родственника деньгами, и сразу после этого «у него возник самый сильный, наверное, позыв к дефекации в его жизни». Два года спустя он действительно назначил этому кузену ренту. Другой случай: в 18 лет во время подготовки к экзамену на аттестат зрелости он навестил коллегу и обсудил с ним, что лучше всего предпринять, так как оба боялись провалиться[1] на экзамене. Решили подкупить учителя, и его доля в сумме, которую требовалось раздобыть, разумеется, была наибольшей. По дороге домой он думал о том, что готов дать еще больше, если только его пронесет[2], если на экзамене с ним ничего не случится, и с ним на самом деле случилась другая беда — еще раньше, чем он оказался у дверей своего дома.

Мы готовы услышать, что в своем более позднем заболевании он страдал упорными, хотя и менявшимися вместе с разными поводами нарушениями функции кишечника. Когда он приступил к лечению у меня, он привык к клизмам, которые ему ставил сопровождавший его человек; спонтанного опорожнения кишечника не бывало месяцами, если не случалось внезапного возбуждения с определенной стороны, вследствие которого на несколько дней могла восстановиться нормальная деятельность кишечника. Главная его жалоба состояла в том, что мир для него был покрыт пеленой или что он отделен от мира завесой. Эта завеса разрывалась только в момент, когда благодаря клизме содержимое покидало кишечник, и тогда он чувствовал себя снова здоровым и нормальным[3].

Коллега, к которому я направил пациента для обследования его кишечника, был достаточно благоразумен, чтобы объяснить нарушение как функциональное или даже психически обусловленное и воздержаться от назначения серьезных лекарств. Впрочем, ни его назначения, ни предписанная диета пользы не принесли. В годы аналитического лечения спонтанного стула не было (за исключением тех неожиданных влияний). Больного удалось убедить, что любое более интенсивное воздействие на упрямый орган только ухудшило бы состояние, и он довольствовался тем, что один или два раза в неделю добивался опорожнение кишечника при помощи клизмы или слабительного.

---

[1] Пациент сообщил, что в его родном языке слово «провал», в отличие от немецкого, для обозначения кишечных расстройств не употребляется.

[2] Этот оборот речи в родном языке пациента имеет такое же значение, как и в немецком.

[3] Ставил ли он клизму сам или просил это сделать кого-то другого, эффект был тот же самый.

При обсуждении нарушений работы кишечника я отвел более позднему болезненному состоянию пациента больше места, чем это входило в план настоящей работы, посвященной его детскому неврозу. Для этого решающее значение имели две причины: во-первых, симптоматика кишечника, в сущности, мало изменившись, перешла из детского невроза в более поздний и, во-вторых, при окончании лечения ей досталась главная роль.

Известно, какое значение для врача, анализирующего невроз навязчивости, имеет сомнение. Оно является самым сильным оружием больного, предпочтительным средством его сопротивления. Благодаря этому сомнению также и наш пациент, отделываясь почтительным безразличием, мог годами противиться всем стараниям терапии. Ничего не менялось и не находилось способа его убедить. Наконец, мне стало понятным значение расстройства кишечника для моих целей; оно представляло частицу истерии, которая обычно отыскивается в основе невроза навязчивости. Я пообещал пациенту полное восстановление деятельности его кишечника, благодаря этому обязательству сделал его недоверие явным, а затем получил удовлетворение, видя, как исчезает его сомнение, когда кишечник, словно истерически пораженный орган, начал «соучаствовать» в работе и в течение нескольких недель восстановил свою нормальную функцию, которая так долго была нарушена.

Теперь вернусь к детству пациента, в то время, когда фекалии не могли иметь для него значения денег.

Нарушения работы кишечника появились у него очень рано, прежде всего — наиболее часто встречающееся и совершенно нормальное для ребенка недержание кала. Но мы, безусловно, будем правы, если отвергнем патологическое объяснение этих самых ранних конфузов и увидим в них лишь доказательство намерения не допустить того, чтобы помешали или воспрепятствовали получить удовольствие, связанное с функцией опорожнения. Большое удовольствие от анальных острот и выставления напоказ, которое обычно соответствует естественной простоте иных классов общества, сохранилось у него и после начала более позднего заболевания.

В то время, когда с ними жила английская гувернантка, неоднократно случалось, что он и няня были вынуждены делить спальню ненавистной воспитательницы. Няня с пониманием констатировала тогда, что именно в эти ночи он делал в постель, чего обычно уже не случалось. Он этого совсем не стыдился; то было выражением упрямства по отношению к гувернантке.

Год спустя (в $4^1/_2$ года), в период страха, случилось так, что днем он испачкал штаны. Он ужасно стыдился и плакал, когда его чистили: он не может так больше жить. Стало быть, со временем что-то изменилось, и на след этого нас навело прослеживание его жалобы. Оказалось, что слова: «Он не может так больше жить» — он повторил за кем-то другим. Однажды[1] мать взяла его с собой, когда провожала на станцию посетившего ее врача. По пути она жаловалась на свои боли и кровотечения и произнесла те же слова: «Я не могу так больше жить», не ожидая, что ребенок, которого она вела за руку, сохранит их в памяти. Жалоба, которую, впрочем, он бесчисленное множество раз повторял во время своей более поздней болезни, следовательно, означала идентификацию с матерью.

Вскоре в памяти появилось недостающее по времени и содержанию связующее звено между этими двумя событиями. Однажды в самом начале его периода страха случилось так, что обеспокоенная мать велела принять меры предосторожности, чтобы уберечь детей от дизентерии, вспыхнувшей по близости от имения. Он справился, что такое дизентерия, и, когда услышал, что при дизентерии находят кровь в стуле, очень испугался и стал утверждать, что и в его испражнениях имеется кровь; он боялся умереть от дизентерии, но после обследования его удалось убедить, что он ошибся и ничего не нужно бояться. Мы понимаем, что в этом страхе пыталась утвердить себя идентификация с матерью, о кровотечениях которой он слышал во время беседы с врачом. Во время своей последующей попытки идентификации (в $4^1/_2$ года) он позабыл про кровь; он уже себя не понимал, ошибочно полагал, что стыдится, и не знал, что содрогается от страха смерти, который, однако, недвусмысленно выдал себя в его жалобе.

Мать, у которой болела нижняя часть живота, тогда вообще тревожилась за себя и за детей; вполне вероятно, что его боязливость наряду с ее собственными мотивами опиралась на идентификацию с матерью.

Но что же означала идентификация с матерью?

Между дерзким использованием недержания кала в $3^1/_2$ года и ужасом перед ним в $4^1/_2$ года находится сновидение, с которого начался его период страха и которое дало ему задним числом пони-

[1] Когда это было, — точно не установлено, но во всяком случае до страшного сна в четыре года, вероятно, до отъезда родителей.

мание пережитой в $1^{1}/_{2}$ года сцены[1] и разъяснение роли женщины при половом акте. Напрашивается мысль также и изменение в его отношении к дефекации связать с этим великим переворотом. Дизентерией, очевидно, для него называлась болезнь, на которую, как он слышал, жаловалась мать и с которой нельзя жить; он считал, что мать больна не женской, а кишечной болезнью. Под влиянием первичной сцены ему открылась причина, что мать стала больной из-за того, что с ней совершал отец[2], и его страх иметь кровь в стуле, быть таким же больным, как мать, был отрицанием идентификации с матерью в той сексуальной сцене — тем же отрицанием, с которым он пробудился от сна. Но страх был также доказательством того, что в последующей переработке первичной сцены он поставил себя на место матери, завидовал ее отношениям с отцом. Органом, в котором могла проявиться эта идентификация с женщиной, пассивная гомосексуальная установка к мужчине, была анальная зона. Нарушения функции этой зоны теперь приобрели значение нежных женственных побуждений и сохранили его также и во время более позднего заболевания.

В этом месте мы должны выслушать возражение, обсуждение которого может во многом способствовать прояснению внешне запутанного положения вещей. Ведь нам пришлось предположить, что в процессе сновидения он понял, что женщина кастрирована, что вместо мужского члена у нее рана, которая служит половому сношению, что кастрация является необходимым условием женственности и что из-за этой грозившей потери он вытеснил женскую установку к мужчине и в страхе проснулся от гомосексуальных мечтаний. Как уживается это понимание полового сношения, это признание вагины с выбором кишечника для идентификации с женщиной? Не покоятся ли кишечные симптомы на, вероятно, более старом, полностью противоречащем страху кастрации понимании, что выходное отверстие кишечного тракта является местом полового сношения?

Несомненно, это противоречие существует, и два этих понимания совсем друг с другом не вяжутся. Вопрос только в том, должны ли они уживаться. Наше недоумение происходит от того, что мы всегда склонны трактовать бессознательные душевные процессы так, как сознательные, и забывать о принципиальном различии между двумя психическими системами.

---

[1] См. выше с. 163–164

[2] При этом он, вероятно, не заблуждался.

Когда возбужденное ожидание в рождественском сновидении, словно по волшебству, явило ему картину когда-то увиденного (или сконструированного) полового сношения родителей, несомненно, вначале возникло старое его понимание, согласно которому, частью женского тела, принимающей член, является выходное отверстие кишечного тракта. Что же другое он мог подумать, когда в $1^1/_2$ года был свидетелем этой сцены[1]? Но теперь добавилось новое — то, что случилось в четыре года. Его последующие переживания, услышанные намеки на кастрацию, пробудились и подвергли сомнению «теорию клоаки», позволили ему осознать половые различия и сексуальную роль женщины. При этом он вел себя так, как вообще ведут себя дети, которым дают нежелательное объяснение — сексуальное или другого рода. Он отбросил новое — в данном случае из мотивов страха кастрации — и уцепился за старое. Он разрешил вопрос в пользу кишечника против вагины точно таким же образом и по тем же мотивам, как он позднее принял сторону отца против бога. Новое объяснение было отвергнуто, старая теория сохранена; последняя могла дать материал для идентификации с женщиной, которая впоследствии проявилась как страх перед смертью от болезни кишечника и как первое религиозное сомнение в том, был ли у Христа зад и т. п. Нельзя сказать, что новое понимание осталось безрезультатным; как раз наоборот, оно оказало чрезвычайно сильное воздействие, став мотивом для того, чтобы сохранить в вытеснении весь процесс сновидения и исключить его из последующей сознательной переработки. Но этим его воздействие было исчерпано; на разрешение сексуальной проблемы никакого влияния оно не оказало. Конечно, было противоречием, что отныне страх кастрации мог существовать наряду с идентификацией с женщиной посредством кишечника, но все же только логическим противоречием, что большого значения не имеет. Скорее, весь процесс характерен теперь для того, как работает бессознательное. Вытеснение — это нечто иное, чем отвержение.

Когда мы изучали происхождение фобии волка, мы проследили влияние нового понимания полового акта; теперь, исследуя нарушения деятельности кишечника, мы находимся на почве старой теории клоаки. Обе точки зрения остаются отделенными друг от друга ступенью вытеснения. Отвергнутая актом вытеснения женская установка к мужчине, так сказать, удаляется в кишечную симп-

---

[1] Или пока он не понимал коитуса собак.

томатику и выражается в часто возникающих в детском возрасте диареях, запорах и кишечных болях. Более поздние сексуальные фантазии, построенные на основе правильных знаний о сексуальности, могут выражаться регрессивным образом в виде кишечных расстройств. Но мы их не поймем, пока не выявим изменения значения фекалий после первых дней детства[1].

Ранее [с. 157] я намекнул, что часть содержания первичной сцены оказалась сохранной, и теперь я могу это дополнить. Ребенок прервал в конце концов совместное пребывание родителей испражнением, которое могло мотивировать его крик. К критике этого дополнения относится все, что было привлечено мною ранее при обсуждении другого содержания этой же сцены. Пациент принял этот сконструированный мною заключительный акт и, похоже, подтвердил его «преходящим симптомообразованием». Другое предложенное мной дополнение, что отец, недовольный помехой, выразил свое недовольство ругательствами, должно было отпасть. Материал анализа на это не среагировал.

Деталь, которую я теперь добавил, разумеется, нельзя поставить в один ряд с остальным содержанием сцены. Речь здесь идет не о впечатлении извне, возвращения которого можно ожидать во многих более поздних симптомах, а о реакции самого ребенка. Во всей истории ничего не изменилось бы, если бы этого проявления тогда не было или если бы впоследствии оно было вставлено в событие сцены. Но его не понимание не вызывает сомнений. Оно означает возбужденное состояние анальной зоны (в самом широком смысле). В других случаях подобного рода наблюдение полового сношения заканчивалось мочеиспусканием; взрослый мужчина при таких же условиях ощутил бы эрекцию. То, что наш мальчуган в качестве признака своего сексуального возбуждения продуцирует опорожнение кишечника, нужно рассматривать как особенность его врожденной сексуальной конституции. Он тут же становится пассивным, проявляет бульшую склонность к последующей идентификации с женщиной, чем с мужчиной.

При этом он, как и любой другой ребенок, использует содержимое кишечника в одном из его первых и первоначальных значений. Фекалии — это первый *подарок*, первое нежное пожертвование ребенка, часть собственного тела, от которой отказываются, но толь-

---

[1] Ср. «О превращении влечений и т. д.» [(1917*c*). Хотя эта работа была опубликована до представленного здесь случая, но, вероятно, написана после него.]

ко в пользу любимого человека[1]. Использование для упрямства, как в нашем случае в $3^1/_2$ года по отношению к гувернантке, является лишь обращением в негатив этого прежнего значения подарка. *Grumus merdae*, который взломщики оставляют на месте преступления, по-видимому, означает и то, и другое: насмешку и регрессивно выраженное возмещение. Всегда, когда достигается более высокая ступень, прежняя все еще может найти применение в негативном уничижительном смысле. Вытеснение находит свое выражение в противоположности[2].

На более поздней ступени сексуального развития фекалии получают значение *ребенка*. Ведь ребенок рождается через задний проход, как испражнение. Значение фекалий как подарка легко допускает подобное превращение. В обыденной речи ребенка называют «подарком»; о женщине часто говорят, что она «подарила ребенка» мужу, но в употреблении бессознательного точно так же по праву учитывается другая сторона отношений, то есть что женщина «получает» ребенка в подарок от мужчины.

Значение фекалий как *денег* ответвляется в другом направлении от их значения как подарка.

Раннее покрывающее воспоминание нашего больного, что он продуцировал первый припадок гнева из-за того, что получил к рождеству недостаточно много подарков, теперь раскрывает свой более глубокий смысл. Тем, чего он недосчитался, было сексуальное удовлетворение, которое он понимал анально. Он был уже подготовлен к этому своим сексуальным исследованием до сновидения, а во время процесса сновидения понял, что половой акт разрешает загадку происхождения маленьких детей. Еще до сновидения он не любил маленьких детей. Однажды он нашел маленькую, еще голую птичку,

---

[1] Я думаю, можно легко доказать, что младенцы пачкают своими экскрементами только тех лиц, которых они знают и любят; чужаков таким отличием они не удостаивают. В «Трех очерках по теории сексуальности» [(1905*d*), очерк II, первая часть четвертого раздела (*Studienausgabe*, т. 5, с. 92–94)] я упомянул о самом первом применении кала для аутоэротического раздражения слизистой оболочки кишечника; в качестве следующего шага вперед теперь к этому добавляется, что учет объекта, которому ребенок послушен или хочет услужить, имеет решающее значение. Это отношение сохраняется и в дальнейшем, поскольку более взрослый ребенок позволяет только известным предпочитаемым лицам сажать себя на горшок и помогать при мочеиспускании, при этом, однако, учитываются и другие цели, связанные с удовлетворением.

[2] Как известно, в бессознательном не существует «нет»; противоположности совпадают. Отрицание появляется только благодаря процессу вытеснению. [См. «Бессознательное» (1915*e*), раздел V, и более позднюю работу «Отрицание» (1925*h*).]

выпавшую из гнезда, принял ее за маленького человечка и почувствовал отвращение. Анализ доказал, что все маленькие животные, гусеницы, насекомые, приводившие его в ярость, для него означали маленьких детей[1]. Его отношение к старшей сестре дало ему повод задуматься над отношением старших детей к младшим; Однажды, когда ему няня сказала, что мать его так сильно любит, потому что он младший, у него появился понятный мотив желать, чтобы после него не было еще более маленького ребенка. Страх перед этим младшим снова затем ожил у него под влиянием сновидения, продемонстрировавшего ему сношение родителей.

Таким образом, к уже нам известным сексуальным течениям мы должны добавить новое, которое, как и другие, исходит из репродуцированной в сновидении первичной сцены. В идентификации с женщиной (с матерью) он готов подарить отцу ребенка и ревнует к матери, которая уже это сделала и, быть может, сделает это опять.

Обходным путем через общий исходный пункт значения подарка деньги могут привлечь к себе значение ребенка и тем самым заимствовать выражение женского (гомосексуального) удовлетворения. Этот процесс произошел у нашего пациента, когда однажды в то время, когда брат и сестра находились в немецком санатории, он увидел, что отец дал сестре две крупные денежные банкноты. В своей фантазии он всегда подозревал отца в близости с сестрой; тут у него пробудилась ревность, он бросился на сестру, когда они были одни, и с такой горячностью и с такими упреками стал требовать свою долю в деньгах, что сестра, плача, швырнула ему все. Его рассердили не только реальные деньги, но и гораздо больше — ребенок, анальное сексуальное удовлетворение от отца. В этом отношении он мог утешиться, когда — при жизни отца — сестра умерла. Его возмутительная мысль при известии о ее смерти [с. 189], в сущности, означала только одно: теперь я единственный ребенок, теперь отец должен любить меня одного. Но гомосексуальная подоплека этого вполне способного осознаваться соображения была настолько невыносима, что его облачение в низкую алчность, вероятно, оказалось возможным как огромное облегчение.

Похожим образом дело обстояло тогда, когда после смерти отца он несправедливо упрекал мать, что она хочет его обмануть в вопросе о деньгах, что она любит деньги, а не его [с. 189]. Старая ревность,

---

[1] Точно так же вредные насекомые, которые часто означают маленьких детей в сновидениях и фобиях.

что она любила кроме него еще и другого ребенка, возможность того, что после него она желала иметь еще одного ребенка, вынуждали его к обвинениям, необоснованность которых он сам признавал.

Благодаря этому анализу значения фекалий нам теперь становится ясно, что навязчивые мысли, которые должны были соединить бога и фекалии, означали еще и нечто другое кроме хулы, которую он в них сознавал. Это были, скорее, настоящие компромиссные результаты, в которых нежное, жертвенное течение имело такую же долю, что и враждебное и оскорбляющее. «Бог — кал» было, вероятно, сокращением предложения, которое в жизни приходится слышать и в несокращенной форме. «Нагадить на бога», «немного нагадить богу» — означает также подарить ему ребенка, получить от него в подарок ребенка. Старое негативно-уничижительное значение подарка и позднее развившееся из него значение ребенка соединены друг с другом в навязчивых словах. В последнем значении находит выражение женская нежность, готовность отказаться от своей мужественности, если взамен тебя могут любить как женщину. Стало быть, это именно то побуждение, направленное против бога, которое недвусмысленными словами выражается в бредовой системе паранойяльного председателя судебной коллегии Шребера[1].

Когда я позднее сообщу о последнем разрешении симптома у моего пациента, можно будет еще раз показать, что кишечное расстройство служило гомосексуальному течению и выражало женскую установку к отцу. Новое значение фекалий должно теперь проложить нам путь к обсуждению комплекса кастрации.

Раздражая эрогенную слизистую оболочку кишечника, столбик кала играет для нее роль активного органа, ведет себя так, как пенис в отношении слизистой оболочки вагины, и, так сказать, становится его предшественником в эпоху клоаки. Отдача фекалий в пользу другого лица (или из любви к нему) в свое время становится прототипом кастрации; это первый случай отказа от части собственного тела[2], чтобы заслужить благосклонность любимого другого. Следовательно, обычно нарциссическая любовь к своему пенису не лишена доли анальной эротики. Кал, ребенок, пенис, стало быть, образуют единство, бессознательное понятие — *sit venia verbo,* — понятие отделимого от тела «малыша». По этим соединительным путям могут происходить смещения и усиления либиди-

---

[1] [Freud, 1911*c*, конец раздела I; *Studienausgabe*, т. 7, с. 159–161.]

[2] В качестве которой ребенок непременно рассматривает фекалии.

нозного катексиса, имеющие значение для патологии и раскрываемые анализом.

Первоначальная позиция нашего пациента в отношении проблемы кастрации нам уже стала известна. Он ее отверг и остался на точке зрения сношения через задний проход. Когда я сказал, что он ее отверг, то главное значение этого выражения состоит в том, что он ничего не хотел о ней знать в значении вытеснения. Этим, собственно говоря, не выносилось никакого суждения о ее существовании, но это было почти равносильно тому, что она не существовала. Однако эта установка не могла быть окончательной, и она не сохранилась даже в период его детского невроза. Позднее имеются веские доказательства того, что он признал кастрацию как факт. Также и в этом пункте он вел себя так, как это было типично для его нрава, что, разумеется, чрезвычайно затрудняет нам как описание, так и вчувствование. Сначала он упирался, а потом уступил, но одна реакция не упразднила другую. В конце у него рядом друг с другом существовали два противоположных течения, из которых одно испытывало отвращение к кастрации, а другое было готово ее принять и утешаться женственностью в качестве компенсации. Третье, самое старое и глубокое, которое просто отбросило мысль о кастрации, причем суждение о ее реальности пока еще не принималось в расчет, также можно было еще активировать. В другом месте[1] я рассказал о галлюцинации этого же пациента, относящейся к пятому году жизни, к которой я хочу здесь присоединить небольшой комментарий.

«Когда мне было пять лет, я играл в саду рядом с моей няней и перочинным ножом резал на мелкие кусочки кору одного из тех ореховых деревьев, которые играют роль[2] также и в моем сновидении[3]. Вдруг я с невыразимым ужасом заметил, что так порезал себе мизинец (правой или левой?) руки, что он висел только на коже. Я не чувствовал боли, но испытал сильный страх. Я не решился что-либо сказать няне, находившейся в нескольких шагах, а опустился на ближайшую скамейку и остался сидеть, неспособный бросить

---

[1] «О *fausse reconnaissance* (*«déjà raconté»*) во время психоаналитической работы» [1914*a*].

[2] См. «Сказочный материал в сновидениях» [1913*d*].

[3] Исправление при последующем рассказе: «Я думаю, что резал не дерево. Это — слияние с другим воспоминанием, которое, должно быть, также галлюцинаторно искажено; что я сделал надрез ножом в дереве и что при этом из дерева пошла *кровь*».

еще один взгляд на палец. Наконец, я успокоился, посмотрел на палец и увидел, что он был совсем невредим».

Мы знаем, что в $4^1/_2$ года после знакомства со священной историей у него началась та интенсивная мыслительная работа, которая перешла в навязчивую набожность. Поэтому мы можем предположить, что эта галлюцинация приходится на то время, когда он решился признать реальность кастрации, и что, возможно, она маркирует именно этот шаг. Не лишено интереса также и небольшое исправление, внесенное пациентом [см. последнее примечание]. Если он галлюцинировал то же самое жуткое переживание, о котором рассказывает Тассо в «Освобожденном Иерусалиме» о своем герое Танкреде[1], то будет, пожалуй, оправданным толкование, что и для моего маленького пациента дерево означало женщину. Стало быть, он при этом изображал отца и связал знакомое ему кровотечение матери с открытой им кастрацией женщины, «раной».

Повод к галлюцинации об отрезанном пальце, как он сообщил позднее, дал ему рассказ о том, что одной родственнице, родившейся с шестью пальцами на ноге, этот лишний член сразу после этого отрубили топором. Стало быть, женщины не имели пениса, потому что его им отняли при рождении. Этим путем к моменту возникновения невроза навязчивости он принял то, что узнал еще во время процесса сновидения и что тогда отмел от себя посредством вытеснения. Также и ритуальное обрезание Христа, как и вообще евреев, не могло остаться ему неизвестным при чтении священной истории и разговорах о ней.

Не подлежит никакому сомнению, что в это время отец стал для него тем внушающим страх человеком, который ему угрожает кастрацией. Жестокий бог, с которым тогда он боролся, который заставляет людей провиниться, чтобы наказать их затем, который приносит в жертву своего сына и людских сыновей, перенес свой характер на отца, которого он, с другой стороны, пытался защитить от этого бога. Мальчику предстояло здесь наполнить филогенетическую схему, и он это сделал, хотя его личные переживания с этим не согласовывались. Угрозы кастрации или намеки, которые ему приходилось слышать, скорее, исходили от женщин[2], но это не могло надолго отсрочить конечный результат. В конце концов все же

---

[1] [*Gerusalemme Liberate*. Душа возлюбленной Танкреда Клоринды была заключена в дереве. Когда он, не зная об этом, нанес мечом удар по стволу, из зарубки потекла кровь.]

[2] Мы знаем это о няне и еще узнаем о другой женщине.

отец стал тем лицом, со стороны которого он боялся кастрации. В этом пункте наследственность взяла верх над случайным переживанием; в доисторическую эпоху человечества, несомненно, именно отец совершал кастрацию в качестве наказания, а затем умерил ее до обрезания. Чем дальше в процессе невроза навязчивости пациент продвигался по пути вытеснения чувственности[1], тем естественней ему было наделять отца, истинного представителя чувственных проявлений, такими дурными намерениями.

Идентификация отца с кастратором[2] приобрела большое значение как источник интенсивной, усилившейся до желания смерти, бессознательной враждебности к нему и возникавшего как реакция на нее чувства вины. Но в общем и целом он вел себя нормально, то есть как всякий невротик, одержимый эдиповым комплексом. Примечательно, что и для этого у него существовало противоположное течение, в котором отец был скорее кастрированным и поэтому вызывал у него сострадание.

При анализе дыхательного церемониала при виде калек, нищих и т. д. я сумел показать, что и этот симптом относился к отцу, который в качестве больного вызывал сострадание у моего пациента, когда он его навещал в лечебнице [с. 183]. Анализ позволил проследить эту нить еще дальше. В очень раннем возрасте, вероятно, еще до совращения (в $3^1/_4$ года), в имении был бедный поденщик, носивший в дом воду. Он не мог говорить, якобы потому, что ему отрезали язык. Вероятно, он был глухонемой. Малыш его очень любил и жалел от всего сердца. Когда тот умер, он искал его на небе[3]. Таким образом, это был первый калека, которому он сочувствовал; если исходить из контекста и порядка в анализе, — несомненно, заместитель отца.

Анализ присоединил к нему воспоминание о других ему симпатичных слугах, по поводу которых он указал, что они были немощными или евреями (обрезание!). Также лакей, помогавший его чистить его, когда с ним случилась та неприятность в $4^1/_2$ года [с. 192],

---

[1] См. подтверждения этого на с. 184.

[2] К самым мучительным, но вместе с тем и самым гротескным симптомам его последующего страдания принадлежало его отношение к любому... портному, которому он заказывал какой-нибудь предмет одежды, его уважение и его робость перед этой важной персоной, его желание расположить его к себе чрезмерными чаевыми и его отчаяние из-за результата работы, каким бы он ни оказался. [Вспомним о том, что именно портной оторвал волку хвост (с. 151).]

[3] В связи с этим я упомяну сновидения, которые он видел позже, чем страшный сон, но еще в первом имении, и которые изображали сцену коитуса как процесс, происходивший между небесными телами.

был евреем, чахоточным и вызывал у него сострадание. Все эти лица относятся ко времени до посещения отца в санатории, то есть до симптоматического образования, которое посредством выдоха должно было уберечь от идентификации с теми, кто внушал жалость. Затем анализ в связи с одним сновидением неожиданно снова вернулся в древние времена и побудил его высказать утверждение, что при коитусе в первичной сцене он наблюдал исчезновение пениса, пожалел из-за этого отца и обрадовался появлению вновь того, что он считал потерянным. Итак, новое чувство, опять-таки исходящее из этой сцены. Впрочем, нарциссическое происхождение сострадания, о котором говорит само слово, здесь вполне очевидно.

VIII
ДОПОЛНЕНИЯ ИЗ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН — РАЗВЯЗКА

Во многих анализах бывает так, что, когда близится конец, неожиданно всплывает новый материал воспоминаний, который до сих пор тщательно скрывался. Или вдруг равнодушным тоном, как будто это нечто излишнее, вставляется незначительное замечание, к которому в другой раз добавляется кое-что еще, что уже заставляет врача насторожиться, и, наконец, в том обрывке воспоминания, которому не придавалось значения, обнаруживается ключ к самым важным тайнам, окружавшим невроз больного.

Еще давно мой пациент рассказал воспоминание о том времени, когда его плохое поведение обычно переходило в страх. Он преследовал красивую большую бабочку с желтыми полосками, большие крылья которой заканчивались острыми отростками, то есть махаона [см. с. 136]. Вдруг, когда бабочка села на цветок, его охватил невыносимый страх перед насекомым, и он с криком убежал.

Время от времени это воспоминание возвращалось в ходе анализа и требовало своего объяснения, которое долго не получало. Однако можно было предположить заранее, что такая деталь сохранилась в памяти не сама по себе, а в качестве покрывающего воспоминания замещала нечто более важное, с которым была каким-то образом связана. Однажды он сказал, что бабочка на его языке называется «бабушка», старая матушка; бабочки вообще казались ему женщинами и девушками, а жуки или гусеницы — мальчиками. Таким образом, в той сцене страха, должно быть, пробудилось воспоминание о существе женского пола. Не буду умалчивать, что тогда я как возможность предположил, что желтые полоски бабочки напомнили ему такие же полосы на предмете одежды, который носила женщина. Я делаю это только затем, чтобы показать на примере, сколь недостаточной, как правило, оказывается комбинация врача для решения возникших вопросов, насколько несправедливо делать ответственными за результаты анализа фантазию и суггестию врача.

В совершенно другой взаимосвязи много месяцев спустя пациент заметил, что, когда бабочка села и стала раскрывать и складывать крылья, это произвело на него впечатление чего-то зловещего.

Это было похоже на то, как женщина раздвигает ноги, а ноги составляют фигуру римской цифры V — как известно, время, в которое еще в его детские годы, но также и теперь, обычно портилось его настроение [с. 156].

Это была мысль, которая никогда не пришла бы мне в голову, но она приобретала ценность благодаря соображению, что выявленный в ней ассоциативный процесс носил поистине инфантильный характер. Внимание детей, как я часто замечал, гораздо больше привлекает движение, а не формы, находящиеся в покое, и они часто создают ассоциации на основе сходства движения, которые нами, взрослыми, пренебрегаются или не замечаются.

Затем эта небольшая проблема снова на долгое время исчезла. Я хочу также упомянуть общераспространенное предположение, что заостренные или палкообразные отростки крыльев бабочки могут иметь значение символов гениталий.

Однажды робко и неясно всплыло нечто вроде воспоминания о том, как очень рано, еще до няни, за детьми ухаживала девушка, которая его очень любила. У нее было такое же имя, как и у матери. Конечно, он отвечал на ее нежность. Итак, забытая первая любовь. Но мы сошлись на том, что, должно быть, здесь что-то произошло, что стало важным впоследствии.

Затем, в другой раз, он поправил свое воспоминание. Ее не могли звать так, как мать, это было ошибкой с его стороны, которая, конечно, доказывала, что в его воспоминаниях она была слита с матерью. Ее настоящее имя пришло ему на ум также окольным путем. Ему вдруг вспомнились кладовка в первом имении, в которой хранились собранные фрукты, и определенный сорт груш великолепного вкуса, большие груши с желтыми полосками на кожице. На его родном языке эти плоды называют *груша*, и это было также именем той юной няни.

Таким образом стало ясно, что за покрывающим воспоминанием о преследуемой бабочке скрывалось воспоминание о юной няне. Но желтые полосы находились не на ее платье, а на фруктах, которые называли так же, как и ее саму. Но откуда взялся страх при активации воспоминания о ней? Ближайшая грубая комбинация могла бы гласить, что у этой девушки, когда он еще был маленьким ребенком, он впервые увидел движения ног, которые зафиксировал как знак римской цифры V, движения, которые делают доступными гениталии. Мы отказались от этой комбинации и ожидали дальнейшего материала.

Очень скоро появилось воспоминание об одной сцене, неполное, но, насколько оно сохранилось, совершенно определенное.

Груша лежала на полу, рядом с ней стояли чан и веник из связанных прутьев; он был тут же, и она дразнила или высмеивала его.

То, чего здесь недоставало, легко можно было дополнить другими эпизодами. В первые месяцы лечения он рассказывал о навязчиво возникшей влюбленности в одну крестьянскую девушку, от которой заразился болезнью, послужившей поводом к его последующему заболеванию[1]. Тогда странным образом он отказывался сообщить имя девушки. Это был совершенно обособленный случай сопротивления; обычно он безоговорочно подчинялся основному аналитическому правилу. Но он утверждал, что ему очень стыдно произнести это имя, потому что оно чисто крестьянское; знатная девушка никогда бы его не носила. Имя, которое, наконец, стало известно, было *Матрена*. Оно звучало по-матерински. Стыд явно был неуместен. Самого факта, что эти влюбленности относились исключительно к простым девушкам, он не стыдился, — только имени. Если приключение с Матреной могло иметь нечто общее со сценой с Грушей, то стыд следовало отнести к этому раннему происшествию.

В другой раз он рассказал, что, когда он узнал историю Яна Гуса, то был очень ею взволнован, и его внимание оставалось прикованным к связкам хвороста, которые волокли к нему на костер. Симпатия к Гусу пробуждает вполне определенное подозрение; я часто ее обнаруживал у молодых пациентов и всегда мог ее объяснить одинаковым образом. Один из них даже сделал драматургическую обработку судьбы Гуса; он начал писать свою драму в тот день, когда лишился объекта своей державшейся втайне влюбленности. Гуса сжигают на костре, он, как и другие, кто отвечает этому же условию, становится героем для тех, кто раньше страдал энурезом. Связки хвороста, которые волокли на костер для сожжения Гуса, мой пациент сам соотнес с веником (связкой прутьев) молодой няни.

Этот материал легко подходил, чтобы восполнить пробел в воспоминании о сцене с Грушей. Глядя, как девушка моет пол, он помочился в комнате, и после этого она в шутку пригрозила ему кастрацией[2].

---

[1] [Гонорейная инфекция, ср. с. 129 выше.]

[2] Весьма примечательно, что реакция смущения так тесно связана с непроизвольным мочеиспусканием (дневным и ночным), а не, как следовало бы ожидать, с недержанием кала. Опыт не оставляет в этом отношении никакого сомнения. Заставляет задуматься также постоянная связь между недержанием мочи и огнем. Возможно, что в этих реакциях и взаимосвязях мы сталкиваемся с осадками культуры человечества, которые залегают глубже, чем все то, что сохранилось для нас благодаря их следам в мифах и фольклоре. [Об отношении между энурезом и огнем см. позднюю работу Фрейда (1932*a*).]

Не знаю, могут ли читатели уже догадаться, почему я так подробно рассказываю этот эпизод из раннего детства[1]. Он образует важную связь между первичной сценой и более поздней навязчивой любовью [с. 160], сыгравшей решающую роль в его судьбе, и, кроме того, знакомит с условием любви, которое объясняет эту навязчивость.

Когда он увидел на полу девушку, которая мыла его, стоя на коленях, выставив ягодицы и удерживая спину в горизонтальном положении, он узнал в этом позу, которую приняла мать в сцене коитуса. Она стала для него матерью, вследствие активации той картины[2] его охватило сексуальное возбуждение, и он повел себя по отношению к ней по-мужски, как отец, действие которого он тогда мог понять только как мочеиспускание. То, что он помочился на пол, собственно говоря, было попыткой соблазнения, и девушка ответила на это угрозой кастрации, как будто она его поняла.

Навязчивость, исходящая из первичной сцены, перенеслась на эту сцену с Грушей и посредством ее продолжала оказывать свое действие. Но условие любви претерпело изменение, доказывающее влияние второй сцены; оно перенеслось с позы женщины на ее деятельность в такой позе. Это стало очевидным, например, в происшествии с Матреной. Он гулял по деревне, принадлежащей (более позднему) имению [ср. с. 136], и на краю пруда увидел стоявшую на коленях крестьянскую девушку, стиравшую в пруду белье. Он моментально и с непреодолимой силой влюбился в прачку, хотя еще и не видел ее лица. Благодаря своей позе и деятельности она заняла для него место Груши. Теперь мы понимаем, почему стыд, относившийся к содержанию сцены с Грушей, мог связаться с именем Матрены.

Навязчивое влияние сцены с Грушей проявляется еще яснее в другом приступе влюбленности за несколько лет до этого. Ему уже давно нравилась юная крестьянская девушка, исполнявшая в доме обязанности служанки, но он сумел заставить себя не сближаться с нею. Однажды его охватила влюбленность, когда он застал ее одну в комнате. Согнувшись, она мыла пол, рядом с ней находились ведро и веник, то есть все было так, как с той девушкой в его детстве.

---

[1] Он приходится на возраст около $2^1/_2$ лет — между мнимым наблюдением коитуса и совращением.

[2] [До сновидения!]

Даже окончательный выбор объекта, ставший столь значимым для его жизни, в силу своих обстоятельств, на которых здесь нет возможности остановиться подробнее, оказывается зависимым от того же условия любви, отростком навязчивости, которая, начиная с первичной сцены и продолжая сценой с Грушей, определяла его любовный выбором. Ранее я отмечал, что признаю у пациента стремление к унижению объекта любви. Его можно свести к реакции на гнет превосходящей его сестры. Но я тогда обещал показать, что этот мотив (с. 142) диктаторского характера не был единственно определяющим, а посредством чисто эротических мотивов скрывает более глубокую детерминацию. Воспоминание о моющей пол, но в своей позе униженной юной няне выявило эту мотивировку. Все последующие объекты любви были замещающими персонами этой девушки, которая сама благодаря случайной ситуации стала первой заменой матери. Первую мысль пациента, касающуюся проблемы страха бабочки, задним числом можно легко распознать как отдаленный намек на первичную сцену (пятый час). Отношение сцены с Грушей к угрозе кастрации он подтвердил особенно содержательным сновидением, которое он сам сумел перевести. Он сказал: «Мне снилось, что *какой-то человек отрывает крылья Espe*». — «Espe? — пришлось мне переспросить. — Что вы имеете в виду?» — «Ну, насекомое с желтыми полосками на теле, которое может ужалить». Это, должно быть, намек на Грушу, грушу с желтыми полосками. — «*Wespe*[1], вы хотите сказать?» — поправил я. — «Это называется Wespe? Я действительно думал, что это называется Espe». (Он, как и многие другие, пользуется тем, что говорит на чужом ему языке, чтобы скрыть симптоматические действия.) — «Но Espe — это же я, S. P.» (Инициалы его имени.) Espe, разумеется, — искалеченное Wespe. Сновидение недвусмысленно говорит, что он мстит Груше за ее угрозу кастрации.

Действие ребенка, которому исполнилось $2^1/_2$ года, в сцене с Грушей представляет собой первое ставшее нам известным влияние первичной сцены; в нем он предстает копией отца, и мы можем в нем распознать тенденцию развития в направлении, которое впоследствии заслужит название мужского. Сокращением он оттесняется в пассивность, которая, однако, уже была подготовлена его поведением в качестве зрителя при сношении родителей.

Из истории лечения я должен еще подчеркнуть, что создалось впечатление, что вместе с преодолением сцены с Грушей, первого

---

[1] [Оса (нем.). — *Примечание переводчика.*]

переживания, которое он действительно мог вспомнить и вспомнил без моих догадок и моего участия, задача лечения была решена. Отныне не было больше сопротивления, осталось разве что собрать и сопоставить полученный материал. Старая теория травмы, построенная на впечатлениях из психоаналитической терапии, вдруг снова нашла свое применение. Из критического интереса я еще раз попытался навязать пациенту другое понимание его истории, которое было бы более желанным для трезвого ума. В сцене с Грушей сомневаться не приходится, но сама по себе она ничего не значит; она получила подкрепление задним числом благодаря регрессии от событий, связанных с его выбором объекта, который вследствие тенденции к унижению перенесся с сестры на служанку. Наблюдение же коитуса представляет собой фантазию его более поздних лет, историческим ядром которой могло бы быть наблюдение или переживание, скажем, безобидной клизмы. Иные читатели, возможно, подумают, что только благодаря этому предположению я приблизился к пониманию случая; пациент посмотрел на меня, не понимая, в чем дело, и несколько пренебрежительно, когда я представил ему это мнение, и никогда больше на него не реагировал. Мои собственные аргументы против такой рационализации я подробно изложил выше [раздел V].

[Но[1] сцена с Грушей не только содержит решающие для жизни пациента условия выбора объекта и оберегает нас от ошибки переоценивать значение уничижительной тенденции в отношении женщины. Она способна также оправдать меня, когда я ранее безо всяких сомнений отказался свести первичную сцену к произведенному незадолго до сновидения наблюдению за животными в качестве единственно возможного решения (с. 176–177). Она возникла в воспоминании пациента спонтанно и без моего участия. Объясняющийся ею страх перед бабочкой с желтыми полосами доказал, что она имела важное содержание или что появилась возможность задним числом придать ею содержанию такое значение. Это важное, которое отсутствовало в воспоминании, можно было с уверенностью дополнить благодаря сопутствующим воспоминанию мыслям и сделанных из них заключений. И тогда оказалось, что страх бабочки был совершенно аналогичен страху волка; в обоих случаях это был страх кастрации, сначала относившийся к человеку, первым высказавшему угрозу кастрации, а затем перенесенный на других

[1] [Квадратные скобки самого Фрейда. См. конец примечания на с. 129 выше.]

лиц, к которым он должен был прикрепиться в соответствии с филогенетическим образцом. Сцена с Грушей случилась в $2^1/_2$ года, страшное переживание с желтой бабочкой — несомненно, после страшного сна. Было нетрудно понять, что более позднее осознание возможности кастрации задним числом породило страх из сцены с Грушей; но сама по себе эта сцена ничего предосудительного или невероятного не содержала, скорее, она имела совершенно банальные детали, сомневаться в которых нет никаких оснований. Ничего не заставляло ее сводить к фантазии ребенка; это также представляется едва ли возможным.

Возникает вопрос: вправе ли мы усматривать в мочеиспускании стоящего мальчика, когда стоящая на коленях девушка моет пол, доказательство его сексуального возбуждения? В таком случае это возбуждение свидетельствовало бы о влиянии более раннего впечатления, которое с таким же успехом могло быть порождено реальным фактом первичной сцены, как и наблюдением над животными, сделанным до $2^1/_2$ лет. Или та ситуация была совершенно невинной, мочеиспускание ребенка было чисто случайным, а вся эта сцена была сексуализирована только позднее в воспоминании, после того как подобные ситуации стали восприниматься как многозначительные?

Я не осмеливаюсь здесь принять какое-либо решение. Должен сказать, что уже считаю большой заслугой психоанализа, что он пришел к такой постановке вопроса. Но не могу отрицать, что сцена с Грушей, роль, которая выпала ей в анализе, и воздействия, исходившие от нее в жизни, объясняются все-таки естественнее и полнее всего, если первичную сцену, которая в других случаях может быть фантазией, признать здесь реальной. В сущности, в ней нет ничего невозможного; предположение о ее реальности полностью уживается с возбуждающим влиянием наблюдения за животными, на которое указывают овчарки в картине сновидения.

От этого неудовлетворительного заключения я перехожу к рассмотрению вопроса, который я пытался решить в «Лекциях по введению в психоанализ» [лекция XXIII]. Мне самому хотелось бы знать, чем была первичная сцена у моего пациента — фантазией или реальным переживанием, но, принимая во внимание другие подобные случаи, нужно сказать, что решить это, в сущности, не так уж и важно. Сцены наблюдения за половым сношением родителей, совращения в детстве и угрозы кастрации являются несомненным унаследованным достоянием, филогенетическим наследием, но точно так же они могут быть приобретены благодаря личному пе-

реживанию. У моего пациента совращение старшей сестрой было неоспоримой реальностью; почему ею не могло быть также и наблюдение родительского коитуса?

В древней истории невроза мы видим только то, что ребенок прибегает к этому филогенетическому переживанию там, где его собственного переживания недостаточно. Пробел индивидуальной правды он заполняет правдой доисторической, опыт предков ставит на место опыта собственного. В признании этого филогенетического наследия я полностью соглашаюсь с Юнгом («Психология бессознательных процессов», 1917, труд, который не мог уже повлиять на мои «Лекции»); но я считаю методически неправильным прибегать к объяснению из филогенеза, не исчерпав возможностей онтогенеза; я не понимаю, почему у детских древних времен упорно хотят оспорить значение, которое с готовностью признают за древними временами предков; не могу не отметить, что филогенетические мотивы и продукты сами нуждаются в объяснении, которое в целом ряде случаев можно дать исходя из индивидуального детства, и, наконец, я не удивляюсь, если окажется, что сохранение тех же условий позволяет органически возродить у отдельных людей то, что они создали когда-то в древние времена и унаследовали в качестве диспозиции к приобретению заново.

В промежуток времени между первичной сценой и совращением ($1^1/_2$ — $3^1/_4$ года) нужно еще включить немого водовоза [с. 201], который был для него заменой отца подобно тому, как Груша — заменой матери. Я думаю, что неправомерно говорить здесь о тенденции к унижению, хотя оба родителя замещаются прислугой. Ребенок не обращает внимания на социальные различия, которые пока для него мало что значат, и ставит в один ряд с родителями также простых людей, если они проявляют к нему такую же любовь, как родители. Так же не имеет значения эта тенденция для замены родителей животными, презрение к которым совершенно чуждо ребенку. Независимо от такого унижения для замены родителей привлекаются также дяди и тети, что также и в отношении моего пациента доказано многочисленными воспоминаниями.

К этому же времени относятся также смутные сведения об одной фазе, в которой он не желал есть ничего, кроме сладостей, что вызвало беспокойство о его здоровье. Ему рассказали о дяде, который тоже отказывался от еды и умер молодым от истощения. Он

также слышал, что в возрасте трех месяцев так тяжело болел (воспалением легких?), что для него уже приготовили саван. Его удалось напугать, и он опять начал питаться; в более поздние детские годы он даже преувеличил эту обязанность, а именно для того, чтобы обезопасить себя от угрозы смерти. Страх смерти, который тогда у него пробудили для его же защиты, вновь проявился позднее, когда мать его предостерегла от опасности дизентерии [с. 192]; еще позже этот страх спровоцировал приступ невроза навязчивости (с. 184). В дальнейшем мы попытаемся исследовать его источники и значения [с. 218].

Нарушению, связанному с принятием пищи, я хотел бы придать значение самого первого невротического заболевания; таким образом, а также фобия волка и навязчивая набожность дают в результате полный ряд инфантильных заболеваний, которые приносят с собой предрасположение к невротическому обвалу в годы после наступления половой зрелости. Мне возразят, что мало кто из детей избегает таких нарушений, как временное отсутствие аппетита или фобия животных. Но этому аргументу я только рад. Я готов утверждать, что любой невроз взрослого человека надстраивается над его детским неврозом, который, однако, не всегда достаточно интенсивен, чтобы бросаться в глаза и быть распознанным как таковой. Теоретическое значение инфантильного невроза для понимания заболеваний, которые мы считаем неврозами и хотим выводить лишь из влияний более поздней жизни, благодаря тому возражению только повысится. Если бы наш пациент в добавок к своему нарушению, связанному с принятием пищи, и фобии животного не получил еще и навязчивой набожности, то его история не особенно отличалась бы от истории других детей и мы были бы не так богаты ценными материалами, которые могут нас уберечь от естественных заблуждений.

Анализ был бы неудовлетворительным, если бы не привел к пониманию той жалобы, в которой пациент обобщил свой недуг. Она гласила, что мир словно покрыт для него завесой [с. 190], и психоаналитическая школа отвергает возможность того, что эти слова не имеют значения и были выбраны как бы случайно. Завеса разрывалась — удивительным образом — только в одной ситуации, а именно когда после клизмы фекалии проходили через анальное отверстие. Тогда он снова чувствовал себя хорошо, и совсем короткое время ясно видел мир. С истолкованием этой «завесы» дело обстояло примерно так же трудно, как с прояснением страха ба-

бочки. Он также не фиксировал эту завесу, она рассеивалась и превращалась в чувство сумеречности, *«ténèbres»*[1], и в другие неосязаемые вещи.

Лишь незадолго до окончания лечения он вспомнил: он слышал, что «родился в сорочке». Поэтому он всегда себя считал особым счастливчиком, с которым ничего плохого не может случиться. Эта уверенность покинула его только тогда, когда ему пришлось признать гонорейное заболевание в качестве тяжелого ущерба его организму. Этот удар по его нарцизму его сломил. Скажем, что этим он повторил механизм, который однажды у него уже проявился. Также и фобия волка возникла у него, когда он оказался перед фактом того, что кастрация возможна, а гонорею он, очевидно, поставил в один ряд с кастрацией.

Стало быть, «счастливая сорочка» и есть та завеса, которая укрывала его от мира, а мир от него. Его жалоба — это, собственно говоря, замаскированная фантазия-желание, он предстает в ней вернувшимся в утробу матери; разумеется, это фантазия о бегстве от мира. Ее можно перевести: «Я так несчастен в жизни, я должен вернуться в материнское лоно».

Но что означает, что эта символическая, бывшая когда-то рождении реальной завеса разрывается в момент испражнения после клизмы, что при этом условии его болезнь от него отступает? Общий контекст нам позволяет ответить: когда разрывается завеса рождения, он видит мир и рождается заново. Стул — это ребенок, каким он рождается во второй раз для более счастливой жизни. Стало быть, это и есть фантазия о рождении заново, на которую не так давно обратил внимание Юнг и которой он отвел самое главное место в жизни желаний невротиков.

Было бы замечательно, если бы все этим и ограничилось. Некоторые особенности ситуации и необходимость установить связь с конкретной историей жизни заставляют нас продолжать истолкование. Условие рождения заново состоит в том, что ему ставит клизму мужчина (лишь впоследствии этого мужчину в силу обстоятельств он заменил сам). Это может означать только то, что он идентифицировал себя с матерью, мужчина выступает в роли отца, клизма повторяет акт совокупления, в качестве плода которого рождается ребенок из кала — опять-таки он сам. Стало быть, фантазия о рождении заново тесно связана с условием сексуального удовлетворе-

[1] [Тьмы, мрака (фр.). — *Примечание переводчика.*]

ния мужчиной. Следовательно, перевод звучит теперь так: только в том случае, если он может заменить женщину, заместить мать, чтобы получить удовлетворение от отца и родить ему ребенка, его болезнь от него отступает. Стало быть, фантазия о рождении заново была здесь лишь исковерканным, подвергшимся цензуре воспроизведением гомосексуальной фантазии-желания.

Если присмотреться внимательнее, то мы должны будем заметить, что в этом условии своего выздоровления больной лишь повторяет ситуацию так называемой первичной сцены: тогда он хотел подменить собой мать; ребенка из кала, как мы предположили задолго до этого, в той сцене он создал сам. Он по-прежнему фиксирован, словно прикованный, на сцене, которая стала определяющей для его сексуальной жизни, а возвращение которой в ту ночь, когда приснился сон, положило начало его нездоровью. Разрывание завесы аналогично открыванию глаз, распахнувшемуся окну. Первичная сцена преобразовалась в условие выздоровления.

То, что изображено посредством жалобы, и то, что изображено посредством опорожнения, легко можно объединить в единое целое, которое в таком случае открывает весь свой смысл. Он хочет вернуться в утробу матери не просто для того, чтобы родиться заново, а чтобы оказаться застигнутым там отцом во время коитуса, получить от него удовлетворение и родить ему ребенка.

Быть рожденным от отца, как он сначала думал, получить от него сексуальное удовлетворение, подарить ему ребенка, отказавшись при этом от своей мужественности и выразившись на языке анальной эротики, — этими желаниями замыкается круг фиксации на отце; в этом гомосексуальность нашла свое высшее и самое интимное выражение[1].

Я думаю, что этот пример проливает свет на смысл и происхождение фантазии об утробе матери и о рождении заново. Первая часто, как и в нашем случае, происходит их привязанности к отцу. Человек хочет оказаться в лоне матери, чтобы заменить ее при коитусе, занять ее место у отца. Фантазия о рождении заново, вероятно, постоянно является смягчением, так сказать, эвфемизмом фантазии об инцестуозном сношением с матерью, *анагогическим* ее

---

[1] Возможный смысловой оттенок, что завеса представляет собой девственную плеву, разрывающуюся при половом сношении с мужчиной, не совпадает с условием излечения и не соотносится с жизнью пациента, для которого девственность значения не имела.

сокращением, если употребить выражение Г. Зильберера[1]. Человек хочет вернуться в ситуацию, в которой он находился в гениталиях матери, при этом мужчина отождествляется со своим пенисом, заменяет его собой. В таком случае обе фантазии раскрывают себя как эквиваленты, которые в зависимости от мужской или женской установки данного лица выражают желание совершить половое сношение с отцом или матерью. Нельзя отвергать возможность того, что в жалобе и в условии выздоровления нашего пациента объединены обе фантазии, то есть оба инцестуозных желания[2].

Хочу сделать еще раз попытку дать иное толкование последним результатам анализа по образцу объяснений противников: пациент жалуется на свое бегство от мира в типичной фантазии о материнской утробе, видит свое исцеление только в типично понимаемом рождении заново. Последнее он выражает в анальных симптомах в соответствии с преобладающим у него предрасположением. По образцу анальной фантазии о рождении заново он создал себе детскую сцену, которая повторяет его желания с помощью архаически-символических средств выражения. Затем его симптомы сцепляются таким образом, словно они происходили из такой первичной сцены. Он вынужден был решиться на весь этот обратный путь, потому что столкнулся с жизненной задачей, для решения которой он был слишком ленив, или потому что у него были все основания остерегаться своей малоценности, и он полагал, что такими мерами лучше всего защитит себя от унижения.

Все это было бы хорошо и прекрасно, если бы несчастному уже в четыре года не приснился сон, вызванный рассказом дедушки о портном и волке, с которого начался его невроз и толкование которого делает необходимым предположение о подобной первичной сцене. Об эти мелкие, но неопровержимые факты, к сожалению, разбиваются облегчения, которые хотят нам создать теории Юнга и Адлера. Как мне кажется, положение вещей говорит, скорее, о том, что фантазия о рождении заново — это потомок первичной сцены, а не наоборот, что первичная сцена — это отражение фантазии о рождении заново. Возможно, мы вправе также предположить, что тогда, через четыре года после рождения, пациент все же был слишком юн, чтобы уже желать себе рождения заново. Но от

---

[1] [Ср. Silberer, 1914, часть II, раздел 5. Этот термин объясняется и обсуждается Фрейдом в дополнении, сделанном им в 1919 году в «Толковании сновидений» (1900*a*), а именно в главе VII, разделе А; *Studienausgabe*, т. 2, с. 501–502.]

[2] [См. обсуждение «полного» эдипова комплекса в главе III работы «Я и Оно» (1923*e*).]

этого последнего аргумента я должен все-таки отказаться; мои собственные наблюдения доказывают, что детей недооценивали и что уже неизвестно, чего от них можно ждать[1].

[1] Я признаю, что этот вопрос самый щепетильный во всем аналитическом учении. Я не нуждался в сообщениях Адлера или Юнга, чтобы критически рассмотреть возможность того, что утверждаемые анализом забытые детские переживания — пережитые в невероятно раннем детстве! — скорее основаны на фантазиях, созданных при поздних поводах, и что повсюду, где в анализах встречается, казалось бы, последействие такого инфантильного впечатления, необходимо допустить выражение конституционального момента или филогенетически сохранившегося предрасположения. Напротив, ничто не вызывало у меня больших сомнений, никакая другая неопределенность не удерживала более решительно от публикаций. Я первым познакомился как с ролью фантазий в симптомообразовании, так и с «возвратом в фантазии» поздних стимулов в детство и с последующей их сексуализацией, на что ни один из противников не указал. (См. «Толкование сновидений», 1-е изд., с. 49, и «Заметки об одном случае невроза навязчивости» [(1909*d*); *Studienausgabe*, т. 7, с. 72–74, прим. 2.] Если все-таки я стал придерживаться более сложного и неправдоподобного представления, чем мое, то это случилось благодаря аргументам, на которые наталкивают исследователя описанный здесь случай или любой другой инфантильный невроз и которые я здесь снова выношу на суд читателей.

[Ссылка на с. 49 в первом издании «Толкования сновидений», которая перепечатана во всех немецких изданиях настоящей работы, очевидно, основана на заблуждении. Вероятно, Фрейд имел в виду пассаж в главе VI, в конце раздела II (с. 198 первого издания «Толкования сновидений»). Там же он употребляет термин «возврат в фантазии», как в этом примечании; *Studienausgabe*, т. 2, с. 290–291.]

IX
ОБОБЩЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Не знаю, удалось ли читателю предлагаемого сообщения об анализе составить себе четкую картину возникновения и развития болезненного состояния у моего пациента. Опасаюсь, что нет. Но, хотя обычно я очень мало заступался за искусство моего изложения, на этот раз я хотел бы сослаться на смягчающие обстоятельства. Это была задача, за которую доселе никто еще никогда не брался, — ввести в описание столь ранние фазы и столь глубокие слои душевной жизни; и лучше уж решить ее плохо, чем обратиться перед нею в бегство, что, кроме того, будет связано с известными опасностями для упавшего духом. Стало быть, лучше уж смело показать, что не останавливаешься перед сознанием своей недостаточности.

Сам случай не был особо благоприятным. Богатство сведений о детстве позволило изучить ребенка через коммуникативное средство взрослого человека, но за это пришлось заплатить сильнейшей раздробленностью анализа и соответствующей неполнотой изложения. Личные особенности, непохожий на наш национальный характер затрудняли вчувствование. Дистанция между любезно идущей навстречу личностью больного, его острым умом, благородным образом мыслей и совершенно необузданными влечениями сделала необходимой слишком долгую подготовительную и воспитательную работу, в результате которой оказалась затруднена ориентация. Но в характере случая, поставившего перед описанием труднейшие задачи, сам пациент совершенно не виноват. В психологии взрослого человека нам посчастливилось разделить душевные процессы на сознательные и бессознательные и ясно их описать. В случае ребенка это разграничение нам почти недоступно. Зачастую затруднительно указать, что можно назвать сознательным, а что — бессознательным. Процессы, которые стали господствующими и которые, если судить по их последующему поведению, должны быть приравнены к сознательным, ребенком все же не осознавались. Легко понять, почему; сознательное еще не приобрело у ребенка всех своих свойств, оно все еще находится

в процессе развития и не обладает способностью превращаться в словесные представления. Путаница, в которой мы обычно повинны, состоит в том, что мы путаем феномен как восприятие в сознании с принадлежностью его к гипотетической психической системе, которую мы должны были каким-то образом условно назвать, но которую мы также называем сознанием (система *Сз*); эта путаница безобидна при психологическом описании взрослого человека, но вводит в заблуждение при описании маленького ребенка. Также и введение «предсознательного» здесь мало чем помогает, ибо предсознательное ребенка столь же мало совпадает с предсознательным взрослого. Поэтому приходится довольствоваться четким осознанием этой неясности.

Само собой разумеется, что случай, такой, как здесь был описан, мог бы дать повод к тому, чтобы вовлечь в обсуждение все результаты и проблемы психоанализа. Это была бы бесконечная и неоправданная работа. Нужно себе сказать, что из одного-единственного случая всего не узнаешь, сего помощью всего не разрешишь, и поэтому надо удовлетвориться использованием его для того, что он демонстрирует всего яснее. Задача дать объяснение в психоанализе вообще узко ограничена. Необходимо объяснить бросающиеся в глаза симптоматические образования, раскрывая их происхождение; психические механизмы и процессы влечений, к которым приходишь таким путем, нужно не объяснять, а описывать. Чтобы из констатаций, относящихся к двум этим последним пунктам, получить новые общие положения, требуется множество таких хорошо и глубоко проанализированных случаев. Получить их не очень просто, каждый в отдельности предполагает работу на протяжении многих лет. Стало быть, движение вперед в этой области может происходить лишь очень медленно. Однако возникает естественное искушение довольствоваться тем, чтобы у некоторого числа людей «поскоблить» психическую поверхность, а упущенное затем заменить умозрительным рассуждением, которые находится под патронажем какого-нибудь философского направления. В пользу такого метода можно выставить доводом также и практические потребности, но потребности науки нельзя удовлетворить никаким суррогатом.

Я хочу попытаться представить синтетический обзор сексуального развития моего пациента и могу при этом начать с самых ранних симптомов. Первое, что мы о нем узнаем, это нарушение аппетита [с. 211], которое я, основываясь на других случаях, но все же со всей сдержанностью склонен расценивать как результат не-

коего процесса в сексуальной сфере. В качестве первой заметной сексуальной организации я должен рассматривать так называемую *каннибальскую*, или *оральную*, в которой на сцене все еще господствует первоначальная опора сексуального возбуждения на влечение к пище. Непосредственных проявлений этой фазы ждать не приходится, но ее признаки, пожалуй, становятся очевидными при возникших нарушениях. Ущербность влечения к пище — которая, разумеется, может иметь также и другие причины — обращает наше внимание на то, что организму не удалось справиться с сексуальным возбуждением. Сексуальной целью этой фазы мог бы быть только каннибализм, пожирание; у нашего пациента это проявляется через регрессию от более высокой ступени в страхе быть съеденным волком. Этот страх мы должны были перевести: что отец совершит с ним коитус. Известно, что в гораздо более позднем возрасте, у девушек в пубертатный период или вскоре после него, встречается невроз, который выражает отвержение сексуальности посредством анорексии; его можно связать с этой оральной фазой сексуальной жизни. На пике пароксизма влюбленности («Я мог бы тебя съесть от любви») и в ласковом общении с маленькими детьми, причем взрослый сам ведет себя как ребенок, вновь проявляется любовная цель оральной организации. В другом месте я высказал предположение, что отец моего пациента сам имел обыкновение «ласково браниться», что он играл с малышом в волка или собаку и в шутку угрожал ему, что его съест (с. 152). Пациент лишь подтвердил это предположение своим странным поведением в переносе. Как только он, отступая перед трудностями лечения, обращался к переносу, он угрожал пожиранием, а впоследствии другими всевозможными истязаниями, что было лишь выражением нежности.

В словоупотреблении сохранился известный отпечаток этой оральной сексуальной фазы; говорят об «аппетитном» объекте любви, возлюбленную называют «сладкой». Мы помним, что наш маленький пациент тоже хотел есть только сладкое. Сладости, конфеты в сновидении обычно замещают ласку, сексуальное удовлетворение.

По-видимому, к этой фазе относится также страх (в случае заболеваний, разумеется), который проявляется как страх за жизнь и может привязаться ко всему, что ребенку представляется подходящим. У нашего пациента он использовался для того, чтобы побудить его справиться со своим нежеланием есть, более того, для сверхкомпенсации этого нежелания. На возможный источник нарушения у него

аппетита мы можем напасть, если — на почве того много обсуждавшегося предположения — мы вспомним о том, что наблюдение за коитусом, от которого исходили многочисленные последующие воздействия, приходится на возраст в $1^{1}/_{2}$ года, когда проблемы, связанные с едой, несомненно, еще не возникли. Возможно, мы вправе предположить, что оно ускорило процессы полового созревания и, таким образом, оказало непосредственное, хотя и невидимое воздействие.

Разумеется, я также знаю, что симптоматику этого периода, страх волка, нарушения, связанные с принятием пищи, можно объяснить иначе и проще, без учета сексуальности и догенитальной ступени ее организации. Кто желает пренебречь признаками невротических расстройств и взаимосвязью явлений, тот предпочтет это другое объяснение, и я не смогу ему в этом помешать. Об этих начальных этапах сексуальной жизни трудно узнать что-нибудь убедительное иначе, чем указанными обходными путями.

Сцена с Грушей (в $2^{1}/_{2}$ года) демонстрирует нам малыша в начале развития, которое заслуживает считаться нормальным, возможно, за исключением некоторой преждевременности: идентификация с отцом, уретральная эротика в представлении мужественности. Она также целиком находится под влиянием первичной сцены. Идентификацию с отцом мы до сих пор понимали как нарциссическую, но с учетом содержания первичной сцены мы не можем отрицать, что она соответствует уже ступени генитальной организации. Мужские гениталии начали играть свою роль и продолжают ее играть под влиянием совращения со стороны сестры.

Однако создается впечатление, что совращение не только способствует развитию, но и в гораздо большей степени его нарушает и отклоняет. Оно предлагает пассивную сексуальную цель, которая в принципе не совместима с действием мужских гениталий. При первом же внешнем препятствии, при намеке няни на кастрацию (в $3^{1}/_{2}$ года[1]), робкая пока еще генитальная организация рушится и регрессирует на предшествовавшую ей ступень анально-садистской организации, которая в противном случае, возможно, была бы пройдена с такими же легкими проявлениями, как у других детей.

В анально-садистской организации легко узнать дальнейшее развитие оральной. Насильственная мышечная деятельность с объектом, которая ее отличает, находит свое место в качестве подготовительного акта для пожирания, которое выступает как сексу-

---

[1] [В изданиях до 1924 года здесь говорилось: «В $3^{3}/_{4}$ года».]

альная цель. Этот подготовительный акт становится самостоятельной целью. Новшество по сравнению с предыдущей ступенью состоит, в сущности, в том, что принимающий, пассивный орган, отделенный от зоны рта, образуется в анальной зоне. Здесь напрашиваются биологические параллели или понимание догенитальных организаций у человека как остатков устройств, которые в течение долгого времени сохраняются у некоторых классов животных. Для этой ступени точно так же является характерным формирование исследовательского влечения из его компонентов.

Анальная эротика обращает на себя внимание не так явно. Под влиянием садизма фекалии сменили свое значение как выражение нежности на агрессивное. В превращении садизма в мазохизм участвовало также и чувство вины, которое указывает на процессы развития в других, отличных от сексуальной, сферах.

Совращение продолжает оказывать свое влияние, сохраняя в силе пассивность сексуальной цели. Теперь оно превращает значительную часть садизма в его пассивный эквивалент — в мазохизм. Еще неизвестно, можно ли характер пассивности целиком отнести на его счет, ибо реакция $1^1/_2$-годовалого ребенка на увиденный коитус уже была преимущественно пассивной. Сексуальное возбуждение у него выразилось в испражнении, в котором, правда, следует выделить и активный компонент. Наряду с мазохизмом, определяющим его сексуальное стремление и выражающимся в фантазиях, сохраняется также садизм, который проявляется по отношению к мелким животным. Его сексуальное исследование началось после совращения и в основном посвящено двум проблемам: откуда берутся дети и возможна ли утрата гениталий — и переплетается с проявлениями его влечений. Оно направляет его садистские наклонности на мелких животных как представителей маленьких детей.

В своем описании мы подошли вплотную к четвертому дню рождения, к моменту, когда сновидение задним числом делает действенным впечатление от увиденного в $1^1/_2$ года коитуса. Процессы, которые ныне разыгрываются, мы не можем ни полностью понять, ни в достаточной степени описать. Активация картины, ставшей теперь понятной благодаря продвинувшемуся интеллектуальному развитию, действует как свежее событие, но также как и новая травма, как чужое вмешательство, аналогичное совращению. Разрушенная генитальная организация сразу же восстанавливается, но достигнутый во сне прогресс сохранить не удается. Напротив, через процесс, который можно приравнять лишь к вытеснению, это приводит к отказу от нового и к замене его фобией.

Таким образом, анально-садистская организация сохраняется также и в наступающей теперь фазе фобии животных, разве что к ней примешались явления страха. Ребенок продолжает совершать как садистские, так и мазохистские действия, но все же реагирует страхом на некоторую их часть; обращение садизма в его противоположность, вероятно, продолжается.

Из анализа страшного сна мы делаем вывод, что вытеснение непосредственно следует за признанием кастрации. Новое отбрасывается, потому что его принятие стоило бы пениса. Более тщательное рассуждение позволяет выявить следующее: вытесненным является гомосексуальная установка в генитальном значении, которая сформировалась под влиянием нового знания. Но она сохраняется для бессознательного, когда образуется изолированный более глубокий слой. Движущей силой этого вытеснения, по-видимому, является нарциссическая мужественность гениталий, которая вступает в давно подготовленный конфликт с пассивностью гомосексуальной цели. Таким образом, вытеснение — это результат мужественности.

Возникает искушение, исходя из этого, изменить часть психоаналитической теории. Кажется вполне очевидным, что вытеснение и невротическое образование возникают именно из конфликта между мужскими и женскими стремлениями, то есть из бисексуальности. Однако такое понимание имеет пробелы. Из двух противоположных сексуальных течений одно сообразно Я, другое же ущемляет нарциссический интерес; поэтому оно подвергается вытеснению. Также и в этом случае именно Я вводит в действие вытеснение в пользу одного из сексуальных стремлений. В других случаях подобный конфликт между мужественностью и женственностью не существует; имеется только одно сексуальное стремление, настоятельно требующее признания, которое, однако, сталкивается с известными силами Я и поэтому отвергается. Гораздо чаще, чем конфликты внутри самой сексуальности, встречаются другие, возникающие между сексуальностью и моральными тенденциями Я. В нашем случае подобный моральный конфликт отсутствует. Стало быть, подчеркивание бисексуальности в качестве мотива вытеснения было бы чересчур однобоким; подчеркивание конфликта между Я и сексуальным стремлением (либидо) охватывает все явления.

Учению о «мужском протесте» в том виде, как его разработал Адлер [1910], можно противопоставить, что вытеснение отнюдь не всегда принимает сторону мужественности и касается женственности; в большом количестве случаев именно мужественность подвергается вытеснению со стороны Я.

Впрочем, более правильная оценка процесса вытеснения в нашем случае привела бы к оспариванию того, что нарциссическая мужественность имеет значение единственного мотива вытеснения. Гомосексуальная установка, возникающая во время сновидения, является столь интенсивной, что Я маленького человека оказывается неспособной с нею справиться, и защищается от нее при помощи процесса вытеснения. С этой целью в качестве помощника привлекается противоположная ей нарциссическая мужественность гениталий. То, что все нарциссические побуждения исходят от Я и остаются при Я, а вытеснения направлены против либидинозных объектных катексисов, необходимо сказать только во избежание недоразумений[1].

От процесса вытеснения, с которым, пожалуй, нам не удалось справиться до конца, перейдем к состоянию, которое возникает при пробуждении от сна. Если бы в процессе сновидения мужественность действительно одержала верх над гомосексуальностью (женственностью), то мы должны были бы счесть преобладающим активное сексуальное стремления с уже явно выраженным мужским характером. Но об этом нет и речи, сущность сексуальной организации не изменилась, анально-садистская фаза продолжает существовать, она осталась господствующей. Победа мужественности проявляется только в том, что в ответ на пассивные сексуальные цели господствующей организации (которые являются мазохистскими, но не женскими) теперь возникает реакция страха. Победоносного мужского сексуального побуждения нет, имеется только пассивное и сопротивление против него.

Могу себе представить, какие трудности доставляет читателю непривычное, но необходимое строгое разделение активно-мужского и пассивно-женского, и поэтому не стану избегать повторений. Итак, состояние после сновидения можно описать следующим образом: сексуальные стремления были расщеплены, в бессознательном достигнута ступень генитальной организации и конституирована очень интенсивная гомосексуальность; кроме нее существует (вероятно, в сознательном) прежнее садистское и преимущественно мазохистское сексуальные течения, Я в целом изменило свою позицию в отношении сексуальности, оно находится в состоянии отрицания сексуальности и со страхом отвергает господствующие мазохистские цели, подобно тому как оно реагировало на более глу-

[1] [Разработанная Адлером теория вытеснения еще подробнее обсуждается Фрейдом в последней части его работы, посвященной фантазиям о побоях (1919*e*); см. *Studienausgabe*, т. 7, с. 51–52.]

бокие гомосексуальные цели образованием фобии. Стало быть, результат сновидения оказался не столько победой мужского течения, сколько реакцией против женского и пассивного. Было бы натяжкой приписать этой реакции характер мужественности. Я не имеет сексуальных стремлений, а лишь заинтересовано в самозащите и в сохранении своего нарцизма.

Теперь рассмотрим фобию. Она возникла на уровне генитальной организации, демонстрирует нам сравнительно простой механизм тревожной истерии. Я защищается развитием страха от того, что оценивает как слишком большую опасность, от гомосексуального удовлетворения. И все же процесс вытеснения оставляет после себя след, который нельзя не заметить. Объект, с которым связалась внушающая страх сексуальная цель, в сознании должен замениться другим. Осознается не страх перед *отцом*, а страх перед *волком*. Процесс также не ограничивается образованием фобии с одним содержанием. Через какое-то время волк заменяется львом [с. 159]. С садистскими побуждениями в отношении мелких животных конкурирует страх перед ними как представителями соперников, возможных маленьких детей. Особенно интересно возникновение фобии бабочки. Оно словно повторяет механизм, создавший в сновидении фобию волка. Благодаря случайному поводу активируется старое переживание, сцена с Грушей, чья угроза кастрации начинает действовать лишь впоследствии, а в то время, когда была произнесена, никакого впечатления не оставила[1].

---

[1] Сцена с Грушей, как уже упоминалось, была спонтанным воспоминанием пациента, к которому конструкция или стимулирование со стороны врача были непричастны; пробелы в нем были восполнены анализом таким образом, который должен быть назван безупречным, если вообще придавать значение методу аналитической работы. Рационалистическое объяснение этой фобии могло бы только сказать: нет ничего необычного в том, что у предрасположенного к боязливости ребенка однажды возникает приступ страха перед бабочкой с желтыми полосками, вероятно, вследствие врожденной склонности к страху (Ср. Stanley Hall, «A Synthetic Genetic Study of Fear», 1914). Не зная этой причины, он ищет какую-нибудь привязку этого страха в детстве и пользуется случайным сходством имени и повторением полос, чтобы сконструировать себе фантазию о приключении с юной няней, о которой еще сохранилось воспоминание. Но если второстепенные детали безобидного самого по себе события — мытье пола, чан, веник — в дальнейшей жизни проявляют такую силу, что надолго и навязчивым образом определяют выбор человеком объекта, то на долю фобии бабочки выпадает непонятное значение. Положение вещей становится по крайней мере таким же удивительным, как и утверждаемое мною, и вся выгода от рационалистического понимания этой сцены улетучивается. Стало быть, сцена с Грушей для нас особенно ценна, поскольку на ней мы можем подготовить свое суждение о менее надежной первичной сцене.

Можно сказать, что страх, который причастен к образованию этих фобий, является страхом кастрации. Это высказывание не противоречит той точке зрения, что страх произошел из вытеснения гомосексуального либидо. В обоих способах выражения имеется в виду один и тот же процесс — Я отнимает либидо у гомосексуального побуждения, которое превращается в свободно плавающую тревогу, а затем может связаться в фобии[1]. Разве что в первом способе выражения обозначается также мотив, побуждающий Я.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что это первое заболевание нашего пациента (не принимая в расчет нарушения, связанные с принятием пищи) не исчерпывается фобией, а должно пониматься как настоящая истерия, к которой наряду с симптомами страха относятся также явления конверсии. Часть гомосексуального побуждения закрепляется в задействованном в нем органе; с этого времени, а также позднее кишечник ведет себя как истерически возбужденный орган. Бессознательная, вытесненная гомосексуальность удалилась в кишечник. Именно эта часть истерии оказала затем наибольшую службу при разгадке последующего болезненного состояния.

Теперь нам должно хватить храбрости приступить к объяснению еще более сложных условий невроза навязчивости. Представим себе ситуацию еще раз: господствующее мазохистское и вытесненное гомосексуальное сексуальные течения, им противостоит Я, охваченное истерическим отвержением; какие процессы превращают это состояние в невроз навязчивости?

Превращение происходит не спонтанно, благодаря дальнейшему внутреннему развитию, а под посторонним влиянием извне. Его очевидный результат состоит в том, что стоящее на переднем плане отношение к отцу, которое до сих пор находило выражение в фобии волка, теперь выражается в навязчивой набожности. Не могу оставить без внимания то, что процесс у этого пациента недвусмысленно доказывает утверждение, которое было выдвинуто мной в работе «Тотем и табу» об отношении тотемного животного к божеству[2]. Там я пришел к тому, что представление о божестве не является дальнейшим развитием тотема, а возникает независимо от него из общего для них источника и приходит ему на смену. Тотем — это

---

[1] [Последующее изменение своего мнения об отношениях между вытеснением и тревогой Фрейд объясняет в работе «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*), в частности в главах IV и XI, А (б).]

[2] «Тотем и табу» [(1912–1913), статья IV (6); *Studienausgabe*, т. 9, с. 431].

первая замена отца, бог же — более поздняя, в которой отец вновь обретает свой человеческий образ. Это же мы обнаруживаем и у нашего пациента. В фобии волка он проходит через стадию тотемистической замены отца, которая тут прерывается и вследствие новых отношений между ним и отцом заменяется фазой религиозной набожности.

Влиянием, которое вызывает это превращение, является опосредствованное матерью знакомство с учениями религии и со священной истории. Именно к этому результату стремилось воспитание. Садомазохистская сексуальная организация постепенно сходит на нет, фобия волка быстро исчезает, место боязливого отвержения сексуальности занимает высшая форма ее подавления. Набожность становится господствующей силой в жизни ребенка. Но все эти преодоления совершаются не без борьбы, признаком которой являются богохульные мысли, а их следствием становится закрепившееся навязчивое преувеличение религиозного церемониала.

Если не брать в расчет этих патологических феноменов, то мы можем сказать, что в данном случае религия добилась всего, для чего она вводится в воспитание индивида. Она обуздала его сексуальные стремления, обеспечив им сублимацию и прочную фиксацию, обесценила его семейные отношения и этим предотвратила грозившую ему изоляцию, открыв ему место присоединения к великой общности людей. Дикий, запутанный ребенок стал социальным, благонравным и воспитуемым.

Главной движущей силой религиозного влияния было отождествление с фигурой Христа, которое ему особо напрашивалось благодаря случайности даты его рождения. Здесь чрезмерная любовь к отцу, сделавшая необходимым вытеснение, нашла, наконец, выход в идеальной сублимации. В качестве Христа можно было любить отца, называвшегося теперь богом, с такой страстью, которая тщетно искала разрядки у земного отца. Способы, которыми можно было проявить эту любовь, были указаны религией; к ним не пристало также сознание вины, которое нельзя было отделить от индивидуальных любовных стремлений. Если, таким образом, самое глубокое сексуальное течение, уже подавленное в качестве бессознательной гомосексуальности, еще можно было дренировать, то поверхностное мазохистское стремление без особого отказа нашло себе несравненную сублимацию в истории страданий Христа, который позволил себя истязать и принести в жертву по поручению и в честь божественного отца. Так религия сделала свое дело у сбившегося с пути ребенка благодаря смеси удовлетворения, сублима-

ции, отвлечения от чувственного на чисто духовные процессы и открытию социальных отношений, которые она предоставляет верующему[1].

Его первоначальное сопротивление религии имело три разных исходных пункта. Во-первых, это вообще был его способ, примеры чего мы уже видели, защищаться от всяких новшеств. Он отстаивал любую однажды занятую либидинозную позицию из страха потери при отказе от нее и из неверия в возможность найти полную замену с помощью новой. Это является важной и фундаментальной психологической особенностью, которую я описал в «Трех очерках по теории сексуальности» [1905*d*] как способность к *фиксации*[2]. Под названием психической «инертности» Юнг хотел сделать ее главной причиной всех неудач невротиков. Я думаю, неправомерно; она простирается гораздо дальше и играет свою важную роль не только в жизни нервных людей. Легкая подвижность или тугоплавкость либидинозных, а также иных энергетических катексисов является особым свойством, присущим многим нормальным и отнюдь не всем нервным людям, и до сих пор ее не удалось связать с чем-то другим; она, как простое число, далее неделима. Мы знаем только одно: свойство подвижности психических катексисов с возрастом заметно снижается. Оно дало нам одно из показаний для установления границ психоаналитического воздействия. Но есть люди, у которых эта психическая пластичность сохраняется гораздо дольше обычного предельного возраста, и есть другие люди, у которых она исчезает очень рано. Если это невротики, то с огорчением обнаруживаешь, что при внешне равных условиях у них нельзя устранить изменений, с которыми у других удалось легко справиться. Поэтому также и при превращении психических процессов можно принять в расчет понятие *энтропии*, большая степень которой препятствует обратному развитию того, что произошло[3].

Вторым поводом для придирок стал для него тот факт, что и само религиозное учение не имеет в своей основе однозначного отношения к богу-отцу, а пронизано признаками амбивалентной уста-

---

[1] [Значение религии для индивида далее обсуждается в работе «Будущее одной иллюзии» (1927*c*).]

[2] [За три абзаца перед окончанием этой работы.]

[3] [Согласно второму закону термодинамики, энтропия — это степень вероятности того, что определенные физические изменения состояния тела необратимы. Конечное состояние, к которому стремится энтропия, называется тепловой смертью.]

новки, царившей при его возникновении. Эту амбивалентность он ощутил благодаря тому, что она сама у него была очень развита, и с нею связалась та остроумная критика, которая показалась нам такой удивительной у ребенка пятилетнего возраста. Но самым важным, несомненно, был третий момент, воздействием которого мы можем объяснить патологические результаты его борьбы с религией. Течение, теснящее к мужчине, которое должно было быть сублимировано религией, уже не было свободным, а частично было обособлено вытеснением, поэтому оказалось недоступным для сублимации и связанным со своей первоначальной сексуальной целью. В силу этой взаимосвязи вытесненная часть стремилась проложить себе путь к сублимированной части или привлечь ее к себе. Первые раздумья, опутывавшие персону Христа, уже содержали вопрос, может ли этот возвышенный сын осуществить также и закрепившееся в бессознательном сексуальное отношение к отцу. Отказ от этого стремления не имел никакого другого результата, кроме возникновения внешне богохульных навязчивых мыслей, в которых физическая нежность к богу проявилась в форме его унижения. Ожесточенная защитная борьба с этими компромиссными образованиями должна была затем привести к навязчивому преувеличению всех видов деятельности, в которых находила свой предначертанный выход набожность, чистая любовь к богу. В конце концов победила религия, но ее основа, коренящаяся во влечениях, оказалась несравненно прочнее, чем продукты ее сублимации. Как только жизнь принесла ему новую замену отца, влияние которого направилось против религии, он от нее отказался и заменил другим. Вспомним еще интересное осложнение, что набожность возникла под влиянием женщин (матери и няни), тогда как мужское влияние содействовало освобождению от нее.

Возникновение невроза навязчивости на почве анально-садистской сексуальной организации в целом подтверждает то, что в другом месте я говорил «о предрасположении к неврозу навязчивости» (1913*i*). Но предшествовавшая тяжелая истерия делает наш случай в этом отношении менее ясным. Я хочу закончить обзор сексуального развития нашего больного, мимоходом осветив его дальнейшие изменения. В годы пубертата у него проявилась очень чувственное, мужское течение, которое следует назвать нормальным, с сексуальной целью генитальной организации, судьбы которого заполняют период до его более позднего заболевания. Оно непосредственно связано со сценой с Грушей, заимствовало у нее навязчивый, приступообразно возникающий и исчезающий характер

влюбленности и должно было бороться с торможениями, происходившими из остатков инфантильных неврозов. Вместе с насильственным прорывом к женщине он в конце концов приобрел полную мужественность; отныне он стал придерживаться этого сексуального объекта, но радости от обладания не испытывал, ибо сильная, теперь уже полностью бессознательная склонность к мужчине, сосредоточившая в себе все силы более ранних фаз, снова и снова отвлекала его от женщины и в интервалах заставляла преувеличивать зависимость от женщины. Приступая к лечению, он пожаловался, что не может «отцепиться» от женщины, и вся работа была направлена на то, чтобы раскрыть ему бессознательное отношение к мужчине. Его детство, если свести это к формуле, характеризовалось колебанием между активностью и пассивностью, его пубертат — борьбой за мужественность, а период его заболевания — борьбой за объект мужского стремления. Повод к его заболеванию не подпадает ни под один «тип невротического заболевания», которые мне удалось объединить как частные случаи «отказа»[1], и, таким образом, обращает внимание на пробел в этом ряду. Он обессилел, когда органическое поражение гениталий пробудило его страх кастрации, нанесло убыток его нарцизму и заставило его отказаться от ожидания благосклонного отношения к нему судьбы. Стало быть, он заболел вследствие нарциссического «отказа». Эта чрезмерная сила его нарцизма полностью соответствовала другим признакам заторможенного сексуального развития, а именно, что его гетеросексуальный любовный выбор при всей своей энергии сконцентрировал в себе очень мало психических устремлений и что гомосексуальная установка, во многом близкая к нарцизму, с такой вязкостью утвердилась у него в качестве бессознательной силы. Разумеется, при таких нарушениях психоаналитическое лечение не может добиться моментального перелома и согласования с нормальным развитием; оно может только устранить препятствия и сделать пути проходимыми, чтобы жизненные влияния смогли дать развитию лучшие направления.

В качестве особенностей его психической сущности, которые были раскрыты психоаналитическим лечением, но не были далее прояснены и на которые, соответственно, нельзя было непосредственно повлиять, я сопоставлю: уже упомянутую вязкость фиксации, чрезвычайное развитие амбивалентных наклонностей и как третью черту конституции, которую можно назвать архаической,

---

[1] «О типах невротического заболевания» (1912*c*).

— способность сохранять рядом друг с другом дееспособными самые разные и противоречивые либидинозные катексисы. Постоянное колебание между ними, благодаря которому, по-видимому, долгое время были исключены разрешение и прогресс, преобладало во всей картине болезни позднего периода, которой я здесь мог лишь слегка коснуться. Вне всякого сомнения, это была черта, характерная для бессознательного, но распространившаяся у него на процессы, которые стали сознательными; но она проявлялась только в результатах аффективных импульсов, в чисто логических сферах он, скорее, демонстрировал особую сноровку в отыскании противоречий и несовместимостей. Таким образом, его душевная жизнь производит на нас такое же впечатление, какое на него производит древнеегипетская религия, которая становится для нас столь непостижимой из-за того, что наряду с конечными продуктами она сохраняет ступени развития, оставляет самых древних богов и значения бога вместе с самыми новыми, располагает на поверхности то, что в ходе развития других религий становится глубинным образованием.

Теперь я довел до конца то, что хотел сообщить об этом случае болезни. Еще только две из многочисленных проблем, которые он поднимает, кажутся мне заслуживающими особого упоминания. Первая касается филогенетически привнесенных схем, которые, подобно философским «категориям», обеспечивают размещение жизненных впечатлений. Мне хочется отстаивать точку зрения, что они являются осадками истории человеческой культуры. Эдипов комплекс, охватывающий отношение ребенка к родителям, принадлежит к их числу, или, вернее, является самым известным примером этого рода. Там, где переживания не укладываются в унаследованную схему, происходит их переработка в фантазии, труд которой было бы безусловно полезно проследить в деталях. Именно эти случаи пригодны для того, чтобы доказать нам самостоятельное существование схемы. Мы часто можем заметить, что схема берет верх над индивидуальным переживанием, как, например, в нашем случае, когда отец становится тем, кто кастрирует и кто угрожает детской сексуальности, несмотря на обратный в остальном эдипов комплекс. Другое ее воздействие состоит в том, что нянька занимает место матери или с нею сливается. Противоречия между переживанием и схемой, по-видимому, поставляют богатый материал для детских конфликтов.

Вторая проблема находится недалеко от этой, но она несравненно более важная. Если принять во внимание отношение семи-

летнего ребенка к реактивированной первичной сцене[1], более того, если вспомнить лишь о гораздо более простых реакциях $1^1/_2$-годовалого ребенка при переживании этой сцены, то будет сложно отмести точку зрения, что к этому у ребенка причастно своего рода труднoопределимое знание, нечто похожее на подготовительную работу к пониманию[2]. В чем это может состоять, у нас нет никакого представления, мы располагаем лишь прекрасной аналогией с далеко идущим *инстинктивным* знанием у животных.

Если бы также и человек обладал таким инстинктивным знанием, то не пришлось бы удивляться, что оно касалось бы прежде всего процессов сексуальной жизни, хотя никоим образом оно не может быть этим ограничено только ими. Это инстинктивное было бы ядром бессознательного, примитивной душевной деятельностью, которая впоследствии низлагается и перекрывается разумом человечества, который оно должно приобрести, но очень часто, быть может, у всех, сохраняет способность притягивать к себе высшие душевные процессы. Вытеснение было бы возвратом к этой инстинктивной ступени, и, таким образом, человек расплачивался бы способностью к неврозу за свое великое новоприобретение, а возможностью неврозов доказывал бы существование более ранней инстинктивной первой ступени. Значение же ранних детских травм состояло бы в том, что они поставляют этому бессознательному материал, который оберегает его от истощения последующим развитием.

Я знаю, что похожие мысли, подчеркивающие наследованный, филогенетически приобретенный момент в душевной жизни, высказывались с различных сторон, более того, я полагаю, что им были слишком готовы отвести место в психоаналитической оценке явлений. Они кажутся мне допустимыми только в таком случае, если психоанализ, соблюдая инстанционный порядок движения, нападет на следы унаследованного, пробравшись через все наслоения индивидуально приобретенного[1].

---

[1] Я вправе не принимать во внимание то, что это поведение удалось облечь в слова только через два десятилетия, ибо все воздействия, которые мы выводим из сцены, выразились в форме симптомов, навязчивостей и т. д. уже в детстве, задолго до анализа. При этом не имеет значения, чем ее считать — первичной сценой или первичной фантазией.

[2] Я снова должен подчеркнуть, что эти рассуждения были бы праздными, если бы сновидение и невроз не принадлежали к периоду детства.

[1] *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* Я здесь еще раз приведу хронологию событий, упомянутых в этой истории:

Родился на Рождество.

$1^1/_2$ года: малярия. Наблюдение за коитусом родителей или за той их встречей, в которую он позднее привнес фантазию о коитусе.

Незадолго до $2^1/_2$ лет: сцена с Грушей.

$2^1/_2$ года: покрывающее воспоминание об отъезде родителей с сестрой.

В нем он остается только с няней и таким образом отрицает Грушу и сестру.

До $3^1/_4$ лет: мать жалуется врачу.

$3^1/_4$ года: начало совращения сестрой, вскоре после этого угроза кастрации со стороны няни.

$3^1/_2$ года: английская гувернантка, начинает меняться характер.

4 года: сновидение о волке, возникновение фобии.

$4^1/_2$ года: влияние библейской истории.

Появление симптомов навязчивости.

Незадолго до 5 лет: галлюцинация о потере пальца.

5 лет: семья покидает первое имение.

После 6 лет: посещение больного отца [навязчивый выдох].

8 лет: } последние вспышки невроза навязчивости.
10 лет: }

[17 лет: нервный срыв, вызванный гонореей.]

[23: начало лечения.]

[Даты следующих событий точно установить нельзя:

Между первичной сценой ($1^1/_2$) и совращением ($3^1/_4$): нарушение аппетита.

В этот же отрезок времени: немой водонос.

Перед четвертым годом жизни: возможно, наблюдение за совокупляющимися собаками.

После четвертого дня рождения: страх бабочки (махаона).]

Из моего описания легко догадаться, что пациент был русским. Я с ним расстался, когда, по моей оценке, он вылечился, за несколько недель до начала [Первой] мировой войны и снова его увидел только тогда, когда перипетии войны открыли центральным властям доступ на юг России. Тогда он приехал в Вену и сообщил о возникшем непосредственно после окончания лечения стремлении избавиться от влияния врача. За несколько месяцев работы удалось справиться с еще не преодоленной частью переноса; пациент, которого война лишила родины, имущества и всех семейных связей, с тех пор чувствовал себя нормально и отличался безупречным поведением. Быть может, именно его нужда благодаря успокоению у него чувства вины помогла укрепить его здоровье.

[Возможно, будет представлять интерес, если более поздняя истории жизни больного будет дополнена некоторыми датами. Первый этап лечения продолжался с февраля 1910-го по июль 1914 года. Весной 1919 года пациент вернулся в Вену, и Фрейд еще раз занимался его лечением с ноября 1919-го по февраль 1920 года. В некоторых последующих замечаниях о данном случае в начале своей работы «Конечный и бесконечный анализ» (1937*c*), *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 359 и прим. 1, Фрейд сообщает, что после этого второго этапа лечения пациент продолжал жить в Вене, а состояние его здоровья, хотя и с иногда случавшимися перерывами, в общем и целом было удовлетворительным. Этими более поздними эпизодами по совету Фрейда занималась одна из его учениц, доктор Рут Мак Брунсвик. Она сама подробно сообщила об этой последующей фазе лечения, которая продолжалась с октября 1926-го по февраль 1927 года (Brunswick, 1928). Ее сообщение в 1948 году было перепечатано в журнале «The Psycho-Analytic Reader», издававшемся Р. Флиссом, и дополнено примечанием доктора Рут Мак Брунсвик (сделанном в сентябре 1945 года), в котором она кратко излагает дальнейшую историю жизни больного вплоть до 1940 года. Еще более позднее сообщение о его серьезных внешних проблемах во время Второй мировой войны и его реакциях на них было опубликовано Муриэль

Гардинер (1952). Общее сообщение о случае содержится находится во втором томе биографии Фрейда (Jones, 1962, т. II, с. 325–331). В 1971 году в Нью-Йорке вышла книга Муриэль Гардинер о «Волкове» и самого «Волкова» (Wolfsmann, 1971), немецкое издание появилось годом позже.]

Приложение

БИБЛИОГРАФИЯ

Предварительное замечание. Названия книг и журналов выделены курсивом, названия статей в журналах или книгах заключены в кавычки. Сокращения соответствуют изданию «World List of Scientific Periodicals» (Лондон, 1963–1965). Другие используемые в этом томе сокращения разъясняются в «Списке сокращений» на с. 318. Цифры в круглых скобках в конце библиографических пометок означают страницы данного тома, где даются ссылки на данную работу. Выделенные курсивом буквы после указания года издания приведенных ниже сочинений Фрейда относятся к библиографии Фрейда, представленной в последнем томе англоязычного собрания сочинений «Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud». Расширенный вариант этой библиографии на немецком языке содержится в томе «Freud-Bibliographie mit Werkkonkordanz», подготовленном Ингеборг Мейер-Пальмедо и Герхардом Фихтнером (издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1989). Список авторов, труды которых не относятся к научной литературе, или ученых, труды которых не упоминаются, см. в разделе «Именной указатель».

ABRAHAM, K. — (1909) *Traum und Mythus*, Wien. Новое издание в: K. Abraham, *Psychoanalytische Studien zur Charakterbildung* (Und andere Schriften), hrsg. von J. Cremerius, *Conditio humana*, Frankfurt am Main 1969. (87)

ADLER, A. — (1908) «Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neurose» *Fortschr. Med.*, т. 26, с. 577. (93, 117)

(1910) «Der psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose», *Fortschr. Med.*, т. 28, с. 486. (221–222)

ALEXANDER, F. — (1922) «Kastrationskomplex und Charakter», *Int. Z. Psychoanal.*, т. 8, с. 121. (15)

ANDREAS-SALOME, L. — (1916) «"Anal" und "Sexual"», Imago, т. 4, с. 249. (15)

BELL, J. SANFORD — (1902) "A Preliminary Study of the Emotion of Love between the Sexes", *Am. J. Psychol.*, т. 13, с. 325. (118)

BRUNSWICK, R. MACK — (1928) «A Supplement to Freud's "History of an Infantile Neurosis"», *Int. J. Psycho-Analysis*, т. 9, с. 439; перепечатано с дополнением в: *The Psycho-Analytic Reader*, изд. Р. Флисс, Лондон и Нью-Йорк, 1948, с. 86. (231)

FERENSZI, S. — (1912) «Über passagère Symptombildungen während der Analyse», *Zentbl. Psydioanal.*, т. 2, с. 588. (159)

FREUD, S.

(1900*a*) *Die Traumdeutung*, Wien. *G. W.*, т. 2–3; *Studienausgabe*, т. 2. (15, 17, 25, 55, 96, 98, 101, 123, 153, 154, 169, 214, 215)

(1905*c*) *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*, Wien. *G. W.*, т. 6; *Studienausgabe*, т. 4, с. 9. (55)

(1905*d*) *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, Wien. *G. W.*, т. 5, с. 29; *Studienausgabe*, т. 5, с. 37. (13, 18, 40, 89, 94-96, 119, 196, 226)

(1905*e* [1901]) «Bruchstück einer Hysterie-Analyse», *G. W.*, т. 5, с. 163; *Studienausgabe*, т. 6, с. 83. (14)

(1907 c) «Zur sexuellen Aufklärung der Kinder», *G. W.*, т. 7, с. 19; *Studienausgabe*, т. 5, с. 159. (11)

(1908*b*) «Charakter und Analerotik», *G. W.*, т. 7, с. 203; *Studienausgabe*, т. 7, с. 23. (188)

(1908*c*) «Über infantile Sexualtheorien», *G. W.*, т. 7, с. 171; *Studienausgabe*, т. 5, с. 169. (11, 15, 18, 95)

(1908*f*) Vorwort zu Stekel *Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung*, *G. W.*, т. 7, с. 467. (99)

(1909*b*) «Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben», *G. W.*, т. 7, с. 243; *Studienausgabe*, т. 8, с. 9. (128–130)

(1909*d*) «Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose», *G. W.*, т. 7, с. 381; *Studienausgabe*, т. 7, с. 31. (106, 215)

(1910*c*) *Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci*, Wien. *G. W.*, т. 8, с. 128; *Studienausgabe*, т. 10, с. 87. (140)

(1911*c*) «Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides)», *G. W.*, т. 8, с. 240; *Studienausgabe*, т. 7, с. 133. (198)

(1912*c*) «Über neurotische Erkrankungstypen», *G. W.*, т. 8, с. 322; *Studienausgabe*, т. 6, с. 215. (228)

(1912 *d)* «Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens», G. *W.*, т. 8, с. 78; *Studienausgabe*, т. 5, с. 197. (142)

(1912–1913) *Totem und Tabu*, Wien, 1913. *G. W.*, т. 9; *Studienausgabe*, т. 9, с. 287. (11, 36, 128, 176, 224)

(1913*b)* Geleitwort zu Pfister *Die psychanalytische Methode*, *G. W.*, т. 10, с. 448. (122)

(1913*d)* «Märchenstoffe in Träumen», G. *W.*, т. 10, с. 2. (127, 149, 199)

(1913*i*) «Die Disposition zur Zwangsneurose», *G. W.*, т. 8, с. 442; *Studienausgabe*, т. 7, с. 105. (180, 227)

(1913*j*) «Das Interesse an der Psychoanalyse», *G. W.*, т. 8, с. 389. (122)

(1914 *a)* «Über fausse reconnaissance ("déjà raconté") während der psychoanalytischen Arbeit», G. *W.*, т. 10, с. 116; *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 231. (127–128, 199)

(1914*c*) «Zur Einführung des Narzißmus», *G. W.*, т. 10, с. 138; *Studienausgabe*, т. 3, с. 37. (128)

(1914*d)* «Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung», G. *W.*, т. 10, с. 43. (117, 129, 142)

(1915*e*) «Das Unbewußte», G. *W.*, т. 10, с. 264; *Studienausgabe*, т. 3, с. 119. (132, 196)

(1916*d)* «Einige Charaktertypen aus der psychoanalytischen Arbeit», G. *W.*, т. 10, с. 364; *Studienausgabe*, т. 10, с. 229. (41, 147)

(1916–1917 [1915–1917]) *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Wien. *G. W.*, т. 11; *Studienausgabe*, т. 1, с. 33. (11, 15, 90, 99, 128, 129, 174, 177, 209, 210)

(1917*b*) «Eine Kindheitserinnerung aus *Dichtung und Wahrheit*, *G. W.*, т. 12, с. 15; *Studienausgabe*, т. 10, с. 255. (109)

(1917*c*) «Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik», *G. W.*, т. 10, с. 402; *Studienausgabe*, т. 7, с. 123. (128, 195)

(1917*e* [1915]) «Trauer und Melancholie», *G. W.*, т. 10, с. 428; *Studienausgabe*, т. 3, с. 193. (128)

(1918*h* [1914]) «Aus der Geschichte einer infantilen Neurose» *G W.*, т. 12, с. 29; *Studienausgabe*, т. 8, с. 125. (12, 13, 15)

(1919 *e*) «"Ein Kind wird geschlagen"», *G. W.*, т. 13, с. 197; *Studienausgabe*, т. 7, с. 229. (128)

(1920*g*) *Jenseits des Lustprinzips*, Wien. *G. W.*, т. 13, с. 3; *Studienausgabe*, т. 3, с. 213. (117)

(1921*c*) *Massenpsychologie und Ich-Analyse*, Wien. *G. W.*, т. 13, с. 73; *Studienausgabe*, т. 9, с. 61. (146)

(1922*c*) «Nachschrift zur Analyse des kleinen Hans», *G. W.*, т. 13, с. 431; *Studienausgabe*, т. 8, с. 123.

(1923*b*) *Das Ich und das Es*, Wien. *G. W.*, т. 13, с. 237; *Studienausgabe*, т. 3, с. 273. (117, 121, 128, 214)

(1923*e*) «Die infantile Genitalorganisation», *G. W.*, т. 13, с. 293; *Studienausgabe*, т. 5, с. 235. (95–96)

(1924*d*) «Der Untergang des Ödipuskomplexes», *G. W.*, т. 13, с. 395; *Studienausgabe*, т. 5, с. 243. (16)

(1925*f*) Geleitwort zu August Aichhorn *Verwahrloste Jugend*, *G. W.*, т. 14, с. 565. (122)

(1925*h)* «Die Verneinung», *G. W.*, т. 14, с. 11; *Studienausgabe*, т. 3, с. 371. (196)

(1925*j*) «Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds», *G. W.*, т. 14, с. 19; *Studienausgabe*, т. 5, с. 253. (112)

(1926*d* [1925]) *Hemmung, Symptom und* Angst, Wien. *G. W.*, т. 14, с. 113; *Studienausgabe*, т. 6, с. 227. (11, 100, 128, 224)

(1927*c*) *Die Zukunft einer Illusion*, Wien. G. *W.*, т. 14, с. 325; *Studienausgabe*, т. 9, с. 135. (226)

(1930*a*) *Das Unbehagen in der Kultur*, Wien. *G. W.*, т. 14, с. 421; *Studienausgabe*, т. 9, с. 191. (117)

(1932*a*) «Zur Gewinnung des Feuers», G. *W.*, т. 16, с. 3; *Studienausgabe*, т. 9, с. 445. (206)

(1933*a* [1932]) *Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Wien. *G. W.*, т. 15; *Studienausgabe*, т. 1, с. 447. (117, 122)

(1937 с) «Die endliche und die unendliche Analyses *G. W.*, т. 16, с. 59; *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 351. (231)

(1939*a* [1937–1939]) *Der Mann Moses und die monotheistische Religion*, *G. W.*, т. 16, с. 103; *Studienausgabe*, т. 9, с. 455. (36)

(1950*a* [1887–1902]) *Aus den Anfängen der Psychoanalyse*, London; Frankfurt a. M., 1962. (Содержит «Entwurf einer Psychologie», 1895 [(1950*c*)в: *G. W.*, дополнительный том., с. 375]. (158)

Gardiner, M. (1952) «Meetings with the Wolf-Man», *Bull. Philadelphia Ass. Psychoanal.*, т. 2, с. 32; Перепечатано в: *Bull. Meninger Clin.*, т. 17 (1953), с. 41. (231)

Hall, G. S. (1914) «A Synthetic Genetic Study of Fear», *Am. J. Psychol.*, т. 25, с. 149. (223)

Jones, E. (1962*a*) *Das Leben und Werk von Sigmund Freud*, т. 2, Bern und Stuttgart. (127, 232)

Jung, C. G. (1917) *Die Psychologie der unbewußten Prozesse*, Zürich·(210)

Moll, A. (1898) *Untersuchungen über die Libido Sexualis*, т. 1, Berlin. (96)

Rank, O. (1909) *Der Mythus von der Geburt des Helden*, Leipzig und Wien. (63)

(1912) «Völkerpsychologische Parallelen zu den infantilen Sexualtheorien», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 2, с. 372, 425. (152)

Sadger, I. (1908) «Fragment der Psychoanalyse eines Homosexuellen», *Jb. sex. Zwischenstufen*, т. 9. (95)

(1909) «Zur Ätiologie der konträren Sexualempfindung», *Medsche Klin.*, Nr. 2. (95)

Silberer, H. (1914) *Probleme der Mystik und ihre Symbolik*, Wien und Leipzig. (214)

Stärcke, A. (1921) «Der Kastrationskomplex», *Int. Z. Psychoanal.*, т. 7, с. 9. (15)

Stekel, W. (1908) *Nervöse Angstzustände und ihre Behandlung*, Wien. (99)

Weininger, O. (1903) *Geschlecht und Charakter*, Wien. (36)

Wolfsmann (1971) *The Wolf-Man*, New York. Іемецкое издание: *Der Wolfsmann*, с историей болезни Волкова, описанной Зигмундом Фрейдом, послесловием Рут Мак Брунсвик и предисловием Анны Фрейд, издано с примечаниями, введением и дополнительными главами, приложенными Муриэль Гардинер, Франкфурт-на-Майне 1972. (232)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Conditio humana	Reihe *Conditio humana, Ergebnisse aus den Wissenschaften vom Menschen*, издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1969–1975.
G. S.	S. Freud, *Gesammelte Schriften* (12 томов). Международное психоаналитическое издательство, Вена, 1924–1934.
G. W.	S. Freud, *Gesammelte Werke* (18 томов и один дополнительный том без номера), тома 1–17, London, 1940–1952, том 18, Франкфурт-на-Майне, 1968, дополнительный том, Франкфурт-на-Майне, 1987. Полное издание с 1960 года — издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне.
Neurosenlehre und Technik	S. Freud, *Schriften zur Neurosenlehre und zur psychoanalytischen Technik (1913–1926)*, Вена, 1931.
S. K. S. N.	S. Freud, *Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre* (5 томов). Вена, 1906–1922.
Studienausgabe	S. Freud, *Studienausgabe* (10 томов и один дополнительный том без номера), издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1969–1975.
Vier Krankengeschichten	S. Freud, *Vier psychoanalytische Krankengeschichten*, Вена, 1932.

Остальные использованные в этом томе сокращения соответствуют изданию «World List of Scientific Periodicals» (4-е издание), Лондон, 1963–1965.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В этот указатель вошли также фамилии авторов, произведения которых к научной литературе не относятся. Он также включает в себя фамилии ученых, однако указанные номера страниц относятся к тем местам в тексте, где Фрейд упоминает лишь фамилию соответствующего автора, но не конкретную работу. При ссылках на определенные труды научных авторов читатель может обратиться к библиографии.

Зигмунд Фрейд

ДВА ДЕТСКИХ НЕВРОЗА

ISBN 5-89808-051-1

Подписано в печать 20.02.07. Формат 84×108 1/32.
Печать офсетная. Физ. печ. л. 7,5.
Тираж 3000 экз. Заказ № 763

ООО «Фирма СТД».
119361, Москва, ул. Кибальчича, д. 3

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
«Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81
www.ippps.ru, e-mail: ippps@atnet.ru

Зигмунд

Фрейд

Два детских невроза

Два детских невроза
Зигмунд Фрейд